

Вестник БарГУ

Научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 года
Выходит 2 раза в год

№ 2 (18), август, 2025

Серия «Педагогические науки.
Психологические науки.
Филологические науки
(литературоведение)»

Учредитель: учреждение образования
«Барановичский государственный университет».

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: rig@barsu.by .

Подписные индексы: 00995 — для индивидуальных
подписчиков; 009952 — для организаций.
Свидетельство о регистрации средств массовой информации
№ 1533 от 30.07.2012, выданное Министерством информации
Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей аттестационной комиссии
Республики Беларусь от 21 января 2015 г.
№ 16 научно-практический журнал «Вестник БарГУ» серия
«Педагогические науки. Психологические науки. Филологические
науки (литературоведение)» включён в Перечень научных
изданий Республики Беларусь для опубликования результатов
диссертационных исследований по педагогическим
и психологическим наукам, филологическим наукам
(литературоведению).

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ»
включен в РИНЦ (Российский индекс научного
цитирования), лицензионный договор № 06-01/2016.

Выходит на русском, белорусском и английском языках.
Распространяется на территории
Республики Беларусь.

Технический редактор Ю. А. Киселева
Компьютерная вёрстка Ю. А. Киселева
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 24.07.2025. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага ксероксная. Печать цифровая.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 8,84. Уч.-изд. л. 7,00.
Тираж 30 экз. Заказ . Цена свободная.
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/424 от 9 сентября 2016 года.

Полиграфическое исполнение: республиканское унитарное
предприятие «Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь». Специальное
разрешение (лицензия) на право осуществления поли-
графической деятельности № 02330/89 от 3 марта 2014 года.
Адрес: ул. Кальварийская, 17, 220004 г. Минск.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кочурко В. И. (гл. ред. журн.), доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического образования, академик Международной академии наук педагогического образования, академик Академии экономических наук Украины, Почётный профессор БарГУ, профессор кафедры технического обеспечения сельскохозяйственного производства и агрономии (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (зам. гл. ред. журн.), кандидат экономических наук, доцент, первый проректор (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Яценко Т. Е. (гл. ред. сер.), кандидат психологических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Захарченя Н. Ф.** (отв. секретарь сер.) (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Коновалик В. К. (ред. текстов на англ. яз.) (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Лобковская Е. А. (отв. за направление «Педагогические науки»), кандидат педагогических наук (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Иценко А. Г.** (отв. за направление «Психологические науки»), кандидат философских наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Криштоп И. С.** (отв. за направление «Филологические науки»), кандидат филологических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Белановская О. В., кандидат психологических наук, доцент (государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», Минск, Республика Беларусь); **Белая Е. И.**, доктор филологических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь) **Бельский А. И.**, доктор филологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Брусевич А. А.**, кандидат филологических наук, доцент (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Глазырина Л. Д.**, доктор педагогических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск, Республика Беларусь); **Джига Н. Д.**, доктор психологических наук, профессор (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Дубешко Н. Г.**, кандидат педагогических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Клещёва Е. А.**, кандидат психологических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Кремень М. А.**, доктор психологических наук, профессор (Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь); **Крусь П. П.**, кандидат философских наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь); **Лопатик Т. А.**, доктор педагогических наук, профессор (учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск, Республика Беларусь);

Макаревич А. Н., доктор филологических наук, доцент (учреждение образования «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова», Могилёв, Республика Беларусь); **Манкевич Ж. Б.**, кандидат психологических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Никашина Г. А.**, кандидат педагогических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Олифинович Н. И.**, кандидат психологических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь); **Пергаменчик Л. А.**, доктор психологических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск, Республика Беларусь); **Пинюта И. В.**, кандидат педагогических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Пузыревич Н. Л.**, кандидат психологических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск, Республика Беларусь); **Пучинская Т. М.**, кандидат педагогических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Тарантей В. П.**, доктор педагогических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Тарасова Т. Н.**, доктор филологических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск, Республика Беларусь); **Торхова А. В.**, доктор педагогических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск, Республика Беларусь); **Храмцова Ф. И.**, доктор политических наук, профессор, кандидат педагогических наук (Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Александрова Е. А., доктор педагогических наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация); **Зырянова С. М.**, кандидат педагогических наук, доцент (бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет», Сургут, Российская Федерация); **Лашкова Л. Л.**, доктор педагогических наук, доцент (бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет», Сургут, Российская Федерация); **Мухтарова Ш. М.**, доктор педагогических наук (Карагандинский государственный университет имени академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан); **Николаева М. В.**, доктор педагогических наук, доцент, профессор (бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», Волгоград, Российская Федерация); **Селиванов В. В.**, доктор психологических наук, профессор (Институт экспериментальной психологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Российская Федерация); **Хребина С. В.**, доктор психологических наук, профессор (Институт человековедения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Российская Федерация); **Ястреб Н. А.**, доктор философских наук, доцент (Институт социальных и гуманитарных наук федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет», Вологда, Российская Федерация).

Institution of Education "Baranavichy State University"

BarSU Herald

Scientific and practical journal

Published since March 2013
It is published 2 times a year

No. 2 (18), August, 2025

Series "Education. Psychology.
Philology (Literary studies)"

Promoter: Institution of Education "Baranavichy State University".

Editorial address:
21 Voykova Str., 225404 Baranavichy.
Phone: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: rig@barsu.by .

Subscription indices: 00995 — for individual subscribers;
009952 — for companies.
The certificate of the registration of mass media № 1533
of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information
of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, on January 21, 2015 № 16 the scientific and practical journal "BarSU Herald" the series "Education. Psychology. Philology (Literary studies)" was included in the list of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research on pedagogical, psychological and philological sciences (Literary studies).

Scientific-and-practical journal "BarSU Herald"
is included into RSCI (Russian Science Citation Index), license
agreement № 06-01/2016.

Issued in Russian, Belarusian and English. The journal is distributed on
the territory of the Republic of Belarus.

Technical editor Y. A. Kiseleva
Desktop Publishing Y. A. Kiseleva
Proofreader N. N. Kolodko

Signed print 24.07.2025. Format 60 × 84 1/8. Paper xerox. Digital
printing. Headset Times. Conv. pr. s. l. 8.84.
Acc.-pub. s. l. 7.00. Circulation of 30 copies.
Order . Free price.
The state registration certificate of the publisher, manufacturer and
publications distributor No.1/424, September 9, 2016.

Printing performance: Republican Unitary Enterprise "Information and
Computing Center of the Ministry of Finance of the Republic of
Belarus". Special permission (license) for the right to carry out printing
activities No. 02330/89, March 3, 2014.
Address: 17 Kalvaryiskaya, 220004 Minsk.

EDITORIAL BOARD

Kochurko V. I. (*Editor-in-Chief*), Doctor of Agriculture, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, Academician of the International Academy of Pedagogical Education, Academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, Honorary Professor of BarSU, Professor of the Department of Technical Supply of Agricultural Production and Agronomy (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*Deputy Editor-in-Chief*), Ph. D. in Economics, Associate Professor, First Vice-Rector (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Yatsenko T. E. (*Series Executive Editor*), Ph. D. in Psychology, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus);
Zhakharchenya N. F. (*Senior Editor*) (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Konovalik V. K. (*English Text Editor*) (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Lobkovskaya E. A. (*responsible for "Pedagogical Sciences" area*), Ph. D. in Education (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus);
Itsenko A. G. (*responsible for "Psychological Sciences" area*), Ph. D. in Philosophy, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus);
Kryshopt I. S. (*responsible for "Philological Sciences" area*) Ph. D. in Philology, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Belanovskaya O. V., Ph. D. in Psychology, Associate Professor (State Institution of Education "National Institute of Higher Education", Minsk, the Republic of Belarus); **Belaya E. I.** Doctor of Philology, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Belskiy A. I.**, Doctor of Philology, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Brusevich A. A.**, Ph. D. in Philology, Associate Professor (Institution of Education "Grodno State University named after Yanka Kupala", Grodno, the Republic of Belarus); **Glazyrina L. D.**, Doctor of Education, Professor (Educational Institution "Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank", Minsk, the Republic of Belarus); **Dzhiga N. D.**, Doctor of Psychology, Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Dubeshka N. G.**, Ph. D. in Education, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Kleshcheva E. A.**, Ph. D. in Psychology, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Kremen M. A.**, Doctor of Psychology, Professor (Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus); **Krus P. P.**, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor (Institution of Education "Brest State University named after A. S. Pushkin", Brest, the Republic of Belarus); **Lopatik T. A.**, Doctor of Education, Professor (Institution of Education "Minsk State Linguistic University", Minsk, the Republic of Belarus); **Makarevich A. N.**, Doctor of Philology, Associate Professor (Institution of Education "Mogilev State University named after A. A. Kuleshov", Mogilev, the Republic of Belarus); **Mankevich Z. B.**, Ph. D. in Psychology, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Nikashina G. A.**, Ph. D. in Education, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Olifrovich N. I.**,

Ph. D. in Psychology, Associate Professor (Minsk, the Republic of Belarus); **Pergamenschik L. A.**, Doctor of Psychology, Professor (Educational Institution "Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank", Minsk, the Republic of Belarus); **Pinyuta I. V.**, Ph. D. in Education, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Puzyrevich N. L.**, Ph. D. in Psychology, Associate Professor (Educational Institution "Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank", Minsk, the Republic of Belarus); **Puchinskaya T. M.**, Ph. D. in Education, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Tarantey V. P.**, Doctor of Education, Professor (Institution of Education "Grodno State University named after Y. Kupala", Grodno, the Republic of Belarus); **Tarasova T. N.**, Doctor of Philology, Professor (Educational Institution "Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank", Minsk, the Republic of Belarus); **Torhova A. V.**, Doctor of Education, Professor (Educational Institution "Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank", Minsk, the Republic of Belarus); **Hramtsova F. I.**, Doctor of Political Sciences, Professor, Ph. D. in Education (Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

Aleksandrova E. A., Doctor of Education, Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky", Saratov, the Russian Federation); **Zyryanova S. M.**, Ph. D. in Education, Associate Professor (Budgetary Institution of Higher Education of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra "Surgut State Pedagogical University" (Surgut, the Russian Federation); **Lashkova L. L.**, Doctor of Education, Associate Professor (Budgetary Institution of Higher Education of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra "Surgut State Pedagogical University" (Surgut, the Russian Federation); **Muhtarova S. M.**, Doctor of Education (Karaganda State University named after the Academician E. A. Buketov, Karaganda, the Republic of Kazakhstan); **Nikolaeva M. V.**, Doctor of Education, Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Volgograd State Socio-pedagogical University", Volgograd, the Russian Federation); **Selivanov V. V.**, Doctor of Psychology, Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psycho-pedagogical University", Moscow, the Russian Federation); **Khrebina S. V.**, Doctor of Psychology, Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pyatigorsk State University", Pyatigorsk, the Russian Federation); **Yastreb N. A.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vologda State University", Vologda, the Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бартошевич И. А. Научно-методическое обеспечение процессуального оценивания готовности будущего учителя к педагогическому творчеству и его экспериментальная апробация

Дворак В. Н., Юй Цзе Инновации в системе хореографического образования как драйвер развития китайского национального народного танца

Каранец Е. М. Формирование у студентов умения применять здоровьесберегающие технологии в образовательном процессе учреждений дошкольного образования

Курьян В. В. Проектная технология организации контрольно-оценочной деятельности по формированию речевой компетенции в учреждениях общего среднего образования

Маслов Ю. В. Культура, язык и литература: новые реалии многоязычного мира

Пинюта И. В., Лущицкая К. С. Совершенствование лексических навыков с использованием цифровых технологий

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Король М. А. Измерительные возможности диагностического инструментария по изучению критического мышления в психологии

Сапего Е. И. Выдающемуся ученому Виктору Павловичу Шейнову — 85 лет!

Сылу Чжао, Фурманов И. А. Половозрастные различия в представлениях о тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в зависимости от пола родителя

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Литературоведение

Крыштоп І. С. Дыялектыка фактычнага і ілюзорнага ў рамане Віктара Казько «Бунт незапатрабаванага праху»

Самаукина А. П. Мотив бессмертия в городской прозе А. Козлова и К. Аткинсон

CONTENTS

EDUCATION

6 Bartoshevich I. A. Scientific and methodological support for performance assessment of the pre-service teacher's readiness for pedagogical creativity and its experimental approbation

12 Dvorak V. N., Yu Jie Innovations in the system of choreographic education as a development driver of the Chinese national folk dance

19 Karanets E. M. Students' ability formation to apply health-saving technologies in the educational process of preschool educational institutions

24 Kuryan V. V. Project technology of organizing control and evaluation activities to develop speech competence in general secondary education institutions

30 Maslov Y. V. Culture, language and literature: the new reality of the multilingual world

35 Piniuta I. V., Lushchytskaya K. S. Improvement of lexical skills using digital technologies

PSYCHOLOGY

41 Korol M. A. Measurement capabilities of diagnostic tools for studying critical thinking in psychology

49 Sapego E. I. Outstanding scientist Viktor Pavlovich Sheinov is 85 years old!

54 Silu Zhao, Fourmanov I. A. Gender and age differences in perceptions of parent-child conflict resolution tactics in chinese and belarusian families depending on the gender of the parent

PHILOLOGY

Literary studies

64 Kryshtop I. S. The dialectics of the factual and the illusive in Viktor Kazko's novel "The revolt of unclaimed ashes"

69 Samaukina A. P. The motif of immortality in the urban prose of A. Kozlov and K. Atkinson

УДК: 378.146

И. А. Бартошевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 723 16 03, irina-bartoshevich@yandex.ru

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОЦЕНИВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ТВОРЧЕСТВУ И ЕГО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АПРОБАЦИЯ

В статье рассматривается проблема обеспечения процессуального оценивания готовности будущего учителя к педагогическому творчеству как ключевого компонента профессиональной компетентности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от традиционных методов оценивания к процессуальным, позволяющим отслеживать динамику личного и профессионального развития студентов. Представлено описание научно-методического обеспечения процессуального оценивания готовности будущего учителя к педагогическому творчеству и результаты его апробации в процессе непрерывной профессиональной подготовки в учреждении высшего образования. Научно-методическое обеспечение включает методические и дидактические материалы, разработанные автором на основе требований компетентностного подхода. Результаты лонгитюдной экспериментальной работы подтверждают целесообразность применения разработанных методических рекомендаций, учебных изданий и оценочных средств для непрерывного оценивания готовности будущего учителя к педагогическому творчеству в рамках текущей, промежуточной и итоговой аттестаций.

Ключевые слова: процессуальное оценивание; готовность; педагогическое творчество; готовность к педагогическому творчеству; оценочное средство; аттестация.

Библиогр.: 14 назв.

I. A. Bartoshevich

Institution of Education “Baranavichy State University”, 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, +375 (29) 723 16 03, irina-bartoshevich@yandex.ru

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT FOR PERFORMANCE ASSESSMENT OF THE PRE-SERVICE TEACHER'S READINESS FOR PEDAGOGICAL CREATIVITY AND ITS EXPERIMENTAL APPROBATION

The article considers the problem of ensuring procedural assessment of the future teacher's readiness for pedagogical creativity as a key component of professional competence. The relevance of the study is due to the need to move from traditional assessment methods to procedural ones, allowing to track the dynamics of personal and professional development of students. The article presents a description of scientific and methodological support for the procedural assessment of the future teacher's readiness for pedagogical creativity and the results of its testing in the process of continuous professional training in an institution of higher education. Scientific and methodological support includes methodological and didactic materials developed by the author based on the requirements of the competence approach. The longitudinal experimental work results confirm the feasibility of using the developed methodological recommendations, educational publications and assessment tools for continuous assessment of the future teacher's readiness for pedagogical creativity within the framework of current, midterm and final certifications.

Key words: performance assessment; readiness; pedagogical creativity; readiness for pedagogical creativity; assessment tool; assessment sment.

Ref.: 14 titles.

Введение. Педагогические ситуации, с которыми учитель сталкивается в ежедневной профессиональной деятельности, зачастую требуют ухода от трафаретных способов их решения. Перед учреждениями высшего образования (далее — УВО), обеспечивающими подготовку педагогических кадров, стоит задача приобщить студентов к творческой профессиональной

деятельности. Соответственно, наряду с оценкой знаний обучающихся возникает потребность в оценке их профессиональных и личностных новообразований, процесс и результат которой позволят выявить готовность будущего учителя к педагогическому творчеству (далее — ГПТ).

Методология и методы исследования. Научно-методическое обеспечение процессуального оценивания ГПТ реализуется на основе общенаучного подхода — системно-деятельностного — во взаимосвязи с конкретно-научными подходами: компетентностным, акмеологическим и личностно ориентированным, которые лежат в основе частнонаучных подходов: проблемно-задачного и эвристического. Экспериментальная апробация научно-методического обеспечения проводилась двумя циклами на лингвистическом факультете учреждения образования «Барановичский государственный университет». Для выявления эффективности применяемого научно-методического обеспечения использовались методы наблюдения, качественного и количественного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Готовность будущего учителя к педагогическому творчеству является динамичной характеристикой, которая формируется в период обучения в УВО, следовательно, нуждается в непрерывной оценке. При этом когнитивно-операциональный компонент готовности необходимо оценивать не изолированно, а в единстве с мотивационно-ценностным, коммуникативно-деятельностным и личностным [1].

Значительным потенциалом в реализации данной задачи обладает процессуальное оценивание, позволяющее осуществлять непрерывную, пролонгированную, качественную и количественную оценку и самооценку процесса и результата профессионального и личностного развития будущего учителя в ходе текущей, промежуточной и итоговой аттестаций [2]. Для реализации процессуального оценивания ГПТ нами разработано научно-методическое обеспечение, которое представляет собой целостную систему методических и дидактических материалов, объединённых единой педагогической концепцией.

Функциональное назначение методических материалов (учебно-методические документы, учебно-методические средства, авторский курс) заключается в оказании консультативной помощи преподавателю в организации и реализации процессуального оценивания ГПТ в УВО.

Учебно-методические документы представлены учебными программами по дисциплинам специального цикла и учебной программой государственного экзамена по дисциплине «Иностранный язык» (специальности: «современные иностранные языки» (по направлениям); «иностранный язык» (с указанием языка); «белорусский язык и литература, иностранный язык» (с указанием языка); «русский язык и литература, иностранный язык» (с указанием языка)), разработанными на основе образовательных стандартов высшего образования. Отличительным преимуществом учебных программ является определение образовательных результатов в формулировках, отражающих не единицы усваиваемого содержания, а готовность обучающихся решать различные педагогические задачи. В программах предлагаются оценочные средства, ориентирующие обучающихся на критическое и творческое познание (поиск информации и генерация идей, постоянная рефлексия и самоанализ собственных действий и т. д.).

Учебно-методические средства представлены учебно-методическим пособием [3], методическими рекомендациями [4; 5], которые позволяют расширить представление об организации и проведении контрольно-оценочной деятельности в УВО. Они направлены на оказание помощи преподавателю в оценивании личностного и профессионального развития обучающихся — будущих учителей английского языка в рамках текущей, промежуточной и итоговой аттестаций: представлен алгоритм процессуального оценивания, предлагаются примеры творческих задач, разработанных с учётом требований компетентностной дидактической системы, и оценочных средств текущей, промежуточной и итоговой аттестаций по дисциплинам специального цикла.

Авторский курс «Традиционные и инновационные подходы к оценочной деятельности», обеспеченный электронным учебно-методическим комплексом [6], направлен на формирование представления о многомерности современной системы оценивания, умений применять современные методы, формы, средства оценивания образовательных результатов. Материалы авторского курса могут быть применены при проведении курсов повышения квалификации по соответствующей программе.

Таким образом, методические материалы призваны помочь преподавателю организовать и провести лонгитюдное и непрерывное оценивание ГПТ, реализующееся в процессе текущей, промежуточной и итоговой аттестаций.

Функциональное назначение дидактических материалов заключается в обеспечении непрерывной самооценки и внешней оценки ГПТ в рамках текущей, промежуточной и итоговой аттестаций. Дидактические материалы представлены разработанными автором оценочными средствами текущей, промежуточной и итоговой аттестаций, а также серией учебных изданий, позволяющих содержательно обеспечить оценочные средства текущей аттестации. Необходимо отметить, что дидактические материалы являются одновременно и средством формирования, и средством оценивания ГПТ.

Важной составляющей дидактических материалов научно-методического обеспечения процессуального оценивания ГПТ выступают *оценочные средства*, представленные целевым, организационным и технологическим компонентами. *Целевой компонент* определяет цель, задачи, субъект(ы), а также объект(ы), подлежащие оценке.

Организационный компонент включает материалы, необходимые для оценки творческой учебно-познавательной деятельности обучающихся: проблемная ситуация, творческая задача, форма ее презентации, критерии и показатели оценивания. На основе информации целевого компонента обучающемуся предлагается междисциплинарная проблемная ситуация(и), творческая учебная задача(и). Проблемная ситуация погружает обучающихся в контекст профессиональной деятельности, позволяет сформулировать творческую учебно-профессиональную задачу. Предъявление решения задачи носит поливариантный творческий характер посредством различных открытых форм оценивания: устных (деловая игра, дискуссия, дебаты и др.), письменных (эссе, доклад, статья и др.) и компьютерных (мультимедийная презентация, педагогическое произведение, веб-квест и др.). Данные формы позволяют оценить уровень ГПТ в процессе субъект-субъектного взаимодействия на основе методов процессуального оценивания. Экспериментальная работа позволила выявить у студентов интерес к такой устной форме оценивания, как деловая игра. Она представляет собой ролевое взаимодействие участников согласно установленным правилам. Положительно зарекомендовала себя такая письменная форма, как эссе, сущностная характеристика которой — выражение собственного мнения об отдельных явлениях педагогической реальности. Из компьютерных форм оценивания наибольший интерес у студентов вызвал веб-квест. Осмысление реальной жизненной ситуации требовало актуализации имеющегося жизненного и педагогического опыта, комплекса предметных и педагогических знаний и умений.

Технологический компонент позволяет вести непрерывное оценивание уровня ГПТ (проявление инициативы и интереса к творческой деятельности, наличие межпредметных знаний и учебных умений, педагогических умений, творческих способностей, личностных качеств), обеспечивая последовательный, поэтапный процесс с помощью соответствующих инструментов и методов в процессе текущей, промежуточной и итоговой аттестаций на основе разработанных критериев и показателей.

Применение методов самонаблюдения/наблюдения, самооценивания/оценивания, самоанализа/анализа обеспечивает получение объективной информации о состоянии и динамике, т. е. постоянном качественном и количественном приросте знаний, умений, навыков, формировании и развитии способностей и качеств в процессе творческой деятельности, содействует профессиональному самоопределению и саморазвитию обучающегося [7]. Удобство и относительная простота организации процедуры оценки для преподавателя заключаются в большой доле самостоятельности студента, он сам несёт ответственность за принимаемые решения.

На любом этапе обучения обучающийся может самостоятельно оценить свою ГПТ и понять, что необходимо доработать с помощью инструментов: лист самооценки, лист достижений, рубрика и др. *Лист самооценки (checklist)*, основываясь на описании последовательности этапов решения творческой учебной задачи, обеспечивает ситуацию успеха обучающимся с разным уровнем готовности. Оценка с помощью листа самооценки осуществляется обучающимися с использованием порядковой описательной шкалы, выраженной альтернативными терминами «способен» (+), «не способен» (–) либо при помощи описательной шкалы: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно».

Лист достижений (achievement list) — контекстная (содержательная) информация о достижениях обучающегося. Он является максимально индивидуализированным, так как каждый студент в процессе учения и развития дополняет лист своими достижениями: от оценки отдельных умений к интегрированной оценке. Ведение листа достижений меняет роль обучающегося с исполнителя на активного участника диалога субъектов образовательного процесса. У студента развивается умение давать содержательную характеристику, самому регулировать свою учебную деятельность, активизировать мыслительные процессы. Данные лонгитюдные инструменты оценивания обеспечивают сдвиг от поведенческой ориентации на успеваемость, подчёркивающей важность количественной оценки результатов, в сторону когнитивной ориентации, подчёркивающей важность качественной оценки. Сотрудничество преподавателя и обучающегося в ходе сбора и синтеза информации о качестве его подготовки направлено на определение ГПТ в любой момент процесса обучения, а также вне его.

Рубрика представляет собой чёткие критерии и дескрипторы, разработанные преподавателем совместно с обучающимися, по которым студенты могут самостоятельно оценивать свою учебно-познавательную деятельность, используя качественные (описательные) критерии. Преподаватель оценивает ее по тем же критериям и дескрипторам, придавая при необходимости балльное (количественное) значение. Одновременно он делает аналитический вывод о степени корреляции педагогически управляемой и самостоятельной оценки, что способствует реализации принципа обратной связи. Это снимает психологическое напряжение, создаёт атмосферу взаимопонимания и комфорта.

Оценочные средства процессуального оценивания ГПТ представлены тремя типами:

– *оценочные средства текущей аттестации* — обеспечивают поэтапное оценивание творческой учебно-познавательной деятельности в процессе изучения учебной дисциплины (темы, раздела). Они позволяют установить обратную связь между студентом и преподавателем, определить состояние и динамику каждого студента;

– *оценочные средства промежуточной аттестации* — предназначены для оценки уровня ГПТ по завершении изучения учебной дисциплины, ее вклада в становление будущего учителя как личности и профессионала, позволяют определить успешность обучающегося на определённом этапе;

– *оценочные средства итоговой аттестации* — призваны обеспечивать оценку качества целостной подготовки выпускника к реальной педагогической деятельности. Для справедливой оценки уровня готовности необходимо не только ориентироваться на результаты, показанные обучающимися в определённый момент времени (на государственном экзамене), но и учитывать динамику их изменений на протяжении периода обучения, представленную в портфолио развития студента.

В зависимости от типа оценочного средства ГПТ может оцениваться в целом и по ее компонентам. Для оценивания процесса формирования ГПТ в ходе текущей аттестации оценочными средствами предусматриваются задания, позволяющие определять уровень развития ее отдельных компонентов. Оценочные средства текущей (тематический контроль), промежуточной и итоговой аттестаций направлены на оценку сформированности готовности в совокупности всех четырёх компонентов.

Портфолио развития представляет собой оценочное средство, позволяющее преподавателю обеспечить пролонгированный мониторинг уровня ГПТ, обучающемуся — получать оперативную информацию о состоянии и динамике личностного и профессионального

развития в рамках учебной и внеучебной деятельности, а также проектировать и осуществлять самообразование и саморазвитие в процессе творческой деятельности. Портфолио, включающее учебные и внеучебные достижения обучающихся, учитывает результаты, достигнутые студентами в разнообразных видах деятельности: моё педагогическое кредо, мои образовательные достижения, мой допрофессиональный/профессиональный опыт, моя гражданская позиция, мой личностный рост. Особенностью использования данного оценочного средства является то, что оно предполагает непрерывную систематическую оценочную деятельность, охватывает все учебные дисциплины специального цикла, обладающие потенциалом в формировании ГПТ.

Для содержательного обеспечения оценочных средств текущей аттестации нами разработана серия печатных и электронных *учебных изданий* [8—14], особенность которых — блочно-модульный принцип построения учебного материала, наличие заданий репродуктивного, продуктивного и творческого уровней. Деление материала на блоки и уровни позволяет проводить поэтапное самооценивание и оценивание ГПТ в процессе аудиторной и самостоятельной работы в рамках текущей аттестации (изучение темы, раздела учебной дисциплины), учитывая индивидуальные особенности и уровень подготовки обучающихся.

Экспериментальная проверка разработанного научно-методического обеспечения осуществлялась на лингвистическом факультете учреждения образования «Барановичский государственный университет». Преобразующий этап (цикл 1) экспериментальной работы (2011—2012 годы) проводился в рамках текущей и промежуточной аттестаций по учебной дисциплине «Дискурсивная практика» / «Дискурсивная практика: социокультурный контекст». Результаты цикла 1 эксперимента показали, что ГПТ является сложным и многогранным феноменом, который невозможно качественно сформировать и, соответственно, оценить в рамках одной учебной дисциплины. Результаты экспериментальной работы позволили нам прийти к следующему выводу: целесообразно формировать и, соответственно, оценивать ГПТ не фрагментарно, а непрерывно с первого года обучения в УВО. Данное умозаключение послужило основанием для проведения цикла 2 педагогического эксперимента.

Преобразующий этап (цикл 2) экспериментальной работы (2019—2024 годы) охватил весь период обучения будущих учителей английского языка в УВО, все виды аттестации (текущая, промежуточная, итоговая). Опытнo-экспериментальная работа характеризовалась лонгитюдностью: проводилось длительное, непрерывное и систематическое исследование групп обучающихся лингвистического факультета в одних и тех же условиях. Большая часть студентов экспериментальной группы стали видеть причиной успехов и неудач себя, объективно оценивать свои достижения, регулировать свои эмоции, легко включаться в творческую деятельность. Будущие учителя экспериментальной группы стали менее стеснительными, старались оценить и выслушать своих одноклассников при обсуждении проблемных вопросов, проведении самооценки, спокойно отстаивали свою точку зрения, легко принимали компромиссное решение. У обучающихся экспериментальной группы наблюдалось стремление к продуктивному общению. Если в контрольной группе кумулятивный индекс ГПТ у выборки студентов до и после преобразующего этапа эксперимента практически не претерпел существенных изменений, то в экспериментальной группе повысился за счёт мотивационно-ценностного, коммуникативно-деятельностного и личностного компонентов. Анализ результатов эксперимента позволил отметить, что у будущих учителей прослеживается тенденция устойчивого ценностного отношения к педагогическому творчеству, более высоко оценивается роль педагогических умений и личностных качеств в становлении себя как творческого педагога.

Заключение. Компоненты научно-методического обеспечения реализуют идею процессуального оценивания профессионально-личностного развития обучающегося, способствуют созданию условий интегрированной оценки когнитивно-операционного, коммуникативно-деятельностного, мотивационно-ценностного и личностного компонентов ГПТ, проявляющихся в учебно-познавательной деятельности в процессе решения творческих учебных задач. В качестве особенностей научно-методического обеспечения процессуального оценивания

ГПТ выступают следующие: нацеленность научно-методического обеспечения на определение ГПТ в ходе проведения текущей, промежуточной, итоговой аттестаций; направленность на оценивание не только предметных, но и личностных и метапредметных результатов обучающихся; усиление практикоориентированности контрольно-оценочной деятельности при сохранении ее фундаментальности (оценочные средства направлены на выявление не только когнитивного, но и деятельностного и аксиологического развития личности будущего учителя); в содержание оценочных средств интегрированы знания из смежных научных областей (лингвистика, лингвокультурология, психология, педагогика и др.), поскольку любая творческая педагогическая задача, решаемая учителем иностранного языка, является полидисциплинарной; стимулирование самооценочной деятельности будущих учителей.

Все это позволяет говорить о перспективном характере научно-методического обеспечения процессуального оценивания ГПТ, его ориентации не только на сегодняшний, но и на завтрашний день за счёт активизации самооценочной деятельности обучающихся. Разработанное и внедрённое в образовательный процесс научно-методическое обеспечение рассчитано на обучающихся педагогических образовательных программ.

Экспериментальная проверка показала, что оценка ГПТ как показателя качества современного педагогического образования возможна при лонгитюдном, непрерывном и комплексном использовании в образовательном процессе открытых оценочных средств текущей, промежуточной и итоговой аттестаций.

Список цитируемых источников

1. Бартошевич, И. А. Сущность и структура готовности будущего учителя иностранного языка к педагогическому творчеству / И. А. Бартошевич // Адукацыя і выхаванне. — 2022. — № 2. — С. 48—53.
2. Бартошевич, И. А. Сущностные характеристики процессуального оценивания как педагогического феномена / И. А. Бартошевич // Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. — 2020. — № 3. — С. 28—31.
3. Мицкевич, Н. И. Дидактический контроль в вузе: традиции и инновации : учеб.-метод. пособие / Н. И. Мицкевич, И. А. Бартошевич. — Минск : РИВШ, 2010. — 180 с.
4. Бартошевич, И. А. Контроль учебных достижений студентов по практическим дисциплинам специального цикла = Students' Academic Achievements: Assessment and Evaluation : метод. рекомендации / И. А. Бартошевич, Т. В. Прохорова. — Барановичи : БарГУ, 2011. — 83 с.
5. Бартошевич, И. А. Процессуальное оценивание готовности будущего учителя к педагогическому творчеству : метод. рекомендации / И. А. Бартошевич. — Барановичи : БарГУ, 2025. — 36 с.
6. Бартошевич, И. А. Традиционные и инновационные подходы к оценочной деятельности : электрон. учеб.-метод. комплекс / И. А. Бартошевич. — Барановичи : Баранович. гос. ун-т, 2023. — URL: <https://education.barsu.by/course/view.php?id=12088> (дата обращения: 01.04.2025).
7. Пинюта, И. В. Развитие умений межкультурного общения у будущих учителей иностранного языка : монография / И. В. Пинюта. — Барановичи : БарГУ, 2024. — 180 с.
8. Бартошевич, И. А. Киноискусство = Cinematography : учеб.-метод. пособие / И. А. Бартошевич. — Барановичи : БарГУ, 2009. — 116 с.
9. Бартошевич, И. А. Свободное время. Путешествие = Spare Time & Travelling : учеб.-метод. пособие / И. А. Бартошевич. — Барановичи : БарГУ, 2009. — 92 с.
10. Бойко, А. И. Let's Focus on Computers : метод. рекомендации / А. И. Бойко, И. А. Бартошевич. — Барановичи : БарГУ, 2019. — 75 с.
11. Бойко, А. И. Экологические проблемы и окружающая среда = Ecological Problems and Environment : сб. метод. материалов / А. И. Бойко, И. А. Бартошевич. — Барановичи : БарГУ, 2011. — 85 с.
12. Бойко, А. И. Describing People : практикум / А. И. Бойко, И. А. Бартошевич. — Барановичи : БарГУ, 2018. — 103 с.
13. Бартошевич, И. А. Практика устной и письменной речи : электрон. учеб.-метод. комплекс / И. А. Бартошевич. — Барановичи : Баранович. гос. ун-т, 2023. — URL: <https://education.barsu.by/course/view.php?id=11620> (дата обращения: 01.04.2025).
14. Бартошевич, И. А. Теоретическая грамматика : электрон. учеб.-метод. комплекс / И. А. Бартошевич. — Барановичи : Баранович. гос. ун-т, 2023. — URL: <https://education.barsu.by/course/view.php?id=10875> (дата обращения: 01.04.2025).

Поступила в редакцию 25.06.2025.

В. Н. Дворак¹, кандидат педагогических наук, доцент,
Юй Цзе²

¹ Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
ул. Советская, 104, 246028 Гомель, Республика Беларусь, vitaliy.dvorak@mail.ru

² Учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина», ул. Студенческая, 28, 247760 Мозырь, Республика Беларусь, 605248360@qq.com

ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДНОГО ТАНЦА

В статье исследуется трансформация системы хореографического образования в контексте развития китайского национального народного танца. Анализируются инновационные педагогические подходы и технологические достижения, которые способствуют сохранению и развитию традиционных танцевальных практик. Особое внимание уделяется роли межкультурного диалога и творческого мышления в современном хореографическом образовании. Описаны основные принципы разработки современных методик обучения народному танцу. Рассматриваются проблемы интеграции традиционных методов с современными инновациями и перспективы их развития через практику междисциплинарной интеграции. Осуществлен анализ успешной интеграции традиционного танца с современными педагогическими технологиями, что позволило определить эффективные модели развития хореографического образования в контексте сохранения национального культурного наследия Китая. Представлены возможные стратегии преодоления существующих проблем в хореографическом образовании.

Ключевые слова: хореографическое образование; китайский народный танец; инновации; культурное наследие; творческие методики; цифровые технологии; межкультурный диалог.

Библиогр.: 9 назв.

V. N. Dvorak¹, Ph. D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Yu Jie²

¹ Educational Institution “Gomel State University named after Francisk Skorina”, 104 Sovetskaya Str., 246028 Gomel, the Republic of Belarus, vitaliy.dvorak@mail.ru

² Educational Institution “Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin”,
28 Studencheskaya Str., 247760 Mozyr, the Republic of Belarus, 605248360@qq.com

INNOVATIONS IN THE SYSTEM OF CHOREOGRAPHIC EDUCATION AS A DEVELOPMENT DRIVER OF THE CHINESE NATIONAL FOLK DANCE

The article examines the transformation of the choreographic education system in the context of the Chinese national folk dance development. Innovative pedagogical approaches and technological achievements that contribute to the preservation and development of traditional dance practices are analyzed. Particular attention is paid to the role of intercultural dialogue and creative thinking in modern choreographic education. The main principles of developing modern methods of folk dance teaching are described. The problems of integrating traditional methods with modern innovations and the prospects for their development through the practice of interdisciplinary integration are considered. An analysis of the successful integration of traditional dance with modern pedagogical technologies is carried out, which made it possible to determine effective models for the development of choreographic education in the context of preserving the national cultural heritage of China. Possible strategies for overcoming existing problems in choreographic education are presented.

Key words: choreographic education; Chinese folk dance; innovation; cultural heritage; creative methods; digital technologies; intercultural dialogue.

Ref.: 9 titles.

Введение. Танец как вид искусства играет важную роль в сохранении культурной идентичности народа [1], особенно когда речь идет о традиционных формах, таких как китайский национальный народный танец (далее — КННТ) [2]. В условиях быстрого технологического

прогресса возникает необходимость адаптировать традиционные танцевальные практики к современным условиям без потери их культурного значения. Это требует инновационного подхода к обучению, который сочетает глубокое уважение к наследию с новаторскими методами преподавания и использования технологий.

Педагогическая инноватика в хореографическом образовании в области КННТ обуславливает внесение изменений в классические практики и методики, используемые в обучении традиционным китайским танцевальным формам, и основана на креативности, культурной самобытности и современном художественном выражении [3; 4]. Такая образовательная деятельность примечательна своей интеграцией современных педагогических подходов, технологических достижений и глубокого уважения к богатому культурному наследию, заложенному в народном танце. Поскольку Китай продолжает модернизироваться и взаимодействовать с мировыми формами искусства, адаптация хореографического образования становится решающим фактором в сохранении и обновлении традиционных танцевальных практик, а также в решении современных художественных проблем.

В основе инноваций лежит акцент на воплощенном познании и хореографическом творчестве, что побуждает студентов заниматься танцем как формой самовыражения. В образовательный процесс все чаще включают разнообразные методики, такие как «перевернутый класс» и другие инновационные методы оценки, которые фокусируются на экспериментальном обучении, позволяя студентам исследовать свои культурные корни динамичными и интерактивными способами [5]. Это не только повышает их вовлеченность в процесс познания культуры танца, но и способствует более глубокому пониманию сложностей КННТ как формы искусства, которая соединяет традиции и современность.

Однако эта область познания сталкивается со значительными проблемами и противоречиями, сопровождающими интеграцию традиционных практик с современными образовательными стратегиями и связанными с отсутствием институциональной поддержки инновационных программ. Критики утверждают, что традиционные подходы могут подавлять креативность и не учитывать нюансы культурного представительства в танцевальном сообществе [6; 7]. Кроме того, быстрое развитие технологий представляет как возможности, так и препятствия, поскольку не все учреждения образования обладают ресурсами, необходимыми для эффективного внедрения современных методов обучения.

Несмотря на эти проблемы, существуют многообещающие возможности для внедрения педагогической инноватики в аспектах междисциплинарности, международных обменов с акцентом на развитие у студентов креативного мышления в хореографическом образовании. Развивая креативное мышление и поощряя межкультурный диалог, хореографическое образование может дать возможность студентам переосмыслить традиционные танцевальные формы и сохранить их актуальность в быстро меняющемся культурном ландшафте. Таким образом, инновации в хореографическом образовании для КННТ представляют собой значимое культурное движение, направленное на сохранение наследия при одновременном охвате новых художественных горизонтов. Актуальность настоящей статьи обусловлена, с одной стороны, социальной значимостью танца как культурного феномена, с другой — необходимостью учета текущих тенденций и проблем в области хореографического образования, что предполагает поиск новых векторов развития, сохранения и дальнейшей популяризации КННТ.

Методология и методы исследования. Инновации в хореографическом образовании КННТ базируются на комплексном научном подходе, объединяющем теоретический анализ и эмпирические исследования. Исследование направлено на выявление эффективных стратегий обучения, которые способствуют сохранению культурного наследия, развитию творческих навыков и адаптации традиционных танцевальных практик к современным условиям.

В рамках данной методологии особое внимание уделялось изучению исторических корней китайского народного танца, его культурных и социальных контекстов, а также эволюции форм и техник исполнения. Теоретическая часть статьи включает анализ существующих

научных трудов по теме исследования, рассмотрение отличий в подходах к обучению народному танцу в разных регионах Китая [2—8], что позволило нам выявить наиболее эффективные методики передачи знаний и опыта, а также определить основные принципы разработки современных методик обучения народному танцу.

Инновационное развитие традиционных танцев обусловлено растущей интеграцией цифровых технологий и межкультурных обменов. Анализ данного феномена позволил нам объективно оценить процессы восприятия и исполнения народных танцев у современной молодежи, что дало возможность выявить новые векторы совершенствования хореографического образования в контексте сохранения значимости его культурного значения. Интеграция традиционных элементов с современной хореографией является необходимой мерой для сохранения культурной целостности в условиях коммерциализации образовательного процесса, особенно по мере того, как современные танцевальные формы становятся все более популярными как внутри страны, так и за рубежом.

Результаты исследования и их обсуждение. Китайский национальный народный танец сформировался под влиянием этнических традиций, присущих как этническому большинству китайцев, так и многочисленным общинам национальных меньшинств. Такой культурный синтез позволил сохранить уникальное локальное наследие, одновременно вступая в диалог с актуальными дискуссиями о культурной идентичности. Танец выступает как средство консолидации культурного многообразия, обеспечивая его передачу будущим поколениям и адаптацию к современным социокультурным реалиям [7, с. 25].

Развитие КННТ тесно переплетено с культурной и исторической эволюцией самого Китая. Исследователь Ц. Лун отмечает, что «эта танцевальная форма возникла как значимое представление различных этнических общин внутри страны, объединившая фольклорные элементы с современными художественными выражениями [5, с. 177]. В последние десятилетия КННТ приобрел известность как сложный культурный феномен, который охватывает как традиции сельского населения Китая, так и современную эстетику столичной сцены.

В Китайской Народной Республике образование в области народных танцев служит важным культурным инструментом для развития национальной идентичности и личного самовыражения новых поколений. Интегрируя традиционные народные танцы с современными хореографическими методами, социальные институты стремятся преодолеть разрыв между прошлым и настоящим, сохраняя культурное наследие и поощряя инновации.

Важной тенденцией педагогической инноватики в хореографическом образовании является принятие как педагогами, так и студентами инновационных методов оценки, которые также выходят за рамки традиционных. Как показывают исследования, креативность в танце лучше всего оценивается через опыт, который допускает воплощенное выражение. Эта методика включает экспертную оценку большой группы экспертов (от начинающих танцоров до профессиональных хореографов), которые оценивают креативность танцевальных произведений [4]. Воплощенное выражение — это понятие, которое относится к процессу, когда идеи, эмоции или концепции выражаются через физическое тело, чаще всего через движение, жесты или танец. Это форма невербальной коммуникации, где тело становится инструментом для передачи смысла. В контексте танца это может означать, что танцор не просто выполняет движения, а проживает их, вкладывая в них свои чувства и мысли, делая их осязаемыми и понятными для зрителя.

Хореографическое творчество определяет действия, в которых когнитивные функции отражены в физических движениях и использовании тела. Поэтому в учебные планы различных специальностей необходимо включать изучение этнических танцевальных дисциплин. Такие курсы позволят студентам изучать стили китайских этнических танцев, что особо подчеркнет культурные особенности и актуальность этих традиций в современной хореографии. Новые учебные дисциплины не только обогащают понимание студентами культурного контекста их деятельности, но и способствуют более глубокому пониманию хореографи-

ческого разнообразия. Этот подход способствует физическому самоисследованию и лучшему усвоению кинестетических знаний, что позволит танцорам творчески взаимодействовать друг с другом. Инновационные методики обучения танцу обеспечат лучшее развитие потенциала обучающихся и будут содействовать их самореализации через четырехэтапный образовательный процесс, разработанный для развития личности на занятиях по народному танцу в учреждениях образования Китая [3].

Важнейшим компонентом хореографического образования, предоставляющим студентам возможность получить реальный опыт и применить теоретические знания в профессиональной среде, являются международные стажировки. Во время таких программ обучающиеся могут погружаться в разные культурные контексты, знакомиться с уникальными методами преподавания и исполнения танца, что способствует расширению их хореографического кругозора. Кроме того, участие в международных проектах помогает молодым танцорам наладить профессиональные связи с коллегами из разных стран, что может стать важным фактором при построении их карьеры. Наконец, такие стажировки позволяют формировать у студентов такие гибкие навыки (soft skills), как адаптивность, коммуникативная компетентность и способность работать в мультикультурной команде, что особенно актуально в современном мире искусства.

В ответ на пандемию COVID-19 многие учреждения хореографического образования в Китае ввели новую систему образования, в которой особое внимание уделяется онлайн-обучению и цифровому формату. В образовательный процесс активно внедряются различные обучающие платформы и модальности, что позволяет педагогам проводить уроки в виртуальном формате. В рамках этого подхода популярной у студентов стала модель «перевернутого класса», которая поощряет их активное внеаудиторное обучение. Согласно концепции этой модели, студенты знакомятся с новым материалом в домашних условиях. Такая учебная стратегия оказалась полезной и для обучения народным танцам, поскольку она позволила педагогам выделить больше учебного времени непосредственно для показательных выступлений на сцене [7]. Следует отметить, что данный метод также способствовал созданию инновационной образовательной среды, ориентированной на развитие самостоятельности и повышению мотивации к занятиям танцами. В другом исследовании модели «перевернутого класса» в хореографическом образовании были использованы асинхронные видеоматериалы и совместные упражнения, которые студенты выполняли вне традиционных аудиторных помещений. Анализ результатов показал, что стратегия «перевернутого класса» позволила как педагогам, так и обучающимся чаще генерировать новые идеи, развивать креативность, дополнять и развивать современные танцевальные концепции [9]. Таким образом, переход к цифровой среде обучения подчеркнул важность гибкости в методах обучения. Различные онлайн-платформы способствовали продолжению танцевального образования, позволяя студентам заниматься народными танцевальными выступлениями и другими творческими видами деятельности из дома. Исследования показали, что эта адаптивная образовательная модель оказала положительное влияние на поведение и успеваемость студентов, усилив ценность инновационных методик обучения в области танцевального самообразования.

Использование мультимедийных технологий позволило педагогам создавать и организовывать увлекательный и динамичный образовательный процесс, который вышел за рамки традиционных аудиторных ограничений. Эти технологии поддерживают смешанную среду обучения, в которой теоретические знания сочетаются с их практическим применением посредством онлайн-ресурсов и виртуальных репетиций. Такая интеграция технологий не только обогащает процесс обучения, но и готовит студентов к решению современных художественных задач. Благодаря этим инновационным методам сфера образования в области КННТ лучше адаптируется к современным вызовам и тенденциям, способствуя развитию креативности и культурного самосознания обучающихся.

Несмотря на положительные результаты, связанные с этими новшествами, педагоги сталкиваются с некоторыми трудностями в обучении народным танцам. Одной из важных проблем является практическая интеграция традиционных танцевальных форм с современными. Многие педагоги-новаторы стремятся адаптировать традиционные методы

обучения к динамичной и инновационной природе современных танцевальных практик. Однако довольно часто наблюдается нехватка административной поддержки инновационных программ, которые внедряют цифровые технологии в хореографическое образование. Быстрое развитие цифровых инструментов открывает возможности для улучшения хореографии, однако многие образовательные учреждения пока не располагают необходимыми материальными ресурсами или желанием инвестировать эти инновации. Это создает препятствия как для педагогов, так и для учащихся, ограничивая их способность исследовать новые формы творчества и самовыражения. Первостепенное значение имеет необходимость инклюзивного подхода в признании разнообразных форм танца, однако некоторые учреждения образования по-прежнему отдают приоритет определенным стилям или техникам, что может маргинализировать другие ценные традиции в спектре народного танца и привести к узкому пониманию танцевальной формы, ее потенциального вклада в более широкие художественные диалоги [3].

Несмотря на эти проблемы, существуют многочисленные возможности для инноваций и роста в хореографическом образовании в области КННТ. Одним из перспективных направлений является использование междисциплинарного подхода, который опирается на различные дисциплины, такие как танцевальные технологии, изобразительное искусство и социальные науки. Эта целостная перспектива будет способствовать более глубокому пониманию танца как формы искусства, что послужит мотивом развития многогранных навыков, применимых в различных аспектах деятельности в искусстве для студентов.

Для преодоления существующих проблем в хореографическом образовании можно предложить несколько ключевых стратегий. Во-первых, важно создавать и развивать интерактивные платформы, которые позволят студентам получать более качественную обратную связь от педагогов в режиме реального времени, что особенно критично при изучении технически сложных элементов танца. Во-вторых, важно внедрять дополненную реальность и виртуальную реальность, чтобы создавать иммерсивные пространства для тренировок, на которых студенты смогут практиковать движения в виртуальных декорациях. В-третьих, необходимо разрабатывать специализированные обучающие программы и видеобиблиотеки с демонстрацией эталонных исполнений, с комментариями экспертов и детальным разбором техники движений. Следует уделить внимание повышению цифровой грамотности как преподавателей, так и студентов, чтобы они могли максимально эффективно использовать все доступные технологические инструменты, что будет способствовать гармоничному сочетанию традиционного хореографического мастерства с современными образовательными подходами. В совокупности эти стратегемы предопределяют эволюционный характер совершенствования хореографического образования и направлены на повышение креативности, исполнительского мастерства и вовлеченности студентов в изучение народных танцев.

Можно выделить следующие основные принципы разработки современных методик обучения народному танцу, которые должны способствовать внедрению творческой работы в хореографическое образование:

1. Культурная аутентичность. Важно воспитать у студентов ценность понимания и уважения истоков и значений традиционных народных танцев. Они должны узнать об историческом, социальном и региональном контекстах этих танцев, чтобы гарантировать сохранение их аутентичности. Педагогам следует стимулировать обучающихся к исследованию местных обычаев, мифов и историй, которые формируют традиционные представления.

2. Интеграция традиций и современности. Принцип отражает то, как происходит синтез народных мотивов с мировыми хореографическими тенденциями, создаются гибридные стили, которые находят отклик как у местной, так и у международной аудитории. Это предполагает сочетание традиционных танцевальных техник с современными движениями, что позволит обучающимся осознать, как традиционные движения могут быть адаптированы для отражения современной жизни.

3. *Субъективное самовыражение.* Индивидуальное творчество осуществляется в рамках коллективных традиций. Однако танцоры выражают свое персональное мнение через интерпретацию и адаптацию народных тем, создают оригинальные работы, вдохновленные народными массовыми элементами, что позволяет им внести свой вклад в развитие современной танцевальной культуры.

4. *Совместное обучение.* Принцип направлен на организацию командной работы и сотрудничества среди обучающихся, отражает коллективный дух, присущий многим народным традициям в Китае, предполагает организацию семинаров, фестивалей и выступлений, на которых педагоги и студенты могут обмениваться идеями и опытом, укреплять свою связь с общими культурными корнями.

5. *Эволюционное внедрение технологических инноваций.* Предполагает включение цифровых инструментов и мультимедийных платформ в хореографическое образование. Использование современных технологий для документирования и сохранения исчезающих форм народного танца гарантирует, что они останутся доступными для будущих поколений.

6. *Гармоничное развитие личности.* Направлен на синтез физического, эмоционального и интеллектуального развития обучающихся посредством хореографического образования. Студенты не только осваивают технические навыки, но и повышают свой уровень культурной осведомленности, развивают критическое мышление и художественную чувствительность. Принцип подчеркивает психотерапевтические возможности танца: его содействие психическому и физическому благополучию личности.

7. *Взаимодействие с обществом.* Принцип предполагает вовлечение местных сообществ в образовательный процесс, приглашение старейшин, мастеров танца и экспертов по культуре для обмена знаниями и опытом. Средством реализации принципа является организация выездных программ, на которых происходят выступления народных танцоров в сельских районах, что способствует укреплению связей между городскими и деревенскими центрами культуры.

Заключение. Инновации в хореографическом образовании представляют собой значимый шаг вперед в развитии КННТ. Современные подходы, такие как воплощенное познание, использование цифровых технологий и модели «перевернутый класс», позволяют студентам глубже погружаться в танцевальное искусство, развивать свои творческие способности и понимать культурный контекст своих движений. Однако для успешной реализации этих инноваций необходимо преодолеть существующие барьеры, связанные с недостатком финансирования, отсутствием поддержки со стороны администрации отдельных учреждений образования и практическими проблемами, связанными с трудностями интеграции традиций с современными методиками, что обеспечит его актуальность и конкурентоспособность в быстро меняющемся культурном ландшафте Китая.

Актуальные тенденции в хореографическом образовании вообще, а в контексте КННТ в особенности подчеркивают важность развития креативности обучающихся посредством интеграции традиционных элементов с современными хореографическими новациями, активного внедрения интердисциплинарных подходов, а также стимулирования самостоятельного творческого мышления через практику импровизации и авторской хореографии. Более того, инициативы, направленные на международное сотрудничество и культурный обмен, значительно повысят признание китайского народного танца на мировой сцене.

Список цитируемых источников

1. *Зубанова, А. Ю.* Инновационные подходы в преподавании хореографического искусства / А. Ю. Зубанова // Молодой ученый. — 2021. — № 25 (367). — С. 417—420. — URL: <https://moluch.ru/archive/367/82482/> (дата обращения: 11.02.2025).

2. *Чжан, Юйтун.* Китайский народный танец как средство приобщения к Великой китайской культуре / Юйтун Чжан, Сюй Вань Линь // МНКО. — 2017. — № 5 (66). — С. 206—207. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-narodnyu-tanets-kak-sredstvo-priobscheniya-k-velikoy-kitayskoy-kulture> (дата обращения: 11.02.2025).

3. *Гао, Цзя Синь.* Функции и семантика национального китайского танца: традиции и современность / Цзя Синь Гао, Д. А. Николаева // Современная научная мысль. — 2019. — № 3. — С. 205—209. — URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/funksii-i-semantika-natsionalnogo-kitayskogo-tantsa-traditsii-i-sovremennost> (дата обращения: 11.02.2024).

4. Ай, Синьян. Инновации в высшем образовании Китая / Синьян Ай // Молодой ученый. — 2023. — № 33 (480). — С. 167—170. — URL: <https://moluch.ru/archive/480/105487/> (дата обращения: 11.02.2025).

5. Лун, Ц. Хореографическое образование в Китае: история, современное состояние, актуальные методики / Ц. Лун // МНКО. — 2020. — № 4 (83). — С. 176—178. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/horeograficheskoe-obrazovanie-v-kitae-istoriya-sovremennoe-sostoyanie-aktualnye-metodiki> (дата обращения: 11.02.2025).

6. Спинжар, Н. Ф. Этнокультурные особенности хореографического образования в Китае / Н. Ф. Спинжар, Ян Цзинцзин // Вестник МГУКИ. — 2024. — № 3 (119). — С. 129—135. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-osobennosti-horeograficheskogo-obrazovaniya-v-kitae> (дата обращения: 11.02.2025).

7. Сунь, И. Некоторые выраженные особенности и специфические характеристики исполнения танцев в Китае: от традиций к современности / И. Сунь // НАУ. — 2022. — № 75-3. — С. 24—27. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-vyrazhennye-osobennosti-i-spetsificheskie-harakteristiki-ispolneniya-tantsev-v-kitae-ot-traditsiy-k-sovremennosti> (дата обращения: 11.02.2025).

8. Цзо, Цзячжень. Эмоциональная выразительность в китайском народном танце / Цзячжень Цзо // МНКО. — 2017. — № 5 (66). — С. 201—204. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-vyrazitelnost-v-kitayskom-narodnom-tantse> (дата обращения: 11.02.2025).

9. Cabello, C. Teaching Folk Dance in the New Normal Using Flipped Classroom: An Action Research / C. Cabello // Psychology and Education: A Multidisciplinary Journal. — 2022. — URL: https://www.academia.edu/88103134/Teaching_Folk_Dance_in_the_New_Normal_Using_Flipped_Classroom_An_Action_Research (date of access: 12.02.2025).

Поступила в редакцию 21.06.2025.

УДК 378.147.31

Е. М. Каранец, кандидат педагогических наук, доцентУчреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»,
ул. Советская, 18, 220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 571 98 92, reitkatusha@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ УМЕНИЯ ПРИМЕНЯТЬ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье обоснована актуальность формирования у студентов — будущих воспитателей дошкольного образования компетентности в области здоровьесбережения. Проанализированы педагогические условия создания здоровьесберегающего пространства в учреждении дошкольного образования. Рассматривается проектная деятельность студентов в качестве средства формирования у них компетентности в области сохранения и укрепления здоровья детей дошкольного возраста. Показана специфика работы со студентами заочной формы получения образования факультета дошкольного образования по реализации проектной деятельности с воспитанниками. Представлены результаты анкетирования студентов по тематике реализации здоровьесберегающих технологий, позволяющие выстроить направления работы со студентами в межсессионный период, а также указаны некоторые компоненты учебной дисциплины «Здоровьесберегающие технологии в дошкольном образовании». Обозначена роль интеграции различных видов деятельности педагога в достижении результатов работы по укреплению здоровья детей.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии; дошкольное образование; культура здоровья; студенты; проектная деятельность; дети дошкольного возраста.

Библиогр.: 4 назв.

E. M. Karanets, Ph. D. in Pedagogy, Associate ProfessorEducational Institution “Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank”, 18 Sovetskaya Str.,
220050 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 571 98 92, reitkatusha@mail.ru

STUDENTS' ABILITY FORMATION TO APPLY HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article substantiates the relevance of the formation in the field of health-saving competence in students — future teachers of preschool education. Pedagogical conditions of creating health-saving space in preschool educational institutions are analyzed. The students' project activity as a means of forming their competence in the field of preserving and strengthening the health of preschool children is considered. The work specificity with preschool education faculty students of correspondence form of education on the realization of the project activity with pupils is shown. The questionnaire survey results of the students on the subject of realization of health-saving technologies, allowing to build the directions of work with students in the intersession period, as well as some components of the academic discipline “Health-Saving Technologies in Preschool Education” are presented. The role of different types of activities integration in achieving the results of work to improve children's health is outlined.

Key words: health-saving technologies; preschool education; health culture; students; project activities; preschool children.

Ref.: 4 titles.

Введение. Одной из важнейших составляющих подготовки воспитателей дошкольного образования в Республике Беларусь является формирование у студентов компетенций в области здоровьесбережения детей дошкольного возраста. Актуальность данного направления образовательного процесса обусловлена рядом причин, среди которых в первую очередь можно выделить состояние здоровья воспитанников, во-вторую — формирование у подрастающего поколения основ культуры здоровья и воспитание ценностного отношения к здоровому образу жизни. Будущие педагоги должны по роду деятельности осознавать, что здоровые дети лучше усваивают учебный материал, могут дольше концентрироваться и обладают более стабильным эмоциональным состоянием. Кроме того, педагоги играют важную роль в формировании здоровых привычек у детей, таких как правильное питание, физическая активность, соблюдение режима дня и гигиены. Знание основ здорового образа жизни поможет лучше понимать потребности детей и оказывать им и их родителям поддержку в укреплении здоровья.

Для решения обозначенной проблемы при разработке учебного плана по специальности «дошкольное образование» было предусмотрено изучение студентами старших курсов учебной дисциплины «Здоровьесберегающие технологии в дошкольном образовании». Данная дисциплина призвана формировать специализированную компетенцию «применять здоровьесберегающие технологии в образовательном процессе учреждений дошкольного образования для формирования основ культуры здоровья». Задачами программы явились следующие: усвоение студентами системы знаний об особенностях здоровьесберегающих технологий, целей, задач, содержания, методов и форм организации процесса по сохранению и укреплению здоровья детей; формирование умений практической реализации современных методик и технологий здоровьесбережения в практике работы учреждений дошкольного образования (далее — УДО); приобретение студентами опыта отбора, применения и создания методических материалов для реализации здоровьесберегающих технологий с учетом индивидуальных особенностей воспитанников и условий образовательной среды; выработка у студентов умений творческого применения полученных знаний в области здоровьесбережения.

Многоаспектная составляющая понятия «здоровье» позволила определить тематические разделы учебной дисциплины:

1. Медико-профилактические технологии: мониторинг здоровья дошкольников и разработка рекомендаций по оптимизации детского здоровья; организация и контроль питания, физического развития, закаливания дошкольников; организация медико-профилактических мероприятий в УДО; организация здоровьесберегающей среды в УДО.

2. Технологии обеспечения социально-психологического благополучия ребёнка: подходы к обеспечению эмоциональной комфортности и позитивного самочувствия ребёнка в процессе общения со сверстниками и взрослыми; психолого-педагогическое сопровождение развития ребёнка в УДО (тренинги, коммуникативные игры, этюды, психогимнастика).

3. Здоровьесберегающие образовательные технологии: авторские здоровьесберегающие технологии и методики белорусских и зарубежных ученых.

4. Технологии коррекционно-развивающей работы с детьми: арт-терапия; сказкотерапия; психогимнастика; музыкотерапия; технологии воздействия цветом; технологии коррекции поведения и др.

5. Физкультурно-оздоровительные технологии: закаливание, дыхательная гимнастика, гимнастика для глаз, пальчиковая гимнастика, точечный массаж и самомассаж, профилактика плоскостопия и формирование правильной осанки, физкультминутки, релаксация, динамические паузы; занятия на тренажёрах; ритмопластика.

6. Детский фитнес: гимнастические упражнения (элементы аэробики, спортивной и художественной гимнастики); фитбол-гимнастика; упражнения со специальным спортивным оборудованием [1].

Отличительной особенностью содержания данного учебного курса является интеграция различных областей знаний и междисциплинарный подход. При разработке лекционных и практических занятий учитывались современные подходы к определению состояния здоровья, отраженные в медицинских исследованиях; принципы здоровьесберегающей педагогики и методики, связанные с укреплением физического и психического здоровья детей; положения образовательной кинезиологии и др.

Материалы и методы исследования. Выбор содержания дисциплины соотносится со структурой понятий «здоровьесберегающие технологии», «культура здоровья детей дошкольного возраста» и подходом, отражающим обязательность интеграции различных видов детской деятельности в решении вопроса укрепления и сохранения здоровья, представленных в ряде исследований (О. В. Латыговская, М. А. Арсенова, Е. И. Тимошина).

Б. А. Артеменко, Н. Е. Пермякова, Л. А. Кострюкова в своем исследовании пришли к выводу о том, что «отношение студентов к здоровью как общечеловеческой ценности включает в себя не только мотивацию к здоровому образу жизни, но и повышение рейтинга “здоровья” в общей системе идеалов, что является обязательным условием их профессионального

становления, повышения качества собственной жизни и жизни обучающихся...» [2]. М. А. Арсенова, Е. И. Тимошина считают что «в профессиональной педагогической деятельности здоровьесберегающие технологии определяются как системно организованное в едином методическом поле сочетание компонентов педагогики сотрудничества, комплекса специальных педагогических техник, направленных на создание оптимальной адаптированности ребенка к образовательному процессу, сохранение его здоровья и воспитание у него ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни» [3]. В исследовании О. В. Латыговской отмечены следующие педагогические условия, которыми должен руководствоваться педагог при создании здоровьесберегающего пространства: целостное развитие ребёнка в здоровьесберегающей деятельности, выраженное единством процессов становления, саморазвития и формирования (образования); интеграция здоровьесберегающей деятельности с другими видами детской деятельности (двигательная, игровая, коммуникативная, изобразительная, музыкальная), создание здоровьесберегающей предметно-развивающей среды [4].

Вышеизложенный анализ имеющейся ситуации в области подготовки студентов по вопросу формирования у них компетенций в области здоровьесбережения показал, прежде всего, многоаспектность тематического поля, требующего разнообразия методов обучения, а также потребовал дополнительную информацию от практикующих воспитателей дошкольного образования (студентов заочной формы получения образования) про их отношение к данной проблеме, что, на наш взгляд, позволит усилить практикоориентированность их профессиональной подготовки.

В связи с этим было проведено анкетирование, в котором студентам, работающим в УДО, было предложено ответить на ряд вопросов, отражающих их подход в решении проблем здоровьесбережения. В анкетировании приняли участие 83 студента заочной формы получения образования факультета дошкольного образования.

Результаты исследования и их обсуждение. На вопрос «Какое определение понятия “здоровьесберегающие технологии” Вы могли бы дать?» наиболее часто встречающиеся ответы следующие: «комплекс мер по охране и укреплению здоровья детей в образовательном учреждении», «технологии, методы, приемы, которые помогают улучшить качество образовательного процесса, а именно сохранить здоровье не только детей, но и педагогов», «совокупность педагогических, психологических и медицинских воздействий, направленных на защиту и обеспечение здоровья, формирование ценного отношения к своему здоровью». На основании данных ответов можно утверждать, что воспитатели дошкольного образования имеют представление о категориальном аппарате здоровьесбережения, понимают комплексный характер всех процессов, связанных с укреплением здоровья детей. Однако стоит отметить недостаточный уровень определения здоровьесберегающих технологий в контексте именно педагогических технологий, которые имеют ряд отличий по сравнению с методиками или в целом комплексом педагогических мер.

Один из вопросов анкеты предполагал уточнение того, достаточно ли у респондентов сведений о том, как организовать процесс укрепления и сохранения здоровья детей в своей работе. Считают, что у них достаточно знаний в данной области, 89 % респондентов. Все участники анкетирования ответили утвердительно на вопрос «Учитываете ли Вы в организации индивидуального подхода результаты мониторинга физического и психического развития детей?». В результате анкетирования определены наиболее часто используемые респондентами элементы здоровьесберегающих технологий: дыхательная гимнастика (95,2 %), психогимнастика (44,6 %), нейрогимнастика (31,3 %), арт-педагогика (72,3 %), фитнес-технологии (39,8 %), методики профилактики нарушений осанки и стопы (81,9 %), закаливание (84,3 %), самомассаж (55,4 %).

Интересным с точки зрения преподавания данной дисциплины было узнать у воспитателей дошкольного образования их отношение к использованию электронных образовательных ресурсов, интерактивных заданий в контексте формирования основ здорового образа жизни и укрепления здоровья детей. Ответили утвердительно на вопрос о применении элек-

тронных образовательных ресурсов в образовательном процессе 41 % участников, 48 % воспитателей редко используют возможности электронных образовательных ресурсов, отдавая предпочтение традиционным дидактическим средствам.

Немаловажным фактором укрепления здоровья детей является мотивация и стремление педагога к сохранению и укреплению собственного здоровья. Именно поэтому воспитателям было предложено ответить на вопрос «Какие компоненты здорового образа жизни Вы самостоятельно реализуете в своей жизнедеятельности?». Наиболее популярные ответы: «зарядка», «прогулки», «самомассаж», «соблюдение режима труда и отдыха», «правильное питание».

В работе с родителями по вопросу здоровьесбережения участники анкетирования отдают предпочтение таким формам работы, как консультация (85 %), беседы (91 %). Реже используются проекты (10 %) и совместные мероприятия (8 %).

Важным в ходе анкетирования было выявление направлений совершенствования процесса здоровьесбережения с учетом имеющихся компетенций у педагогов. На вопрос «Что, по Вашему мнению, необходимо Вам узнать, чтобы процесс укрепления и сохранения психического и физического здоровья детей стал более эффективным?» наиболее часто был дан ответ о том, что информации достаточно, но необходимы современные методики работы с детьми по данному направлению (84 %). Также воспитатели считают, что им важно знакомиться с новой литературой, читать публикации по данной теме (25 %).

Результаты анкетирования, логика изложения учебного материала на практических и лекционных занятиях в рамках учебной дисциплины «Здоровьесберегающие технологии в дошкольном образовании» позволили предположить, что наиболее эффективным способом достижения цели — формирование у студентов компетенций в области здоровьесбережения воспитанников — будет организация их проектной деятельности. Студентам было предложено разработать и реализовать образовательный проект в рамках обозначенной проблематики с обязательным включением в образовательный процесс с детьми элементов здоровьесберегающих технологий: дыхательная гимнастика, самомассаж, кинезиологические комплексы, элементы арт-терапии, психогимнастика, упражнения на профилактику нарушений осанки и стопы и др. В межсессионный период студенты в подгруппах выполняли краткосрочные и долгосрочные проекты с детьми дошкольного возраста.

Выбор проектной деятельности был обусловлен ее эффективностью и возможностью с ее помощью достичь желаемой цели при освоении учебной дисциплины. Проектная работа позволяет студентам применить свои знания на практике и развить навыки самостоятельной работы и решения проблем. Она способствует развитию креативности, коммуникативных и организационных навыков, освоению коллективной работы. Проектная деятельность помогает студентам развить критическое мышление, самоорганизацию и ответственность за результат своей работы, способствует развитию учебной мотивации, позволяет студентам лучше понимать взаимосвязь между теорией и практикой.

По итогам самостоятельной работы в межсессионный период студенты, работающие в УДО, представили ряд интересных, творческих проектов. Большинство из проектов были направлены на профилактику нарушений осанки и стопы, использование в режимных моментах таких элементов, как дыхательная гимнастика, нейроупражнения, арт-терапия, психогимнастика. Приведем пример одного из них.

Оздоровительный проект «Здоровье начинается со стопы». *Цель проекта:* формирование у детей и их родителей практических навыков по профилактике плоскостопия. *Вид проекта:* краткосрочный. *Задачи проекта:* познакомить с понятием «плоскостопие», его видами и степенями; установить причины плоскостопия; провести практическую работу на выявление плоскостопия; разработать комплексы коррекционных упражнений для профилактики плоскостопия; углублять представления родителей и детей о профилактических мероприятиях по плоскостопию; воспитывать желание быть здоровым. *Ожидаемый результат:* укрепление мышц стопы и голени; повышение уровня физической подготовленности; сформированность осознанной потребности в выполнении упражнений по профилактике плоскостопия в домашних условиях.

Приведем пример реализации практического этапа проекта, в ходе которого был проведен опыт «Определение признаков наличия плоскостопия». *Ход работы*: берем лист бумаги и гуашевые краски; наносим краску на подошву детской стопы; наступаем на бумагу; внимательно рассматриваем получившийся отпечаток. После в совместной работе с детьми было изготовлено нестандартное *оборудование*: палочки для самомассажа стопы. *Результат проекта*: демонстрация воспитанниками упражнений на укрепление мышц, удерживающих стопу; картотека упражнений для родителей. Фрагмент данного образовательного проекта, на наш взгляд, убедительно демонстрирует возможности интеграции различных видов деятельности в достижении результата, что соотносится со структурой профессиональной компетентности педагога и здоровьесберегающих технологий.

В ряде проектов были представлены интерактивные игры и упражнения для детей дошкольного возраста, разработанные воспитателями в рамках реализации образовательных проектов. Интерактивные игры в данном случае выступили одной из форм организации процесса по сохранению и укреплению здоровья детей, а также способствовали практической реализации современных методик и технологий здоровьесбережения в практике работы УДО.

На этапе представления образовательных проектов, разработанных в рамках межсессионного периода, студенты более полно отражали суть здоровьесберегающих технологий в дошкольном образовании. По словам самих разработчиков проектов, их возможность спланировать, организовать проект, а главное — получить желаемый, часто осязаемый продукт вместе с детьми позволили более системно посмотреть на то место, какое занимают различные методики и технологии здоровьесбережения в детском саду и семье. Было отмечено, что в ходе проектной деятельности детям старшего дошкольного возраста проще проявить субъектную позицию, активность, а самое главное — самостоятельность. Педагоги, включаясь в роль организатора проекта, имеют более выраженную собственную активную позицию по отношению к различным аспектам культуры здоровья, что положительно влияет на итог их совместной работы с воспитанниками.

Заключение. Студенты — воспитатели УДО по итогам изучения дисциплины «Здоровьесберегающие технологии в дошкольном образовании» смогли выделить наиболее важные позиции, связанные с тем, какой аспект изучения здоровьесберегающих процессов наиболее актуален для них: наличие у педагога собственной активной позиции в отношении здорового образа жизни; стремление взрослого искать наиболее эффективные методы работы с детьми, исходя из их интересов; понимание важности интеграции знаний и действий всех специалистов в решении проблемы сохранения и укрепления здоровья воспитанников, формирования у них основ культуры здоровья.

Список цитируемых источников

1. Каранец, Е. М. Здоровьесберегающие технологии в дошкольном образовании : электрон. учеб.-метод. комплекс / Е. М. Каранец. — URL: <https://elib.bspu.by/handle/doc/59333> (дата обращения: 12.02.2025).
2. Артеменко, Б. А. Подготовка будущих работников дошкольного образования к оздоровительной работе с детьми / Б. А. Артеменко, Н. Е. Пермякова, Л. А. Кострюкова // Вестник ЮУрГПУ. — 2022. — № 5 (171). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-buduschih-rabotnikov-doshkolnogo-obrazovaniya-k-ozdovitelnoy-rabote-s-detmi> (дата обращения: 16.11.2024).
3. Арсенова, М. А. Особенности использования здоровьесберегающих технологий в системе развития ребенка дошкольного возраста / М. А. Арсенова, Е. И. Тимошина // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2019. — № 5 (92). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-zdorovie-sberegayuschih-tehnologiy-v-sisteme-razvitiya-rebenka-doshkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 16.11.2024).
4. Латыговская, О. В. Культура здоровья детей. 3—4 года : метод. пособие / О. В. Латыговская, В. Н. Шебеко. — Минск : Аверсэв, 2019. — 64 с.

Поступила в редакцию 27.06.2025.

В. В. Курьян, кандидат педагогических наук

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет»,
ул. Захарова, 21, 220034 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 344 16 97, braunschweig@mail.ru

ПРОЕКТНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье определены умения в общении как объекты контроля и оценки формирования речевой компетенции. На основе функций речевого общения выявлены группы познавательных, информационных, интерактивных, оценочных умений, обеспечивающих контроль и оценку процесса и результата формирования речевой компетенции. На основе теоретических положений системно-деятельностного подхода (системности, взаимодействия контрольно-оценочной деятельности и обучения, поэтапно-пошаговой организации контрольно-оценочной деятельности) научно обоснованы особенности использования проектной технологии для контроля и оценки формирования речевой компетенции, выделены контролирующие шаги как структурные компоненты контрольно-оценочной деятельности (по контролю и оценке познавательных и оценочных умений, информационных и оценочных умений, интерактивных и оценочных умений, результата обучения); определен технологический процесс контроля и оценки формирования речевой компетенции.

Ключевые слова: речевая компетенция; умения в общении; проектная технология контроля и оценки формирования речевой компетенции; системно-деятельностный подход.

Библиогр.: 8 назв.

V. V. Kuryan, Ph. D. in Education

Educational Institution “Minsk State Linguistic University”,
21 Zakharova Str., 220034 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 344 16 97, braunschweig@mail.ru

PROJECT TECHNOLOGY OF ORGANIZING CONTROL AND EVALUATION ACTIVITIES TO DEVELOP SPEECH COMPETENCE IN GENERAL SECONDARY EDUCATION INSTITUTIONS

The article defines communication skills as objects of control and assessment of speech competence formation. Based on the functions of speech communication, groups of cognitive, informational, interactive, and assessment skills are identified that ensure control and assessment of the process and result of speech competence formation. Based on the theoretical provisions of the system-activity approach (systematicity, interaction of control and assessment activities and training, step-by-step organization of control and assessment activities), the features of using project technology for control and assessment of speech competence formation are scientifically substantiated, control steps are identified as structural components of control and assessment activities (a step for control and assessment of cognitive and assessment skills; a step for control and assessment of informational and assessment skills; a step for control and assessment of interactive and assessment skills; a step for control and assessment of learning outcomes); the technological process of control and assessment of speech competence formation is defined.

Key words: speech competence; communication skills; project technology for monitoring and assessing the development of speech competence; system-activity approach.

Ref.: 8 titles.

Введение. Речевая компетенция (далее — РК) представляет собой сложную, многокомпонентную категорию, интегрирующую знания, навыки, умения, способности, ценностно-смысловые ориентации. Речевой компетенции присущи такие свойства, как личностный характер, интегративность, взаимодействие компонентов, что в совокупности определяет способность и готовность средствами иностранного языка осуществлять иноязычное общение. Обозначенные свойства РК определяют характер объектов контроля и оценки формирования РК и организацию контрольно-оценочной деятельности (далее — КОД) по формированию РК.

Исходя из особенностей РК как многокомпонентной категории, мы выделяем в качестве объектов контроля и оценки умения в общении как сложные интегративные умения, включающие в себя знания, навыки, способности, готовность к иноязычному общению и все его

мыслительные процессы. Выбор умений в общении как объектов контроля и оценки обусловлен тем, что РК основывается прежде всего на умениях, позволяющих в силу наличия у них таких качеств, как целенаправленность, иерархичность, динамичность, получить представление об успешности процесса и результата формирования РК [1, с. 174].

При отборе умений в общении мы исходим из функций речевого общения (коммуникативно-познавательной, коммуникативно-регулятивной, ценностно-ориентационной), что позволило нам обозначить следующие группы умений: познавательные (умение понимать информацию в прочитанном, прослушанном тексте, определять важную информацию, отделять необходимые для решения коммуникативной задачи факты); информационные (умение создавать иноязычные высказывания, логически структурировать содержание высказывания, включать в сообщение элементы описания); интерактивные (умение взаимодействовать с собеседником, выяснять его мнение, побуждать к действию (утонить, попросить, посоветовать)); оценочные (умение оценивать важность и новизну информации, давать оценку фактам и событиям).

Особенностью оценочных умений является их способность интегрироваться в другие группы умений [2, с. 159]. Поэтому мы будем рассматривать контроль и оценку оценочных умений в контексте познавательных, информационных и интерактивных умений.

Рассматривая объекты контроля и оценки формирования РК, мы исходим из того, что КОД должна проверять и оценивать процесс и результат формирования РК. Под объектами контроля и оценки процесса формирования РК мы понимаем выявление сформированности каждой отдельной группы умений в общении. Объектами контроля и результата формирования РК является способность и готовность интегрированно использовать и варьировать весь комплекс умений в общении для решения коммуникативных задач.

Принимая во внимание особенности объектов контроля и оценки формирования РК, КОД не может быть проведена с использованием сложившихся форм и способов. Требуются технологии, которые, с одной стороны, позволяют проверить способность и готовность учащегося решать коммуникативные задачи, учитывать его личностные особенности, отслеживать динамику изменений в процессе обучения, с другой — учитывают внутреннюю природу КОД.

Анализ научных работ показывает, что в поле зрения ученых находились вопросы применения технологий, которые использовались для обучения иностранному языку. Подобный подход основывался на положении, что любое упражнение предоставляет обратную связь о качестве его выполнения [3]. Ученые акцентировали внимание на использовании тестовых форм контроля [4; 5], разработке технологии контроля профессиональной коммуникативной компетенции студентов учреждений высшего образования (УВО) [6]. Проанализированные технологии позволяют достаточно эффективно оценивать сформированность отдельных знаний, навыков, умений, профессиональные умения студентов УВО, однако они не могут быть использованы в учреждениях общего среднего образования (УОСО) для организации КОД по формированию РК, так как не учитывают многокомпонентность, личностный характер РК, что и побудило нас обратиться в данном исследовании к рассмотрению вопроса использования технологии КОД по формированию РК в УОСО.

Методология и методы исследования. Поскольку любая технология обладает таким свойством, как концептуальность, т. е. строится на каком-то методическом подходе, выступающем теоретической основой её отбора или проектирования, то в вопросе определения технологии КОД мы опираемся на концепцию системно-деятельностного подхода (СДП). Выбор данного подхода обусловлен тем, что он позволяет организовать технологический процесс с учетом особенностей КОД (целей, мотивов, функций) и свойств РК (многокомпонентность, личностный характер). Как отмечает А. В. Хуторской, при проектировании любой образовательной технологии используется СДП, так как в ней выделяются определенные деятельности (познавательная, речевая, учебная и т. д.), которые организованы в виде системы [7].

Так, КОД представляет собой систему, в которой цели, действия, средства по их достижению и результат взаимосвязаны между собой. КОД связана с процессом обучения, его этапами и задачами, поэтому технология должна представлять собой систему, дающую учителю

и учащимся представление о том, как планировать, проводить контроль, какие оценочные средства использовать и т. д.

Одной из таких технологий для организации КОД РК может выступать проектная технология, под которой будем понимать совокупность приемов, способов, направленных на организацию деятельности учащихся по поиску, переработке и анализу информации [8]. Результатом деятельности учащегося является создание конкретного продукта в виде выступления, доклада, презентации и др. Выбор проектной технологии в данном исследовании обусловлен следующими причинами: данная технология апробирована в образовательном процессе, отражена в современных учебно-методических комплексах по иностранному языку, хотя и требует модификации в соответствии с целями КОД; соответствует СДП, так как представляет собой систему этапов и средств, организующих деятельность учителя и учащихся; позволяет контролировать и оценивать процесс и результат формирования РК за счет использования различных проектных заданий; является личностно направленной (учащийся в ходе работы над созданием и представлением проекта может использовать свой опыт, например, приводить примеры из жизни, проявлять фантазию, высказывать мнения и т. д.); имеет продуктивный характер (учащийся создает личностно значимый речевой продукт в виде собранной по заданной ему проблеме информации, подготовленных в устной или письменной форме высказываний, диалогов, презентаций и т. д.). То, как создаются речевые продукты, как они представляются, позволяет оценивать успешность формирования умений в общении.

Результаты исследования и их обсуждение. Принимая во внимание тот факт, что проектная технология используется в настоящее время в обучении иностранному языку, считаем необходимым обозначить совокупность особенностей, при наличии которых данная технология может использоваться для организации КОД по формированию РК. Особенности, которые приобретает проектная технология организации КОД по формированию РК, находят отражение в принципах СДП.

Принцип системности в отношении использования проектной технологии для организации КОД заключается в следующем: выделении структурных компонентов, отвечающих за контроль и оценку познавательных, информационных, интерактивных, оценочных умений в процессе обучения и за результат формирования РК; определении этапов, в которых могут быть обозначены условия организации КОД; программе действий учителя и учащихся, отражающих путь достижения цели. Принцип системности является основополагающим и предполагает, что проектная технология выстраивается не только исходя из особенностей КОД, но и учитывает, как процесс обучения влияет на организацию КОД.

Принцип взаимодействия КОД и обучения предусматривает, что проектная технология организации КОД интегрируется в процесс обучения. Интеграция КОД и обучения осуществляется через контролирующие и оценочные действия: на каком этапе обучения и каким образом учитель и учащиеся переходят к КОД по формированию РК. Учителем и учащимися могут выполняться контролирующие и оценочные действия по двум моделям: параллельно с процессом обучения в виде наблюдения, соотнесения ответа учащегося с показателями, внесения информации в оценочные листы; последовательно после обучения в виде отдельного этапа в ходе урока или во внеурочное время (например, предъявление контролирующих заданий, выставление балла, комментирование успешности выполнения заданий и др.). Проведение КОД параллельно с процессом обучения может быть характерно для контроля и оценки познавательных и оценочных умений. Учащимся могут предъявляться контролирующие задания и выполняться контролирующие и оценочные действия в процессе понимания иноязычного текста. Чтобы реализовать контроль и оценку информационных, интерактивных и оценочных умений, целесообразно применение модели последовательного контроля в виде отдельного этапа, требующего представления монологических и диалогических высказываний. Представление проекта, требующее интеграции всех групп умений,

позволяет проводить КОД результата формирования РК одновременно с выступлением и обсуждением проекта, добавляя контролирующие задания и контролирующие действия для реализации задач КОД.

Взаимодействие КОД и обучения связывается не только временными рамками, в которых контроль и оценка проводятся в процессе обучения, но и этапами подготовки и представления проекта. *Принцип поэтапно-пошаговой организации КОД* определяет, что этапы работы над проектом в образовательном процессе определяют последовательность КОД по формированию РК. Поэтапный характер технологии позволяет сконцентрироваться на определенных объектах контроля и оценки и получить быструю обратную связь.

В данном исследовании мы исходили из следующих этапов, используемых в ходе работы над проектом в рамках обучения: подготовка к проекту, осуществление поиска информации, оформление рабочего варианта проекта, оформление итогового варианта проекта, презентация проекта [8]. Выделенные этапы работы над проектом непосредственно влияют на организацию КОД, использование контролирующих заданий, последовательность контролирующих и оценочных действий учителя и учащихся. Далее рассмотрим, в какой степени каждый этап может быть использован для КОД, какие изменения могут быть внесены в структуру проектной технологии. Будем исходить из того, что проект готовится учащимися в течение учебной темы и используется в целях формирования, контроля и оценки речевой компетенции.

Для включения КОД в этапы работы над проектом и выстраивания технологического процесса по организации КОД потребовалось обозначить структурные компоненты проектной технологии, направленные на контроль и оценку процесса и результата формирования РК. В качестве таких структурных компонентов были определены контролирующие шаги. Под контролирующим шагом будем понимать структурно-функциональную единицу проектной технологии, которая включает в себя контролирующие задания, шкалы, оценочные листы, действия учителя и учащихся, выстроенные в последовательности, обеспечивающей достижение целей.

Рассмотрим возможность выделения контролирующих шагов на каждом этапе проектной технологии. Этап 1 требует активности от учителя по формулировке темы и задач проекта. По завершении обсуждения идей проекта предполагается реализация подготовительного шага, направленного на постановку задач КОД, ознакомления учащихся с особенностями выполнения контролирующих заданий. Действия учителя направлены на планирование КОД. Учитель предлагает контролирующие задания, знакомит учащихся со шкалами и оценочными листами, консультирует, оказывает поддержку при выполнении заданий. Учащиеся знакомятся с контролируемыми заданиями, шкалами, оценочными листами. Подготовительный шаг применим в тех случаях, когда учащиеся не знакомы с процедурой проведения КОД. В дальнейшем данный шаг может опускаться.

Этап 2, ориентированный на поиск информации, создает условия для контроля и оценки познавательных и оценочных умений. Шаг по контролю и оценке познавательных и оценочных умений осуществляется параллельно с этапом по сбору информации и предусматривает организацию работы по контролю и оценке умений понимать, систематизировать и использовать информацию, нужную для решения коммуникативной задачи. Учащемуся предлагаются контролирующие задания отобрать необходимые сведения, отделить их от фактов, которые не соответствуют коммуникативной задаче. В последующем учащийся заполняет таблицы, бланки, которые ему предлагает учитель. В целях контроля умений проводить оценку учащийся формулирует выводы, которые либо оформляет письменно, либо в последующем представляет в классе.

Действия учителя связаны с оценкой представленных речевых продуктов: определением количества, достоверности, логической организации предоставленных учителю материалов.

Если обратиться к этапу 3, то необходимо отметить, что на данном этапе деятельность учителя и учащихся направлена на предварительное обсуждение проекта, что выражается в информировании учащимися друг друга о собранных фактах для подготовки плана представления проекта, что создаёт возможности по организации шага по контролю и оценке информационных и оценочных умений. Данный шаг будем рассматривать как часть этапа по

созданию рабочего варианта проекта. Контрольно-оценочная деятельность подчинена созданию речевого продукта, в качестве которого выступает устное или письменное монологическое высказывание, по структуре, содержанию, языковому оформлению которого делается вывод о развитии информационных умений и интегрированных в них оценочных умений. Для контроля и оценки речевых продуктов предлагаются задания, где учащемуся необходимо рассказать, сообщить о чем-либо, описать события и явления, выразить отношение к ним. Действия учителя заключаются в оценке, комментировании монологических высказываний, оказании поддержки в процессе выполнения заданий.

Этап 4, направленный на оформление итогового варианта проекта, связан с необходимостью согласования мнений учащихся, оказанием поддержки, коррекцией, что создает условия для определения шага по контролю и оценке интерактивных и оценочных умений. Суть данного шага заключается в организации управляемого учителем речевого взаимодействия, в ходе которого учащиеся дают оценку явлениям, сравнивают факты, процессы, запрашивают информацию, побуждают к действиям и др. Диалогическое общение проводится по заданному сценарию, в котором прописывается ситуация, роли, цели, задачи, но при этом учащийся не ставится в рамки, препятствующие ему сыграть свою роль в соответствии с заданной ситуацией общения, что позволяет проверить интерактивные умения в общении в условиях, приближенных к реальным. Учитель оценивает качество интерактивных умений: соответствовало ли общение реальной ситуации, смог ли учащийся построить общение исходя из своей роли, вступить, поддержать, завершить общение и др.

Этап представления проекта позволяет оценить результат формирования РК, поскольку во время презентации проекта учащийся демонстрирует способность и готовность решать коммуникативные задачи, опираясь на весь комплекс сформированных умений в общении. В этапе представления продуктов мы выделяем шаг по контролю и оценке результата формирования РК. КОД в данном шаге проводится параллельно с представлением проекта, что не требует специально отведенных на КОД уроков.

Особенностью шага по контролю и оценке результата формирования РК является дифференциация КОД за счет распределения учащихся по группам и проведения контроля и оценки внутри групп, а также взаимодействия между группами. Так, например, одна группа учащихся «защищает» проект, а другие группы в этот момент знакомятся (слушают, анализируют и оценивают) с их выступлением.

Важным условием организации КОД внутри шага является комплексный характер речевых продуктов. На основе устного выступления может быть сделан вывод о сформированности информационных умений. Расспросы учащихся разных групп по содержанию проекта позволяют оценивать интерактивные умения. В ходе ознакомления с выступлениями учащихся, изучения плакатов, таблиц, слайдов презентации контролируется сформированность познавательных умений.

Учитель выполняет следующие действия: наблюдает, следит за представлением продуктов, оценивает сформированность умений в общении, оказывает помощь учащимся, комментирует результаты оценки. Учащиеся представляют речевые продукты, решают коммуникативные задачи, наблюдают, фиксируют с помощью оценочных листов информацию о решении коммуникативных задач.

Заключение. Проектную технологию для контроля и оценки формирования РК отличает пошаговый характер, система действий учителя и учащихся, выстроенная для достижения целей КОД, направленность на контроль и оценку речевых продуктов. Выделение контролируемых шагов позволяет интегрировать КОД в этапы работы над проектом, обеспечить гибкость и целостность контроля и оценки процесса и результата формирования РК. Технологический процесс, выстроенный как система действий учителя и учащихся, позволяет логично организовать деятельность учителя и учащихся; использование проектной технологии позволяет экономично организовать КОД. Продуктивный характер создает возможность учащемуся проявлять личностные качества и способности.

Список цитируемых источников

1. *Пассов, Е. И.* Методика как теория и технология иноязычного образования / Е. И. Пассов. — Елецк : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. — Кн. 1. — 543 с.
2. *Щукин, А. Н.* Методика обучения речевому общению на иностранном языке : учеб. пособие для преподавателей и студентов языковых вузов / А. Н. Щукин. — М. : ИКАР, 2011. — 454 с.
3. *Рабинович, Ф. М.* Контроль на уроках иностранного языка / Ф. М. Рабинович // Иностранные языки в школе. — 1987. — № 1. — С. 10—16.
4. *Cohen, A. D.* Test-Taking Strategies / A. D. Cohen // The Cambridge Guide to second language Assessment / Ch. Combi [et. al.]. — New York : Cambridge University Press, 2012. — P. 96—104.
5. *Челпаченко, Т. В.* Диагностика и контроль в обучении / Т. В. Челпаченко // Педагогика : учебник / В. Г. Рындак, А. М. Аллагулов, Т. В. Челпаченко [и др.]. — М. : ИНФРА-М, 2021. — С. 152—155.
6. *Воскресенская, А. А.* Технология контрольно-оценочной деятельности по обучению иностранному языку в вузе / А. А. Воскресенская // Вестник БГУ. Серия 4. — 2014. — № 2. — С. 101—105.
7. *Хуторской, А. В.* Модель системно-деятельностного обучения и самореализации учащихся / А. В. Хуторской // Вестник Института образования человека. — 2012. — № 1. — URL: <http://www.xn--hlamla.xn--plai/-journal/2012/100/Eidos-Vestnik2012-113-Khutorskoy.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
8. *Коряковцева, Н. Ф.* Технологии обучения иностранному языку / Н. Ф. Коряковцева, Н. В. Акимова // Основы методики обучения иностранным языкам : учеб. пособие / Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. Ф. Коряковцева [и др.]. — М. : КНОРУС, 2017. — С. 245—289.

Поступила в редакцию 02.07.2025.

Y. V. MaslovBelarusian State Economic University, 26 Partizansky Ave.,
220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 102 63 25, maslove@tut.by**CULTURE, LANGUAGE AND LITERATURE:
THE NEW REALITY OF THE MULTILINGUAL WORLD**

The material presents a review of a collective monograph, published by the British publishing house “Cambridge Scholars”. The monograph is devoted to the study of diverse links between very different cultural phenomena. The review describes the three sections of the 15-chapter-long monograph with descriptions of the methodology of the individual research. An attempt is made to analyse the trends in the scientific approaches of scholars from different countries and identify the directions of culture, language and literature research. This monograph presents the research conducted by three teachers working with the Department of Professional Foreign Language Training of Baranovichi State University.

Key words: multilingualism; language contacts; literary translation; audiovisual translation; foreign language teaching; intercultural competence; linguistic/multilingual competence.

Ref.: 1 title.

Ю. В. МасловУчреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 102 63 25, maslove@tut.by**КУЛЬТУРА, ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА:
НОВЫЕ РЕАЛИИ МНОГОЯЗЫЧНОГО МИРА**

В материале представлена рецензия на коллективную монографию на английском языке, изданную в британском издательстве «Кэмбридж сколарз». Монография посвящена исследованию многообразных связей, существующих между различными феноменами культуры. В рецензии представлено краткое содержание трех разделов монографии, состоящей из 15 глав, с описанием элементов методологии авторских исследований. Сделана попытка провести анализ тенденций, проявляющихся в научных подходах ученых, работающих в далеких друг от друга странах, и определить магистральные направления будущих исследований в области культуры, языка и литературы. В данной монографии представлены результаты исследований трех преподавателей кафедры профессиональной иноязычной подготовки учреждения образования «Барановичский государственный университет», посвященные проблемам художественного перевода и иноязычной подготовки будущих учителей английского языка.

Ключевые слова: многоязычие; языковые контакты; художественный перевод; аудиовизуальный перевод; обучение иностранным языкам; межкультурная компетенция; языковая/мультиязыковая компетенция.

Библиогр.: 1 назв.

Introduction. The present paper aims to review the collective monograph *Quest for Connections in Language, Culture, Literature* published in 2024. The 247-page book contains 15 chapters prepared by experts who come from ten countries that include Albania, Belarus, China, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Japan, Kazakhstan, Russia, Slovenia, USA, and Uzbekistan. The materials fall into three major categories that deal with the problems of multilingualism (4 entries in Part One), literary translation (6 entries in Part Two), and language teaching (5 entries in Part Three).

According to the introduction, the primary purpose of the book “Quest for Connections: Language, Culture, Literature” is to provide a platform for an international team of researchers working in a variety of interrelated fields to present their novel views on the changing linguistic landscape, discourse and translation studies, diachronic evaluation of the quality of literary translations, and their teaching practices at the tertiary level. In summary, the volume presents a multicultural research team’s effort to develop a new understanding of how cultures, languages and literatures interact today. Thus, it makes sense to thoroughly analyze the content of the articles and find as many takeaway ideas as possible.

Materials and methods of research. The present writer will attempt to answer the following question: what are the current trends in culture/language/translation studies reflected in the reviewed volume? The critical analysis of articles' content will be employed. To do so, all the chapters will be divided into three major categories.

Research results and discussion. The chapters belonging to the first category address various aspects of multilingualism, the concept that has gained considerable traction in recent decades due to the process of globalization. For instance, **Elena Malashenko (Belarus)** emphasizes that the ideas of linguistic plurality have become increasingly prevalent these days. The author underlines that multilingualism plays an essential role in preserving and promoting linguistic and cultural heritage of minority languages and indigenous languages. At the same time, linguistic diversity may present challenges such as the emergence of language barriers, the practices of linguistic discrimination or marginalisation of minority languages. The author suggests several ways of preventing any negative consequences of promoting linguistic diversity stressing the obvious fact that multilingual individuals can navigate complex communication situations more effectively. Another telling example of a functioning multilingual society is presented by **Dmitriy Kiselyov (Uzbekistan)**. The author studiously follows the origin of the modern linguistic landscape in the country, which is a vivid demonstration of the complexities faced by the citizens of a country where a few different languages are spoken by various ethnic communities.

Takanori Kawamata and Hiromasa Tanaka (Japan) research into the problem of complex interactions between representatives of diverse linguistic, cultural and professional backgrounds in intercultural business communication. The authors argue that a tide of volatility, uncertainty, complexity and ambiguity is sweeping across all societal sectors, which leads to increasingly intricate challenges and market demands. To navigate this landscape, individuals need the ability to generate creative solutions through communication. The research based on thorough analysis of interactions between university students from Georgia, Japan and Malta underscores the role of interpretation acts in forging bonds among community members. The researchers conclude that a shared language such as English as a lingua franca is of paramount importance. Their findings underscore the pivotal role of interpretation as a core competency that bridges linguistic, cultural and disciplinary divides.

However, any kind of analytical work presupposes the use of shared research instruments, one of which is the system of terminology. In the ideal world of science, such systems should be unified. That's why **Natalia Fenenko (Russia)** makes a commendable attempt to identify lacunae in terminology systems that exist in the works of French interpretative translation and Russian linguistic translation theorists. This paper presents a step forward on the path towards the unification of global translation studies terminology. It is quite likely that the ultimate unification of terminology used by researchers of various persuasions is a worthy goal, so more effort is needed in this direction. More importantly, time is an issue here, given the rapid progress made in the sphere of artificial intelligence, one demonstration of which is the growing capabilities of automated translation devices of all sorts.

However, human translators seem to still be able to uphold their superiority in the realm of literary translation that becomes the focal point of the second part of the volume under discussion. It contains six chapters dealing with various aspects of translation.

Cui Boshi and Zhang Wei (China) aim at sharing the beauty and meaningfulness of the Chinese poetry culture. A popular genre of the Chinese literature called Song Ci is discussed on the example of the works of Lu Yu, a poet of the Southern Song Dynasty whose 900th anniversary is to be commemorated in the year 2025. The authors provide a profound analysis of one of Lu Yu's poems, "Phoenix Hairpin", very well-known in Chinese literary and music culture. Several renditions of the poem into English are compared, which allows the reader to penetrate deeper into the intricacies of ancient Chinese poetry style and meaning.

Thomas Beavitt (the UK) presents the results of long-term collaborative work aimed at exploring and presenting relationships between two cultures and languages throughout history. The author's materials include lyrical poems on prophetic and Scottish themes written by the Russian poet

Mikhail Lermontov and an adaptation of a mediaeval romance composed by the Scottish bard and prophet Thomas the Rhymer. The author provides a brief historical background of prophecy in Scotland and Russia and analyzes the poets' works exemplifying it with the excerpts from his own translations of the poems. The author's design also involves song performances and film productions, which turns the research into an on-going project conducted in two countries permeated with historical and literary themes.

Russian literature has always enjoyed great popularity elsewhere in the world. The iconic works of 19th century Russian writers have not once been translated into many European languages. One such writer is Ukraine-born Nikolai Gogol whose works are saturated with multiple expressive means, which turns them into a true touchstone for literary translators. These challenges are explored by **Tatiana Syromiatnikova (Russia)** who compares German translations of several Gogol's novellas. The author presents keen observations on the subtleties of the original text, primarily the invectives found there, and the ways of translating these means of expression into a language that differs greatly from the original one.

Another view on translations of Russian literature is presented by **Yuri Maslov (Belarus)** who explores the quality of retranslations of one of Ivan Bunin's oeuvres published over a period of six decades. Bunin's prose, with its absence of a rigid plot structure, multiple epithets, and exceptional musicality, is also a challenge for any translator. The comparative analysis of the four translation versions of the story "Caucasus" reveals their finest nuances and allows to make a conclusion about the importance of a native speaker's review of the translation into another language as well as the necessity to deliver literary translation projects by multinational teams.

The analysis of translations of Soviet-era Russian literature is also found in the second part of the volume. **Anatoly Babushkin (Russia)** chooses the satirical novel "The Golden Calf" by I. Ilf and E. Petrov as an object lesson in literary translation from Russian into English. The author analyses the 2009 translation made by H. Anderson and K. Gurevich. In this text, the scholar pinpoints anthroponyms, an expressive element widely used by the original authors. A reliable classification is presented that includes anthroponyms ranging from the universally recognizable to imaginary, as well as ways to translate the names. The author concludes that rendering such names and preserving the comic effect requires a high level of creativity and an ability to skillfully diversify translation methods.

The modern-day translation phenomena are discussed in the chapter written by **Svetlana Semochko (Russia)** who studies linguistic peculiarities of subtitling animated and fantasy films. Primarily, the scholar describes the characteristics of audio-visual discourse and the audio-visual translation of animated films and its challenges. Subtitling is viewed as a hybrid form sharing common traits with dubbing and literary translation. The results of the research are based on the comparison of the original (English) and foreign language (German and Russian) subtitles of a particular animated film. The observations and comparisons demonstrate the inevitability of complex transformations in nominative and discursive strategies due to the linguistic asymmetry of the languages and numerous technical limitations in subtitling.

The third part of the volume deals with educational implications of multilingualism. **Baktygul Kurmanova (Kazakhstan)** describes the educational policy in her home country based on elaborate analysis of its ethnic structure. The signature trend is to provide all learners with an opportunity to master three languages — Kazakh as the state language, Russian as a means of inter-ethnic communication, and one foreign language. The author emphasizes the fact that indigenous languages of ethnic groups settled in certain districts of Kazakhstan are also part of the new curricula, now being designed and implemented across the country.

Teaching foreign languages seems to be the very sphere of education in which many applicable approaches can be tried and tested. The intricate relationship between learners' native language system and the newly acquired foreign language system is discussed using the example of Albanian schools. Two co-authors, **Merita Hoxha (Albania)** and **Lynn W. Zimmerman (USA)**, delve into the problems related to implementing the communicative language teaching approach. As is known, communicative teaching is sometimes understood, perhaps mistakenly, as the exclusive use of a target language. Such practices contribute to the emergence of a non-supportive learning environment,

especially at starting levels. The authors consider arguments for and against the use of learners' mother tongue in the classroom and present the results of their joint action research project. The project is aimed at examining the possible effect, both stimulating and otherwise, of using the native language of the learners in the language classroom. The results show clearly that limited use of mother tongue can facilitate a transition to the communicative way of language teaching and cultivate a more positive learning environment.

Higher education issues are also considered by several authors. For example, **Rumiya Tanga lycheva (Russia)** describes a creative technique developed by a team of educators to increase intercultural competence of students. The technique is based on the use of a cultural assimilator which is a variety of case study methods. The author describes a step-by-step program of activities that typically opens with a short story about a communication episode involving representatives of different cultures in a variety of settings (education, business, family and friends, everyday life, public space, etc.). The episode always reflects an underlying intercultural problem that requires an effective solution. The solutions are proposed and talked over by students and their teacher, and expert interpretations follow. In such a way it is possible to show ways and means for overcoming cultural differences and adapting to unfamiliar sociocultural contexts.

It is obvious that any kind of instruction described above requires a cadre of educators who are well versed in contemporary techniques. That is why teacher training is also one of the topics for discussion in the book. **Iryna Piniuta** and **Tetiana Piatakova (Belarus)** present the framework designed to develop pre-service teachers' plurilingual competence. It seems to be an approach that may ensure would-be teachers' ability to use languages for the purpose of communication within multilingual and multicultural contexts. The authors present the essence of plurilingual competence, which is seen primarily as an ability to effectively use several languages in learning, teaching and research. They also formulate the principles for developing plurilingual competence that include, among others, exposure to and instruction in multiple languages, immersion in real-world contexts and building positive attitudes towards language diversity. The strength of the chapter lies in the detailed description of sequences of activities based on a solid theoretical foundation.

Language teaching at university level has many facets. One specific area is explored by **Nataša Gajšt (Slovenia)**. The author presents the results of teaching business correspondence to non-native speakers of English. The scholar proposes a step-by-step terminology-to-letter-writing approach to teaching commercial terminology and commercial correspondence and describes the modules designed using this approach. The modules include a sequence of interconnected activities that include a variety of translation tasks. The material shows clearly that such an approach, if realized both collaboratively and individually, can increase the level of student language proficiency as well as cross-cultural communication skills.

Overall, the volume presents what seems to be a comprehensive picture of contemporary trends in academic studies in the given area. However, one can also mention certain limitations of the research presented in the book.

As far as the chapters in Part One are concerned, they are well grounded in statistical data but fail to graphically describe certain trends of today such as, for example, de-globalization. It could also be important to describe the multiple roles — and images — of English as the language of communication used by the members of very diverse communities. However, the chapter prepared by the Japanese researchers is a commendable exception.

As the chapters in Part Two describe various aspects of literary translation, they are less grounded in theorizing but more in analyzing actual translations. The quality of such studies may be decreased by subjectivity caused by the authors' idiosyncrasies. It seems that the authors managed to escape such a trap, but the reader would expect more information on the 'statistics' (the total number of micro-contexts, examples, etc.). That could certainly make the chapters look more convincing.

It should be noted that the chapters in Part Three, being generally praxis-oriented and helpful for educators working in any part of the world, are better equipped with quantitative data. The samples are sizable enough. As a result, the conclusions made by the authors can serve as a reliable starting point for discussion. At the same time, the authors understand clearly that theory, however well-

grounded, can hardly serve as the only instrument for professional development. As the Albanian American duet put it, the primary goal for any language teacher isto focus on up-to-date professional development through training and networking.

In fact, the entire volume is an attempt at promoting such networking on an international level. The research materials clearly demonstrate, for instance, that the time has come to start large-scale projects aimed at bridging the gaps existing between various schools of thought in foreign language methodology. The chapters written by Natalia Fenenko from Russia and Iryna Piniuta and Tetiana Piatakova from Belarus are evidence of that.

Curiously, the Belarusian duet works at the language department of the second youngest Belarusian university that can be viewed as an epitome of multilingualism. According to the authors, their research sample of 100 individuals comprises teachers and students who use as many as sixteen languages at different levels of proficiency. Besides Russian and Belarusian (native languages), the list of languages includes Latin, English, German, and Chinese (taught in the university) as well as Polish, Ukrainian, Japanese, Spanish, Turkish, Korean, Hebrew, Czech, French and Norwegian. In a sense, this kind of linguistic variety shows that any university elsewhere in the world is supposed to be ready to brave the new multicultural world.

Conclusion. One should thank the editors of the book, especially Dr. Elena Chaika from Voronezh State University who started the whole project in 2024. Reading the volume's chapters leads the reader to believe that the title hasn't been chosen randomly. The dictionary definition states that a quest is a long search for something that is difficult to find. Tremendous cultural work lies ahead for language/culture professionals in every part of the world. If someone reads this collection faithfully, the triune idea put forward by the editors becomes clear. In a nutshell, it is as follows.

The brave new world of multilingualism has arrived and is now a major factor shaping further development of human civilisation. The language environment in every corner of the world is a breeding ground for translation work, with or without the technology involved. Finally, better understanding between peoples and cultures is facilitated by well-designed and well-intentioned educational efforts that should start as early as possible. The collective author of this volume has proved all three theses by a variety of examples taken from research and observation.

However, every never-ending quest is a risky endeavour. No doubt, some of the ideas put forward by the contributing authors may generate criticism and debate. Moreover, the intellectual horizons of today's globalised world are somewhat cloudy. Yet this volume is an attempt, albeit a humble one, to give the right direction to the vessel of linguistic and educational thought. It is the direction to further productive research and scholarly discussion, despite the darkish skies or adverse winds. It is wonderful that this idea is fully shared by Cambridge Scholars Publishing, to which all the authors of the book express their most sincere gratitude. Such publications help build bridges between educational practices grounded in various cultural environments and scientific theories.

References

1. Quest for Connections in Language, Culture, Literature / Ed. by Elena Chaika and Yuri Maslov. — Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2024. — 247 p.

Received by editorial staff 21.06.2025.

И. В. Пинюта¹, кандидат педагогических наук, доцент,
К. С. Лущицкая²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь,
¹+375 (163) 48 74 02, pinyuta@msn.com, ²+375 (44) 725 38 41, kselushchitskaya@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена рассмотрению проблемы совершенствования лексических навыков у учащихся II ступени общего среднего образования. В контексте компетентного подхода к обучению иностранным языкам в работе делается акцент на необходимость выделения этапов совершенствования лексических навыков с учетом особенностей забывания информации и соответствующую типологию упражнений. В исследовании подчеркивается, что совершенствование лексических навыков необходимо для предупреждения деавтоматизации навыка, которая обусловлена процессами памяти, в частности, забыванием, и требует научно организованного повторения изученной лексики в приближении к интервалам, определенным «кривой Эббингауза». Кроме того, авторы анализируют и апробируют современные цифровые технологии в целях оптимизации исследуемого процесса: программы искусственного интеллекта Twee, Kandinsky, Yippity, а также учебные онлайн-сервисы LearningApps, Wordwall. В статье особое внимание уделено разработке и апробации комплекса упражнений, классифицированных в соответствии с когнитивными умениями на основе метода интервальных повторений. Полученные результаты экспериментального обучения доказали эффективность разработанного комплекса упражнений.

Ключевые слова: лексический навык; совершенствование лексических навыков; упражнение; этапы совершенствования лексических навыков; цифровая технология.

Табл. 1. Библиогр.: 15 назв.

I. V. Piniuta¹, Ph. D. in Education, Associate Professor,
K. S. Lushchytskaya²

Institution of Education “Baranavichy State University”, 21 Voykova Str.,
225404 Baranavichy, the Republic of Belarus,

¹+375 (163) 48 74 02, pinyuta@msn.com, ²+375 (44) 725 38 41, kselushchitskaya@mail.ru

IMPROVMENT OF LEXICAL SKILLS USING DIGITAL TECHNOLOGIES

The article is devoted to the problem of improving lexical skills of students of the second stage of general secondary education. In the context of the competence-based approach to foreign language teaching, the paper emphasizes the need to identify stages of improving lexical skills. The study emphasizes that improving lexical skills is necessary to prevent deautomatization of the skill, which is due to memory processes, in particular, forgetting, and requires scientifically organized revision of the target vocabulary in approximation to the intervals determined by the “Ebbinghaus curve”. In addition, the authors analyze and test modern digital technologies in order to optimize the process under study: artificial intelligence programs Twee, Kandinsky, Yippity, as well as online educational services LearningApps, Wordwall. Particular attention is paid to the development and approbation of the set of exercises classified according to cognitive skills based on the interval repetition method. The obtained results of experimental training proved the effectiveness of the designed set of exercises.

Key words: lexical skill; improvement of lexical skills; exercise; stages to develop lexical skills; digital technology.
Table 1. Ref.: 15 titles.

Введение. Актуальность исследования проблемы совершенствования лексических навыков (далее — ЛН) вызвана тем, что в условиях глобализации и расширения сфер межкультурной коммуникации владение лексикой выступает предпосылкой успешного взаимодействия. На современном этапе развития языкового образования в Республике Беларусь особое внимание уделяется подготовке учащегося как субъекта межкультурной коммуникации, как поликультурной личности, способной к межкультурному общению в различных ситуациях, что нашло отражение в учебных программах по иностранным языкам [1—3]. В этой связи роль учителя иностранного языка в обучении учащихся лексической стороне речевой

деятельности значительно усложняется: педагог должен обладать языковой и профессионально-методической компетенцией для решения обозначенных задач, чему способствуют современные цифровые технологии, которые способны оптимизировать исследуемый процесс в условиях учреждения общего среднего образования.

Необходимость разработки методики совершенствования ЛН у учащихся общего среднего образования обусловлена наличием следующих выявленных противоречий:

– между достаточно низким уровнем сформированности ЛН, вызванным интенсивным забыванием изучаемого материала, и высокими требованиями нормативных документов к подготовке учащихся учреждений общего среднего образования как субъектов межкультурной коммуникации. Так, согласно учебной программе для X—XI классов, учащиеся должны овладеть 1 910—2 240 лексическими единицами продуктивного лексического минимума и 1 270—1 880 лексическими единицами рецептивного лексического минимума [3, с. 134];

– между отдельными научными исследованиями процесса совершенствования ЛН и объективной необходимостью применения данных современной психологической науки и цифровых технологий для достижения поставленных задач.

Целью данной работы выступает разработка комплекса упражнений на совершенствование ЛН и его экспериментальная проверка.

Материалы и методы исследования. Материалом для проведения исследования послужил разработанный нами комплекс упражнений на совершенствование ЛН на учебном материале для 9-го класса учреждений общего среднего образования с использованием программ искусственного интеллекта (Twee, Kandinsky, Yippity) и учебных онлайн-сервисов (LearningApps, Wordwall).

В качестве методов исследования мы использовали анализ научной литературы по методике преподавания иностранных языков, педагогике и психологии; анализ нормативной, учебно-методической и учебной литературы; эксперимент и статистический анализ полученных результатов.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенный нами анализ научной литературы свидетельствует об огромном интересе к проблеме совершенствования ЛН, под которыми понимается «способность мгновенно вызывать из долговременной памяти эталон слова в зависимости от конкретной речевой задачи и включать его в речевую цепь» [4, с. 33—41].

В рамках компетентного подхода к совершенствованию ЛН целесообразно применять следующие принципы обучения: природосообразности обучения и воспитания на материале иностранного языка, наглядности, активности, сознательности, систематичности и связи обучения с практикой [5, с. 151—174]. Данные принципы реализуются в упражнениях, построенных с использованием цифровых технологий. Цифровые образовательные технологии — это инновационный способ организации учебного процесса, основанный на использовании электронных систем, обеспечивающих наглядность [6, с. 27]. С. В. Титова, исследуя актуальность использования цифровых технологий в современном образовательном процессе, определяет их как «средство, с помощью которого успешно решаются вопросы интенсификации и оптимизации образования, воспитания личности, адаптированной к жизни в информационном обществе» [7, с. 22]. В обучении поколений Z и Alpha традиционные форматы передачи знаний требуют пересмотра в связи с изменяющейся цифровой реальностью, и для решения задач нашего исследования мы отобрали следующие программы искусственного интеллекта и учебные онлайн-ресурсы: Twee, Yippity, Kandinsky, LearningApps и Wordwall.

Выбор программы искусственного интеллекта Twee, предназначенной для работы с лексическим материалом, обусловлен ее направленностью на: 1) адаптивное обучение; 2) контекстуальное изучение слов; 3) интерактивность; 4) мгновенную обратную связь [8]. Аналогичная технология Yippity представляет больше возможностей работы с текстом, например, генерацию заданий «верно-неверно», множественного выбора, на заполнение пропусков и др.

Инструмент для генерации изображений Kandinsky позволяет создавать иллюстрации, которые могут быть использованы для визуализации учебного контента [9]. Все шаблоны сервиса LearningApps можно наполнить видео- и аудиоматериалом, что дает возможность задействовать больше каналов восприятия информации и максимально ее визуализировать [10]. Wordwall также является сервисом для работы с лексическим материалом. Целесообразность его использования обусловлена возможностью визуализации языкового материала и геймификации. В педагогической практике наиболее популярными являются шаблоны «колесо удачи», «вращающиеся карточки», «нахождение соответствий», «опрос», «ранжирование» и др.

В целях разработки комплекса упражнений с отобранными технологиями мы обратились к данным теории памяти. В частности, в рамках данного исследования важно понимать, что предупреждению забывания способствует использование метода интервальных повторений, который представляет собой стратегию обучения, основанную на принципе повторения изучаемого материала через определенные промежутки времени. Исходя из данных, представленных в научных трудах Г. Эббингауза, следует, что информация забывается по экспоненциальной кривой, где более 50 % информации теряется в течение первого часа, а около 70 % — через день [11]. Ученый заключает, что целесообразно организовать повторение в соответствии со следующими восьмью стадиями: 1) непосредственно после заучивания; 2) через 20 минут; 3) через 1 час; 4) через 9 часов; 5) через 1 день; 6) через 2 дня; 7) через 6 дней; 8) через 31 день.

Следовательно, совершенствование ЛН непосредственно связано с предупреждением деавтоматизации навыка, который обусловлен процессами памяти, в частности, забыванием, и требует научно организованного повторения изученной лексики в приближении к интервалам, определенным «кривой Эббингауза». В условиях общего среднего образования с учетом данных об особенностях запоминания нами были предложены следующие этапы совершенствования ЛН: 1) интеграция; 2) аккумуляция; 3) оптимизация; 4) консолидация; 5) верификация.

Этап интеграции (лат. *integer* целый) реализуется приблизительно через час после введения лексической единицы в ходе проведения рефлексии. Он самый важный в предлагаемой системе, поскольку в данный период времени происходит очень интенсивное забывание — до 56 %, согласно теории Эббингауза. На данном этапе имеет место объединение изучаемых слов с ранее изученными в целостную систему, и этот этап можно отнести как к этапу собственно формирования, так и к этапу совершенствования навыков, если после работы с лексикой проводились упражнения с другой целью. Этап аккумуляции (лат. *accumulatio* накопление) проводится приблизительно в течение одного дня после введения материала и осуществляется в ходе выполнения домашнего задания, забывание в этот период достигает 70 %. Аккумуляция представляет собой накопление словарного запаса с расширением потенциала его связей с другими словами. Этап оптимизации (лат. *optimus* лучший) проводится через два дня после начала формирования навыка, в это время забывание превышает 70 %. Оптимизация позволяет повысить все качества навыка: автоматизированность, сознательность, гибкость, прочность и др. Этап консолидации (лат. *consolidare* укреплять, подерживать) реализуется на 3—4-й неделях обучения данной лексике. Он необходим для предупреждения деавтоматизации ЛН, которые отрабатываются в различных контекстах. Этап верификации (лат. *verus* истинный, *facere* делать) организуется через 31 день, т. е. один месяц после введения лексической единицы. Его цель заключается в формировании лексической компетенции на новом учебном материале в ходе выполнения речевых упражнений.

Исследователи процесса обучения иностранным языкам определяют упражнение как специально организованное однократное или многократное выполнение отдельных операций или ряда операций либо действий с языковым или речевым материалом в целях овладения им [12, с. 40]. Под лексическими упражнениями понимаются упражнения, направленные на осознание сущности лексикологических понятий и формирование ЛН [13]. Упражнения на совершенствование ЛН способствуют автоматизации речевых действий, развивают когнитивные способности учащихся и обеспечивают практическое применение знаний в речевых ситуациях.

Основой для классификации упражнений на совершенствование ЛН выступает положение И. В. Муромцевой, которое гласит, что успешному запоминанию способствуют следующие когнитивные умения: а) анализ; б) выделение признаков; в) синтез; г) построение ассоциативных рядов; д) сопоставление; ж) обобщение признаков; з) зрительная репрезентация информации [14, с. 20]. Данные когнитивные умения легли в основу типологии упражнений на совершенствование ЛН. В комплексе упражнений мы выделили: 1) аналитические; 2) атрибутивные; 3) обобщающие (синтезирующие); 4) ассоциативные; 5) компаративные (сопоставительные); 6) систематизирующие; 7) визуализирующие виды упражнений (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Классификация упражнений на совершенствование лексических навыков

Вид упражнения	Цель упражнения	Цифровые технологии	Пример
Аналитические	Узнавать лексическую единицу в контексте; разделять лексические единицы по составу; использовать письменную форму слов; осуществлять лексическую трансформацию	Twee, Wordwall	<i>Rephrase each sentence below using a phrase in the box.</i> <i>Scan and drag the letters into their correct positions to unscramble the word / phrase</i>
Атрибутивные	Соотносить понятие со значением/характеристикой, определять свойства/принадлежность определенного объекта/явления	Twee, Wordwall	<i>Scan the QR code, and match the words with their definitions</i>
Обобщающие (синтезирующие)	Объединять лексические единицы в семантическую группу, включать слова и их сочетания в более широкий контекст	Learning Apps	<i>Scan the QR code, and sort the words by categories. Describe the picture that appears using these words</i>
Ассоциативные	Находить взаимосвязь между заданными и ранее изученными лексическими единицами, использовать лексические единицы в сверхфразовых единствах	Twee, Yippity	<i>(Pair work) Read the sentences, answer the questions and comment one on your choice. Find the words that relate to the topic, e.g., "Relationships". Create a word cloud</i>
Компаративные (сопоставительные)	Сравнивать объекты/явления, выявлять сходства и различия, использовать слова с применением вербальных содержательных опор	Twee	<i>Read the letters of two friends: Tanya from Belarus and Anna from England. Compare their families. Fill in the table using the information from the letters</i>
Систематизирующие	Структурировать высказывания, объединять элементы по заданным критериям, использовать слова в неограниченном контексте на основе вербальных смысловых опор	Twee	<i>Make a family tree. Describe your family members. Speak about their personalities, the status in the family and hobbies</i>
Визуализирующие	Совершенствовать навыки визуального декодирования и использования лексических единиц в неограниченном контексте на основе иллюстративных опор	Kandinsky	<i>Describe your classmate in detail. Use artificial intelligence (Kandinsky) and create an image. Ask your classmates to guess who is in the photo</i>

Разработанный комплекс упражнений был апробирован в 9-м классе в ГУО «Средняя школа № 19 г. Барановичи» в 2024/2025 учебном году. Контрольная группа состояла из 11 учащихся: 5 юношей и 6 девушек. Уровень сформированности ЛН составил 60 %. Высокий уровень владения имеют 18,2 % учащихся, достаточный — 36,4 %, средний — 9,1 %, удовлетворительный — 18,2 %, низкий — 18,2 %. Экспериментальная группа состояла из 12 учащихся: 7 юношей и 5 девушек. Уровень сформированности ЛН составил 68 %. Высокий уровень владения имели 18,2 % учащихся, достаточный — 27,3 %, средний — 45,5 %, ниже среднего — 18,2 %. Экспериментальное обучение осуществлялось в течение 12 часов на англоязычном учебном материале для 9-го класса в объеме 38 лексических единиц [15]. После завершения экспериментального обучения для диагностики уровня сформированности ЛН был разработан и проведен постэкспериментальный тест, который оценивался по пяти критериям: точность понимания значения лексических единиц, языковая грамотность, способность сочетать лексические единицы, репродуктивность и продуктивность. Положительная динамика уровня сформированности ЛН в экспериментальной группе составила 17 %, достигнув 85 % по результатам контрольного теста. В контрольной группе динамика составила 5 %, достигнув 65 %. Таким образом, эффективность комплекса упражнений составила 12 %, что подтверждает целесообразность применения разработанного комплекса упражнений.

Заключение. На основе анализа результатов постэкспериментального тестирования был сделан вывод об эффективности разработанного комплекса аналитических, атрибутивных, обобщающих (синтезирующих), ассоциативных, компаративных (сопоставительных), систематизирующих и визуализирующих упражнений с использованием цифровых технологий (Twee, Kandinsky, Yippy, LearningApps, Wordwall), направленных на совершенствование ЛН на этапах интеграции, аккумуляции, оптимизации, консолидации и верификации с использованием метода интервальных повторений.

Список цитируемых источников

1. Учебная программа по учебному предмету «Иностранный язык» (английский, немецкий, французский, испанский, китайский) для III—IV классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания : утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь от 18.07.2023 г. № 197. — URL: <https://adu.by/images/2023/11/UP-In-yaz-3-4-2023.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).
2. Учебная программа по учебному предмету «Иностранный язык» (английский, немецкий, французский, испанский, китайский) для V—IX классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания (базовый и повышенный уровни) : утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь от 18.07.2023 г. № 197. — URL: <https://adu.by/images/2023/11/UP-In-Yaz-BiP-2023.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).
3. Учебная программа по учебному предмету «Иностранный язык» (английский, немецкий, французский, испанский, китайский) для X—XI классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания (базовый и повышенный уровни) : утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь от 18.07.2023 г. № 197. — URL: <https://adu.by/images/2023/11/UP-In-Yaz-BiP-10-11-2023.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).
4. *Миньяр-Белоручев, Р. К.* Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев. — М. : Готика, 2009. — 176 с.
5. *Коменский, Я. А.* Великая дидактика / Я. А. Коменский // Избранные педагогические сочинения. — М., 1939. — Т. 1. — 321 с.
6. Цифровая дидактика: технологии и сервисы : учеб. пособие / Н. В. Соловова, Д. О. Ежков, А. Н. Рылов, Н. В. Суханкина. — Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2025. — 82 с.
7. *Титова, С. В.* Цифровые технологии в языковом обучении : теория и практика / С. В. Титова. — М. : Эдитус, 2017. — 246 с.
8. TWEЕ : [сайт]. — URL: <https://twee.com> (дата обращения: 19.09.2024).
9. *Писарь, Н. В.* Потенциал использования нейросетей как инновационного инструмента создания учебного контента и средства организации интерактивной образовательной среды на занятиях по русскому языку как иностранному / Н. В. Писарь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17, № 1. — С. 58—65.
10. Использование электронного образовательного сервиса LearningApps при обучении иностранному языку. — URL: <https://clck.ru/3Liy92> (дата обращения: 05.01.2025).

11. *Иголкина, М. И.* Метод интервальных повторений при обучении иностранным языкам / М. И. Иголкина, В. С. Язынина // Гуманитарный вестник. — 2023. — № 3 (101). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-intervalnyh-povtoreniy-pri-obuchenii-inostrannym-yazykam> (дата обращения: 28.09.2024).

12. Методика преподавания иностранного языка : учеб. пособие / Т. П. Леонтьева [и др.] ; под общ. ред. Т. П. Леонтьевой. — 2-е изд., испр. — Минск : Выш. шк., 2016. — 239 с.

13. *Алиева, К. В.* Виды упражнений по преодолению лексико-семантической интерференции в русской речи учащихся-лакцев / К. В. Алиева // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 4. — С. 70. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23939872_12720162.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

14. *Муромцева, И. В.* Когнитивные детерминанты памяти на персонифицированную информацию студентов — будущих педагогов : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Муромцева Ирина Владимировна ; Волог. гос. пед. ун-т. — СПб., 2015. — 24 с.

15. *Лапицкая, Л. М.* Английский язык : учеб. пособие для 9-го кл. учреждений общего сред. образования с рус. яз. обучения : с электрон. приложением / Л. М. Лапицкая [и др.]. — Минск : Адукацыя і выхаванне, 2018. — URL: <https://drive.google.com/file/d/1CKxG6LyHcWuDKvhMDIEFAfmj0r1JcjJm/view> (дата обращения: 11.09.2024).

Поступила в редакцию 21.06.2025.

УДК 159.9.072

М. А. Король

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь +375 (33) 311 93 62, mariya.korol.2222@mail.ru

ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

В статье рассматривается проблема психологической диагностики критического мышления. Раскрывается психологическая сущность критического мышления. Представлены психометрические характеристики (валидность, надежность) существующих тестов, ориентированных на изучение критического мышления, и описание их структуры. Приводятся результаты исследования конвергентной валидности тестов критического мышления А. А. Вихмана, Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко, Ю. Ф. Гущина. Описываются результаты корреляции показателей по шкалам указанных методик с обоснованием взаимосвязи смежных в содержательном плане умений критического мышления. Проводится сопоставление указанных тестов изучения критического мышления на предмет операций мышления, на которых базируются умения критического мышления. Формулируется вывод о сопоставимости методик с позиции предмета исследования и различных измерительных возможностях.

Ключевые слова: критическое мышление; методики диагностики критического мышления; конвергентная валидность; содержательная валидность; корреляция.

Табл. 3. Библиогр.: 9 назв.

M. A. Korol

Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy,
the Republic of Belarus, +375 (33) 311 93 62, mariya.korol.2222@mail.ru

MEASUREMENT CAPABILITIES OF DIAGNOSTIC TOOLS FOR STUDYING CRITICAL THINKING IN PSYCHOLOGY

The article considers the problem of psychological diagnostics of critical thinking. The psychological essence of critical thinking is revealed. Psychometric characteristics (validity, reliability) of existing tests aimed at studying critical thinking and a description of their structure are presented. The results of a study of convergent validity of critical thinking tests as by A. A. Vikhman, by L. Starkey in the adaptation of E. L. Lutsenko, and test by Yu. F. Gushchin are presented. The results of the correlation of indicators on the scales of these methods are described with the justification of the relationship between related skills of critical thinking in terms of content. A comparison of these tests of critical thinking is carried out on the subject of thinking operations on which the skills of critical thinking are based. A conclusion is formulated about the comparability of methods from the position of the subject of the study and various measurement capabilities.

Key words: critical thinking; methods of diagnostics of critical thinking; convergent validity; content validity; correlation.

Table 3. Ref.: 9 titles.

Введение. Нестабильность и постоянные преобразования современного мира ведут к необходимости наличия у человека гибких навыков. К таким навыкам относят творческое мышление, навык коллаборации, коммуникативные навыки, критическое мышление [1].

Учитывая многозадачность и противоречивость, с которыми человек сталкивается ежедневно в своей учебной и профессиональной деятельности, важным является наличие у него критического мышления. Критическое мышление является существенным фактором социализации и адаптации человека в современном цифровом мире с избытком разнообразной информации и киберрисков [2].

По Р. Полу и М. Скривену, критическое мышление — вид мышления, включающий процесс активного осмысления, применения, анализа, синтеза и оценки информации, собранной или созданной посредством наблюдения, опыта, размышлений, рассуждений или общения, основанный на универсальных интеллектуальных ценностях [3].

Исследователь Д. Халперн под критическим мышлением понимает познание, характеризующееся обоснованностью, контролируемостью и целенаправленностью [4].

С точки зрения М. А. Холодной, критическое мышление может быть отнесено к метакогнитивному опыту личности, состоящему из нескольких уровней: произвольный интеллектуальный контроль, произвольный интеллектуальный контроль, метакогнитивная осведомленность, открытая познавательная позиция [5].

Востребованность развития критического мышления у современного человека обусловлена также потоком информации, часто противоречивой, содержащей фейковые идеи, получаемой из разных печатных источников, СМИ, интернет-ресурсов. Критическое мышление является протективным фактором в отношении информационного давления, манипулятивных воздействий, цель которых — сформировать у человека искаженную картину мира и побудить к деструктивной активности. В связи с этим особую актуальность приобретает психологическая диагностика критического мышления, позволяющая определить векторы коррекционно-развивающей и психопрофилактической работы с целевой аудиторией. Как правило, группу риска с точки зрения сниженности критического мышления составляют лица подросткового и юношеского возраста.

На сегодня имеется психодиагностический инструментарий для изучения критического мышления личности. Однако противоречивые данные, получаемые в исследованиях с его применением, обуславливают необходимость обратиться к вопросу оценки измерительных возможностей существующих методик психодиагностики критического мышления.

Материалы и методы исследования. Наше исследование сосредоточено на рассмотрении содержательной и конвергентной валидности таких методик психодиагностики критического мышления, как тесты «Критическое мышление» А. А. Вихмана [2], Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко [6], Ю. Ф. Гущина [7].

В исследовании использованы методы теоретического анализа литературы, а также тестирование, методы статистической обработки данных (корреляционный анализ — коэффициент корреляции Спирмена).

Результаты исследования и их обсуждение. Валидность теста — это психометрическая характеристика теста, подтверждающая точность измерения исследуемого свойства, оценка адекватности теста [8, с. 60]. Содержательная валидность теста — это «степень репрезентативности содержания заданий теста измеряемой области психических свойств» [9, с. 25]. Для оценки конвергентной валидности проводится корреляционный анализ показателей по методикам, заявленным как изучающим один и тот же феномен. При наличии значимых положительных взаимосвязей можно говорить о конвергентной валидности, являющейся разновидностью конструктивной валидности.

Одним из современных средств диагностики критического мышления выступает тест «Критическое мышление» А. А. Вихмана. Целевая аудитория диагностируемых — лица с 13 лет, т. е. применение теста возможно с подросткового возраста. Тест содержит 16 заданий и 4 шкалы (по 4 задания на каждую из шкал):

– шкала «Обнаружение фактов, аргументов, гипотез и опровержений» оценивает умение выявлять в тексте факты, аргументы, гипотезы и опровержения;

– шкала «Анализ и критика аргументов» оценивает умение определять факты, ослабляющие аргументацию, определять, когда для доказательства достоверности суждения или утверждения нужна дополнительная информация;

– шкала «Оценка противоречий и альтернатив» определяет, сформировано ли умение определять альтернативные варианты решения проблемы, формулировать серию предположений в ответ на вопрос, вычленять лежащие в основе суждения противоречия и парадоксы;

– шкала «Формулировка вывода» оценивает умение определять, какое из нескольких возможных умозаключений наиболее обосновано или наиболее подтверждено эмпирически, какое из умозаключений сформулировано наиболее точно и репрезентативно [2].

В основе теста лежит подход к пониманию критического мышления как целенаправленного саморегулирующегося мышления, результатом которого являются интерпретация, анализ, оценка и вывод, а также объяснение эмпирических, концептуальных, методологических, критериальных и контекстуальных оснований. Коэффициент внутренней согласованности α Кронбаха общего балла критического мышления равен 0,595, ω Макдональдса — 0,613.

Тест «Критическое мышление» Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко оценивает общую сформированность критического мышления, в каждом задании предлагается выбрать один правильный ответ из четырех [6]. Тест содержит следующие шкалы: общий уровень критического мышления; умение фокусировать наблюдение (определяет умение фокусироваться и быть внимательным к окружающему миру, чтобы получить больше информации о сложившейся ситуации); индуктивное мышление (умение выводить общие правила, принципы на основе анализа частных случаев или конкретных наблюдений); идентификация техник убеждения (умение выявлять методы и приемы, используемые для воздействия на убеждения, мнения или поведение, чтобы склонить к определенной точке зрения или действию); идентификация злоупотребления индукцией (умение распознавать ошибочно совершенные анализ, выводы и суждения на основе анализа частных суждений); способность к мозговому штурму (умение генерировать и предлагать новые идеи для решения проблем или разработки новых концепций); проверка своих эмоций на принятие решений (умение отслеживать собственные эмоциональные реакции при решении важных вопросов и принятии решений); умение находить соответствующие информационные ресурсы; идентификация техник отвлечения внимания (умение распознавать техники отвлечения внимания, направленные на переключение фокуса с одного хода мыслей на противоположный); формирование проблемных суждений (процесс осознания и формулирования проблемы); умение отличать объяснения от аргументов (умение, которое предполагает четкое понимание, что объяснение раскрывает причины или механизмы явления, в то время как аргумент представляет собой доводы, направленные на убеждение в истинности определенного утверждения); постановка целей; идентификация злоупотребления дедукцией (умение выявлять случаи, когда дедуктивные умозаключения строятся на ложных или неполных доводах, что приводит к неверным выводам); умение распознавать истинную проблему (выявляет умение отличить реально существующую проблему от ложной); оценивание фактов; понимание текстов; определение актуальной проблемы (определяет умение определять, является ли ситуация проблемной). Тест обладает надежностью (α Кронбаха составляет 0,71), ретестовой надежностью ($r_t = 0,74$ при $p < 0,001$), а также валидностью.

Тест «Критическое мышление» Ю. Ф. Гущина содержит 17 заданий, которые направлены на диагностику умений, входящих в перечень умений критического мышления: умение выявлять и отличать аргументированные высказывания от всех других; умение критически оценивать допустимость и осмысленность выводов, полученных формальным путем; умение распознавать и критически оценивать «скрытые» (завуалированные) цели и намерения, содержащиеся в сообщениях; умение оценивать разные альтернативы в ситуациях, где есть конфликт (противоречие) между личными интересами и интересами других; умение распознавать и критически оценивать сообщения, направленные на получение определенного результата с помощью манипулирования сознанием людей; умение находить и «отсеивать» избыточную, не имеющую отношения к делу информацию; умение обнаруживать «уловки» в тексте или устных высказываниях; умение обнаруживать противоречия и находить логические ошибки в рассуждениях (рефлексивное умение); умение находить решения в неопределенных ситуациях.

С точки зрения Ю. Ф. Гущина, критическое мышление — это мышление, являющееся сознательно (рефлексивно) контролируемым, самооценочным, целенаправленным, обоснованным в отношении осуществления основных, логических, творческих и других познавательных действий при решении задач, рассуждениях, доказательствах, принятии решений. Методика обладает средним уровнем надежности (коэффициент надежности α Кронбаха равен 0,66), высоким уровнем внутренней согласованности и конвергентной валидности.

Содержательный анализ пунктов тестов критического мышления позволяет констатировать, что они обладают содержательной валидностью: пункты теста оценивают умение работать с информацией, ее обрабатывать, рассматривать на предмет достоверности и объективности, умение логически рассуждать и формулировать выводы и аргументировать суждения.

Таким образом, отметим отличительные характеристики измерительных возможностей тестов критического мышления, исходя из анализа внутренней структуры и методологических оснований разработки. Можно заключить, что тест А. А. Вихмана направлен на изучение критического мышления на основе оценки мыслительных операций «анализ», «синтез», «обобщение», активируемых при познании действительности. При этом сам ученый подчеркивает, что «тест критического мышления можно отнести к тестам на индуктивное мышление» [2, с. 168], тестам, изучающим критическое мышление как метапредметную компетенцию. Как отмечает сам А. А. Вихман, «метапредметность задания сохраняется благодаря стратегии не использовать в задании терминов или фактов, требующих предметных знаний» [2, с. 169].

Тест критического мышления Л. Старки ориентирован на выявление сформированности конкретных мыслительных умений (поиск информационных ресурсов, оценивание фактов, постановка целей, способность к мозговому штурму), базирующихся на мыслительной операции «анализ» и логике.

Тест Ю. Ф. Гущина направлен на изучение более общих мыслительных операций: умение делать логические умозаключения, умение анализировать, оценивать последовательность умозаключений, но в нем присутствует и несколько специфических заданий, например, умение обосновывать свой ответ. Как пишет сам автор теста, «критическое мышление — это мышление оценочное, рефлексивное, аргументированное и логичное, мышление, которое базируется на личном опыте и проверенных фактах», т. е. базирующееся на рефлексии [7]. Включением заданий, базирующихся на рефлексии, тест критического мышления Ю. Ф. Гущина отличается от иных методик диагностики критического мышления.

Мы можем говорить о том, что представленные позиции авторов имеют особенности в обозначении содержания понятия критического мышления.

Для оценки конвергентной валидности тестов исследование проводилось на базе учреждения образования «Барановичский государственный университет». Выборку исследования составили 123 студента I курса факультета педагогики и психологии и лингвистического факультета.

Для оценки конвергентной валидности тестов осуществлялось вычисление непараметрического коэффициента корреляции Спирмена между показателями данных тестов.

Проанализируем корреляцию показателей по тестам «Критическое мышление» А. А. Вихмана и Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко (таблица 1).

Шкала «Обнаружение фактов, аргументов, гипотез и опровержений» предполагает умение выявлять в тексте важные компоненты рассуждения: факты (утверждения о том, что происходит в действительности), аргументы (доводы, приводимые в доказательство чего-либо), гипотезы (предположения) и опровержения (доводы, приводимые для обоснования ложности какого-либо мнения). Данная шкала связана с фокусированным вниманием, умением находить соответствующую информацию, умением распознавать проблему, отделять главную информацию от второстепенной. Данные шкалы связаны с мыслительной операцией «анализ».

Т а б л и ц а 1. — Результаты оценки конвергентной валидности тестов «Критическое мышление» А. А. Вихмана и Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко

Шкалы теста «Критическое мышление» Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко	Шкалы теста «Критическое мышление» А. А. Вихмана			
	Обнаружение фактов, аргументов, гипотез и опровержений	Анализ и критика аргументов	Оценка противоречий и альтернатив	Формулировка вывода
Умение фокусировать наблюдение	$R = 0,27;$ $p = 0,001$	—	—	—
Умение находить соответствующую информацию	$R = 0,32;$ $p = 0,001$	—	—	$R = 0,22;$ $p = 0,01$
Умение отличать объяснения от аргументов	$R = 0,26;$ $p = 0,001$	$R = 0,27;$ $p = 0,001$	—	$R = 0,29;$ $p = 0,001$
Умение распознавать истинную проблему	$R = 0,22;$ $p = 0,01$	—	—	$R = 0,23;$ $p = 0,001$
Оценивание фактов	$R = 0,26;$ $p = 0,001$	—	—	$R = 0,22;$ $p = 0,01$
Идентификация злоупотребления индукцией	—	$R = 0,22;$ $p = 0,01$	—	—
Проверка своих эмоций при принятии решений	—	—	—	$R = 0,22;$ $p = 0,01$
Идентификация злоупотребления дедукцией	—	—	—	$R = 0,19;$ $p = 0,04$

Шкала «Анализ и критика аргументов» основана на таких мыслительных операциях, как анализ, синтез, сравнение и обобщение, что находит подтверждение в корреляции с показателями по шкале «Идентификация злоупотребления индукцией», которая требует в большей степени задействования операции обобщения.

Для формулирования грамотного и точного вывода человек использует такие операции мышления, как анализ, синтез, обобщение и сравнение. При проведении статической обработки данных мы обнаружили, что шкала «Формулировка вывода» связана с умениями отделять главную информацию от второстепенной, отличать объяснение от аргумента, производить оценку фактов. Данные шкалы основаны на вышеперечисленных мыслительных операциях.

Таким образом, подтверждена конвергентная валидность тестов «Критическое мышление» А. А. Вихмана и Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко. Установлено, что умение обнаруживать факты, аргументы, гипотезы и опровержения связано с умением фокусировать наблюдение, находить соответствующую информацию, отличать объяснения от аргументов, оценивать факты и распознавать истинную проблему. Анализ и критика аргументов связана с умением отличать объяснение от аргументов, т. е. умение отличать проверенную информацию от непроверенной, а также умением распознавать чрезмерное использование индуктивного мышления. Для формулировки вывода необходимыми являются следующие умения: находить соответствующую информацию, отличать объяснения от аргументов, распознавать истинную проблему, оценивать факты, проверять свои эмоции при принятии решений, идентифицировать злоупотребление дедукцией.

Результаты корреляции показателей по тестам «Критическое мышление» А. А. Вихмана и Ю. В. Гуцина представлены в таблице 2.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что умение анализировать и критиковать аргументы связано с умением осуществлять отбор главной информации на фоне избыточной информации. Шкала «Оценка противоречий и альтернатив» измеряет умение генерировать альтернативные варианты решения проблемы, формулировать предположения в ответ на вопрос, вычленять лежащие в основе суждения противоречия и парадоксы. Данное умение коррелирует с умением находить логические ошибки в предположениях. Умение форму-

лизовать выводы связано с умением оценивать скрытые цели. Данные умения требуют применения таких операций мышления, как анализ, синтез, обобщение и сравнение. Значит, конвергентная валидность тестов «Критическое мышление» Ю. В. Гущина и А. А. Вихмана подтверждена.

Рассмотрим результаты корреляции показателей по тестам «Критическое мышление» Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко, Ю. В. Гущина (таблица 3).

Т а б л и ц а 2. — Результаты оценки конвергентной валидности тестов «Критическое мышление» А. А. Вихмана и Ю. В. Гущина

Шкалы теста «Критическое мышление» Ю. В. Гущина	Шкалы теста «Критическое мышление» А. А. Вихмана			
	Обнаружение фактов, аргументов, гипотез и опровержений	Анализ и критика аргументов	Оценка противоречий и альтернатив	Формулировка вывода
Отсевание избыточной информации	—	$R = 0,19;$ $p = 0,03$	—	—
Логические ошибки	—	—	$R = 0,19;$ $p = 0,03$	—
Оценивание скрытых целей	—	—	—	$R = 0,24;$ $p = 0,001$

Т а б л и ц а 3. — Результаты оценки конвергентной валидности тестов «Критическое мышление» Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко, Ю. В. Гущина

Шкалы теста «Критическое мышление» Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко	Шкалы теста «Критическое мышление» Ю. В. Гущина				
	Оценивание альтернатив	Отсевание избыточной информации	Различение объяснения от аргументов	Нахождение манипулирования	Оценивание скрытых целей
Фокусирование наблюдения	$R = 0,19;$ $p = 0,03$	$R = 0,28;$ $p = 0,001$	—	—	—
Идентификация техники убеждения	—	—	$R = 0,2;$ $p = 0,02$	—	—
Идентификация техники отвлечения внимания	—	—	—	$R = 0,28;$ $p = 0,001$	—
Идентификация злоупотребления дедукцией	$R = 0,22;$ $p = 0,01$	—	—	—	—
Распознавание истинных проблем	—	$R = 0,21;$ $p = 0,02$	—	$R = 0,19;$ $p = 0,03$	—
Определение актуальной проблемы	—	—	—	—	$R = 0,18;$ $p = 0,04$

Умение фокусировать наблюдение основано на таком психическом процессе, как внимание. С точки зрения Л. Старки, именно включенное наблюдение позволяет человеку принимать правильные решения или эффективно решать проблемы. Этим объясняется взаимосвязь шкалы, измеряющей данное умение, с такими шкалами, как «Оценивание альтернатив» и «Отсеивание избыточной информации», так как включенное наблюдение должно присутствовать при реализации всех операций мышления. Однако остается открытым вопрос об отсутствии взаимосвязи шкалы «Умение фокусировать наблюдение» с другими шкалами теста Ю. В. Гущина.

Умения идентифицировать техники убеждения и техники отвлечения внимания основаны на использовании различных мыслительных операций, таких как анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение и классификация. Аналогичные мыслительные операции лежат в основе умения отличать аргументированные высказывания от ложных, а также находить манипулирование в высказываниях другого человека.

Распознавание истинных проблем возможно только путем отсеивания избыточной информации, чем может объяснять взаимосвязь между шкалами, измеряющими данные умения. При определении актуальной проблемы человеку необходимо произвести оценку скрытых целей.

Отсеивание избыточной информации напрямую связано с фокусированием внимания и распознаванием истинных проблем. Нахождение манипулирования при получении информации происходит при распознавании техник отвлечения внимания и распознавании истинных проблем.

Значит, конвергентная валидность тестов «Критическое мышление» Ю. В. Гущина и Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко подтверждена.

Заключение. Тест «Критическое мышление» А. А. Вихмана позволяет оценить уровень развития четырех когнитивных навыков: обнаружение фактов, аргументов, гипотез и опровержений; анализ и критика аргументов; оценка противоречий и альтернатив; формулировка вывода. Тест «Критическое мышление» Ю. В. Гущина ориентирован на измерение таких умений, как анализ и оценка поступающей информации, умение выражать и обосновывать свою точку зрения, умение находить причинно-следственные связи, умение формулировать проблемы. Тест «Критическое мышление» Л. Старки в адаптации Е. Л. Луценко направлен на выявление следующих умений: находить подходящие информационные ресурсы; идентифицировать техники отвлечения внимания; формировать проблемные суждений; отличать объяснения от аргументов; ставить цели; распознавать истинную проблему; оценивать факты; понимать тексты. Каждый из данных тестов обладает содержательной валидностью, измеряя психологический феномен «критическое мышление».

Корреляции между показателями по шкалам тестов, предназначенных для диагностики умений критического мышления, свидетельствуют о слабых, но статистически достоверных взаимосвязях. Это объясняется тем, что каждый тест базируется на своем понимании составляющих критического мышления. Так, в тесте Л. Старки сделан акцент не только на умении находить и анализировать необходимую подходящую информацию, но и умении проверять эмоции при принятии решений, фокусировать наблюдение, ставить цели и определять актуальную проблему. Тест Ю. В. Гущина имеет шкалы, которые позволяют выявить уровень сформированности умения обнаруживать противоречия и находить логические ошибки в рассуждениях (рефлексивное умение); умение находить решения в неопределенных ситуациях, что отличает его от двух других тестов. Тест А. А. Вихмана оценивает сформированность умений, не представленных в других тестах: обнаружение фактов, анализ, формулирование вывода.

Значимые корреляции между шкалами тестов говорят о том, что тесты измеряют сходные психологические конструкторы, соответственно, обладают конвергентной валидностью.

Список цитируемых источников

1. Вранчан, Е. В. Курс «логика и критическое мышление» как инструмент формирования гибких навыков (softskills) у студентов вуза / Е. В. Вранчан // Проблемы современного образования. — 2023. — № 1. — С. 31—41.
2. Вихман, А. А. Тест «Критическое мышление подростка»: разработка и психометрическая оценка / А. А. Вихман // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». — 2024. — № 2. — С. 166—180.
3. Paul, R. W. Critical Thinking What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World / R. W. Paul. — Rohnert Park : Sonoma State Univ., 1990. — 575 с.
4. Халперн, Д. Психология критического мышления / Д. Халперн ; пер. с англ. — СПб. : Питер, 2000. — 512 с.
5. Обласова, А. В. Психодиагностика критического мышления как составляющей метакогнитивной регуляции / А. В. Обласова // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. — 2024. — Вып. 7. — С. 337—343.
6. Луценко, Е. Л. Адаптация теста критического мышления Л. Старки / Е. Л. Луценко // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія : Психологія. — 2014. — № 1110. — С. 65—70.
7. Гуцин, Ю. Ф. Опыт разработки теста оценки критического мышления школьников / Ю. Ф. Гуцин // Психология и методология образования. — URL: <https://psyhoinfo.ru/ocenka-kachestva-obrazovaniya/intellektualnoe-razvitiye-i-uroven-uchebnyh-dostizheniy-uchashchihsya/opit-razrabotki-testa-otsenikriticheskogo-mishleniya-shkolnikov> (дата обращения: 15.03.2025).
8. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2006. — 672 с.
9. Гессман, Х.-В. Валидность психологического теста / Х.-В. Гессман, Е. А. Шеренов // Современная зарубежная психология. — 2013. — № 4. — С. 20—31.

Поступила в редакцию 06.07.2025.

УДК 159.9.07

Е. И. Сапего, кандидат психологических наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007 Минск, Республика Беларусь, miltkom@yandex.by

ВЫДАЮЩЕМУСЯ УЧЕНОМУ ВИКТОРУ ПАВЛОВИЧУ ШЕЙНОВУ — 85 ЛЕТ!

Статья посвящена осмыслению творческого пути Виктора Павловича Шейнова — выдающегося ученого, профессора, доктора социологических наук, кандидата физико-математических наук, академика Международной академии информационных технологий, автора более 400 научных статей, 21 монографии и более 40 книг по практической психологии. Исследовательский интерес В. П. Шейнова в значительной степени сконцентрирован в области конфликтологии, психологии влияния, ассертивности, психологии манипулирования и защиты от манипулирования. Заслуживают внимания актуальные исследования цифровизации, выполненные в последние пять лет по инициативе В. П. Шейнова, под его руководством и при активном участии. Приведено интервью с В. П. Шейновым о жизненных принципах. Описаны научные исследования и разработки В. П. Шейнова в теории и практику психологических воздействий и конфликтологию.

Ключевые слова: В. П. Шейнов; методики исследования; конфликтология; психология влияния; социология.
Библиогр.: 27 назв.

E. I. Sapego, Ph. D. in Psychology, Associate Professor
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Str., 220007 Minsk, the Republic of Belarus, miltkom@yandex.by

OUTSTANDING SCIENTIST VIKTOR PAVLOVICH SHEINOV IS 85 YEARS OLD!

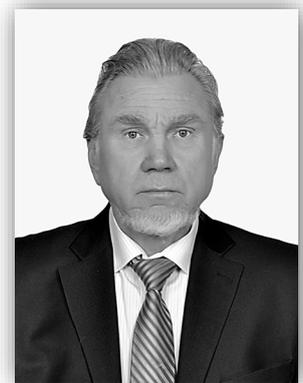
The article is devoted to understanding the creative path of Viktor Pavlovich Sheynov, an outstanding scientist, professor, doctor of sociological sciences, candidate of physical and mathematical sciences, academician of the International Academy of Information Technologies, author of more than 400 scientific articles, 21 monographs and more than 40 books on practical psychology. V. P. Sheynov's research interest is largely concentrated in the field of conflictology, psychology of influence, assertiveness, psychology of manipulation and protection from manipulation. Worthy of attention are the current studies of digitalization carried out in the last five years on the initiative of V. P. Sheynov, under his leadership and with his active participation. An interview with V. P. Sheynov about life principles is given. Scientific research and developments of V. P. Sheynov in the theory and practice of psychological influences and conflictology are described.

Key words: V. P. Sheynov; research methods; conflictology; psychology; sociology.
Ref.: 27 titles.

Введение. Виктор Павлович Шейнов родился в Ярославле 3 мая 1940 года. Его мать, Шейнова Клавдия Николаевна, была простой работницей на химическом производстве; отец после войны в семью не вернулся, обосновался в Москве.

Детство В. П. Шейнова было омрачено болезнями. В возрасте 23 лет Виктор Павлович получил диплом с отличием по специальности «учитель математики и черчения», в 28 лет защитил кандидатскую диссертацию по математике, в 30 лет стал заведующим кафедрой теории функций и деканом математического факультета Белорусского государственного университета. Позже вступает в брак с Людмилой Васильевной. Имеет двух дочерей, трех внуков и четырех правнуков.

О Викторе Павловиче Шейнове, его научных достижениях написано уже немало [1; 2]. Опираясь на эти публикации и работы самого В. П. Шейнова, попытаемся раскрыть новые факты его жизни и научного творчества. Попробуем разобраться в том, как стало возможным, что Виктор Павлович написал сотни научных и десятки научно-практических работ по психологии, как он находит новые идеи.

Материалы и методы исследования. В исследовании использованы следующие методы: изучение результатов деятельности, документов и научных трудов В. П. Шейнова; интервью; биографический метод. Основными источниками исследования явились жизнетворчество В. П. Шейнова, биографические факты и научные труды.

Результаты исследования и их обсуждение. Виктором Павловичем Шейновым получены фундаментальные научные результаты в конфликтологии, социологии, психологии.

Вклад В. П. Шейнова в психологическую науку. Увлечшись психологией, юбиляр достиг своего нынешнего научного уровня исключительно путем самообразования, называя себя «психологом-самоучкой». При этом следует отметить необыкновенную широту интересов и научную продуктивность Виктора Павловича. По его инициативе, под его руководством и активном личном участии проведены многочисленные масштабные исследования в самых разных областях психологии. Математическое образование профессора помогает вскрывать связи между явлениями и в математической обработке данных в проводимых им психологических и социологических исследованиях.

Учитывая личный опыт самообразования, В. П. Шейнов активно помогает самообразованию сотен тысяч читателей его научно-практических книг по психологии. В девяти издательствах России, Беларуси, Казахстана, Латвии, Германии вышло более 100 изданий 40 его книг по практической психологии общим тиражом более 950 000 экземпляров. Написанное Виктором Павловичем активно цитируется (индекс Хирша по публикациям его статей и монографий равен 36; в системе РИНЦ зафиксировано более 4 200 цитирований публикаций юбиляра).

Большое количество монографий и книг для широкой читательской аудитории, написанных В. П. Шейновым, являются результатом реализации им следующей концепции: каждый цикл исследований завершать обобщающей монографией и серией научно-практических книг, способствующих применению на практике полученных им результатов.

Значение монографий В. П. Шейнова для психологической науки и практики высоко оценено авторами статей к его предыдущему (80-летнему) юбилею [1; 2]. Сосредоточим внимание на введении профессором в психологическую науку новых понятий и концепций, обоснование которых содержится в данных монографиях.

Вклад В. П. Шейнова в конфликтологию. Особым способом содействия самообразованию людей стали тренинги по предотвращению и разрешению конфликтов в коллективах, проведенные юбиляром на более чем 300 предприятиях Беларуси, России, Латвии и ряда других стран, где знают русский язык.

Конфликтологи широко используют введенные Виктором Павловичем в научный оборот определения понятий «конфликтоген», «случайный конфликт», «неслучайный конфликт», его формулы случайных и неслучайных конфликтов, представленные им в докторской диссертации [3], монографии «Управление конфликтами» [4; 5] и в научно-практическом издании «Конфликты в нашей жизни и их разрешение» [6].

Неослабевающий со временем интерес к проведенному юбиляром фундаментальному исследованию конфликтов свидетельствует о глубине полученных им результатов.

Предложенные В. П. Шейновым формулы конфликтов действительно имеют большое теоретическое значение, так как позволяют вскрывать сущность конфликтов и подсказывают пути их разрешения, а также непреходящее практическое значение. В ряде своих книг для широкой аудитории юбиляр разобрал сотни конфликтов, показав, как по его формулам находятся первопричины конфликтов и способы их разрешения. Это было как в его первой книге — «Конфликты в нашей жизни и их разрешение» [6], вторая часть которой называется «200 конфликтов из нашей жизни», — и в более поздних («Поссорься со мной, если сможешь. Психология бесконфликтного общения») [7], так и в выпущенных в 2024 году издательством «Питер» (в серии «Лучшее») его новых книгах: «Как утрясти любой конфликт и обратить его себе на пользу» [8], «Ссоры. Секреты успешного разрешения конфликтов» [9], «Как управлять собой» [10].

Практическую полезность разработанной В. П. Шейновым технологии предотвращения и разрешения конфликтов оценили участники 300 тренингов, проведенных Виктором Павловичем на предприятиях различных отраслей. На его сайте www.sheinov.com приведены 60 крупнейших в своей отрасли предприятий Беларуси и России, управленческий персонал которых он обучал на своих тренингах. Юбиляр гордится тем, что не рекламировал свои тренинги, популярность была обусловлена реальной востребованностью среди специалистов по работе с персоналом и тех, кому он помог разрешить их конфликты.

Вклад В. П. Шейнова в теорию и практику психологических воздействий. В. П. Шейновым основательно изучено психологическое влияние, психология манипулирования, макиавеллизм личности, убеждающие воздействия, психология асертивности.

В монографии «Психологическое влияние» (2007) профессором разработана и верифицирована единая модель психологических воздействий: «Вовлечение в контакт» + «Фоновые факторы» + «Воздействие на мишени» + «Побуждение к активности» [11]. В нее, как показал Виктор Павлович, вписывается каждое из четырнадцати видов влияния, к числу которых относятся: агрессия, внушение, игнорирование, манипуляция, нейролингвистическое программирование, побуждение к подражанию, принуждение, просьба, психологическое заражение, самопродвижение, слухи, убеждение, формирование благосклонного отношения, скрытое управление. Первоначально «модель была создана для скрытого управления» [12, с. 126], но в дальнейшем она была распространена её автором на все другие названные выше виды влияния.

Новый вид психологического воздействия — «скрытое управление» — предложен В. П. Шейновым в монографии «Скрытое управление человеком» [12]. Монография выдержала 27 переизданий, в системе РИНЦ фиксируется 450 её цитирований, что свидетельствует о теоретической и практической значимости сделанного учёным открытия.

Практическим применениям техники скрытого управления посвящены такие книги В. П. Шейнова, как «Неотразимый комплимент. Безотказные приемы влияния» [13], «Тайны поведения человека. Трансактный анализ — просто, понятно, интересно» [14], «Сила влияния: воздействия явные и скрытые» [15], «Юмор как способ влияния» [16], «Психотехнологии влияния» [17].

Разработка В. П. Шейновым техники защиты от манипуляций. Особого внимания заслуживает вклад учёного в изучение актуальной в настоящее время проблемы манипулирования и защиты от манипуляций. Разработка Виктором Павловичем техники скрытого управления привела его к пониманию того, что манипулирование — это эгоистическая разновидность скрытого управления. Подчеркивая социальную опасность манипуляций, В. П. Шейнов раскрыл сущность и психологический механизм манипулирования, описав универсальную модель манипулятивного воздействия [18] и её применение в процессе манипулирования сознанием [19].

Для практического применения профессором разработана универсальная система защиты от манипулирования и тест [20; 21], позволяющий определить, насколько человек не защищен от манипулирования им. Включающая эти результаты книга «Манипулирование и защита от манипуляций» [20] выдержала 13 изданий.

Темы практических разработок В. П. Шейнова продиктованы запросами организаций и производств, потребностями конкретных людей и собственным жизненным опытом. Обнаружив новую эффективную психологическую идею, Виктор Павлович делится ею с широкой читательской аудиторией. Так, постоянно ощущая нехватку времени, разработал приемы тайм-менеджмента и описал в книге «Где найти недостающее время и новые идеи» [22]. Большую практическую значимость также имеют книги: «Как убедить, когда вас не слышат» [23], «Говорить “нет”, не испытывая чувства вины» [24], «Как утрясти любой конфликт и обратить его себе на пользу» (автобиографическая книга) [8], «Ссоры. Секреты успешного разрешения конфликтов» [9], «Как управлять собой» [10].

Последние пять лет Виктор Павлович интенсивно исследует актуальные проблемы цифровизации и психометрики. С применением авторских опросников [21; 25—27] выявлены личностные корреляты цифровых зависимостей (от смартфона, социальных сетей). В. П. Шейнов

показал возможность сокращения количества заданий в 11 наиболее часто используемых в настоящее время опросниках, доказав при этом валидность и надёжность предложенных им сокращенных версий этих опросников.

Здесь представлены только некоторые сведения о достижениях Виктора Павловича Шейнова, свидетельствующие о значительности его вклада в психологическую науку и характеризующие его как автора множества актуальных научных и научно-практических публикаций. Мы организовали с юбиляром онлайн-интервью о правилах жизни, навеянных его книгой-исследованием «Как управлять собой» [10].

Интервью с юбиляром о жизненных принципах

Е. И. Сапего: Виктор Павлович, Ваша творческая продуктивность просто поражает! Как Вам, нашему уважаемому юбиляру, удалось этого достичь?

В. П. Шейнов: Все дело в том, что я — трудоголик. Творческая работа — мое самое любимое занятие. С вечера мечтаю, как утром сяду за компьютер. Если нет задачи на утро, буду мучиться и думать вместо того, чтобы просто заснуть. А если долго мучиться, что-нибудь получится.

Е. И. Сапего: Но ведь вместо научных идей могут лезть в голову разные бытовые проблемы... И все равно столько книг написано, проведено масштабных исследований...

В. П. Шейнов: Раскрою секрет: я ведь больше ничего другого и не умею — то, в чем, возможно, и преуспел, это все, что я умею делать. Большое счастье (во всех отношениях), что мне бесконечно повезло с моей любимой супругой Людмилой Васильевной! Она создала идеальные условия для творческой работы. Так что, если у меня что-то получилось, то в этом ее самый весомый вклад!

Е. И. Сапего: Рада за Вас! На Вашем сайте www.sheinov.com прочла, что много болели в детстве...

В. П. Шейнов: Да, к сожалению, так и было. Практически не выходил из больниц, так что в 7 лет меня не взяли в школу, настолько был слаб. Была начальная стадия туберкулеза. Мама уехала со мной в деревню, чтобы лечить козьим молоком, поскольку шла война, лекарств не было. Болезнь удалось победить, но в легких осталось затемнение, из-за которого после каждой флюорографии терапевты рекомендуют мне показаться фтизиатру.

Е. И. Сапего: Но сейчас Вам — 85, и Вы не производите впечатление старого, 85-летнего человека — ни внешне, ни по вашей энергетике.

В. П. Шейнов: Спасибо, очень приятно это услышать!

Е. И. Сапего: Но как Вы пришли к такой форме вопреки серьезной болезни в детстве?

В. П. Шейнов: Наверное, как раз и благодаря такому болезненному детству. Боялся, что долго не проживу, поэтому старался вести здоровый образ жизни: избежал увлечения курением, спиртными напитками, старался не переедать и постоянно нагружал себя аэробными упражнениями. Сколько помню себя, каждое утро или вечер бегал трусцой, а последние 20 лет на смену этому пришла быстрая ходьба: ежедневно после ужина прохожу за час 5 километров. В любую погоду. Придерживаюсь этого еще и потому, что многие продуктивные идеи возникли именно во время этой ходьбы.

Е. И. Сапего: Если так, то, наверное, проблем с лишним весом не было у Вас никогда?

В. П. Шейнов: Отнюдь. В стрессовых ситуациях вес прибывал... Во время одного весьма длительного конфликта я набрал 20 лишних килограммов. Чтобы избавиться от них, изучил проблему и разработал собственные правила похудения. Действуя по ним, довольно быстро избавился от этих лишних «накоплений». А когда в этом «усеченном» виде появился по делам в издательстве «Амалфея», то его сотрудницы, видя результат, попросили поделиться, как этого достичь и им. Описал эту систему, принес «заказчицам», а они быстро напечатали ее в виде небольшой книжки «Как похудеть без мучений и расходов». Позднее я сделал ее отдельной главой в книге «Как управлять собой». Полгода назад вышло очередное издание этой книги.

Е. И. Сапего: Вы — доктор социологических наук, а исследования проводите психологические и книги Ваши — по психологии. Почему так?

В. П. Шейнов: Так получилось. В 1996 году вышла моя книга «Конфликты в нашей жизни и их разрешение». Академик Национальной академии наук Евгений Михайлович Бабосов увидел в ней все необходимое и достаточное для оформления докторской диссертации по конфликтологии. Огромная благодарность за это глубокоуважаемому Евгению Михайловичу! Так я стал доктором социологических наук. После этого защищать еще и докторскую по психологии стало ненужной тратой времени и нервов. Да и необходимости в этом не было — на защитах диссертаций выступаю оппонентом и по психологическим, и социологическим специальностям, являюсь членом редколлегий ряда психологических журналов.

Заключение. Виктор Павлович Шейнов известен в Беларуси, России и ближнем зарубежье как один из самых читаемых и цитируемых психологов. Его отличают жизнелюбие, энциклопедичность знаний и широта научных интересов, творческое мышление, целеустремленность и настойчивость в достижении поставленной цели, открытость и доброжелательность в общении.

Свой юбилей Виктор Павлович встречает на подъеме: проводит международные исследования, публикует отвечающие современным проблемам статьи и книги, выступает на конференциях, помогает молодым ученым, привлекает коллег к изучению наиболее актуальных научных проблем.

Деятельность В. П. Шейнова можно охарактеризовать как жизнеутверждающую, поддерживающую право человека на свободу от всевозможных зависимостей, на самоутверждение и саморазвитие.

Виктор Павлович состоялся и продолжает развиваться как автор уникальных работ и оригинальных идей. Он — «человек, сделавший себя сам» в психологической науке. И в настоящее время каждый день его жизни наполнен смыслом и творчеством.

Поздравляем уважаемого Виктора Павловича с замечательным юбилеем! Желаем ему новых творческих достижений, осуществления намеченных целей, душевного и физического благополучия!

Список цитируемых источников

1. Знаков, В. В. Выдающемуся ученому, психологу Виктору Павловичу Шейнову — 80 лет! (Мировая наука в лицах) / В. В. Знаков, Л. Г. Почебут, Г. В. Лосик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». — 2020. — № 2. — С. 348—356.
2. Известному ученому, психологу, автору книг Виктору Павловичу Шейнову — 80! // Российский психологический журнал. — 2020. — № 2. — С. 82—83.
3. Шейнов, В. П. Управление конфликтами в социальных группах и организациях : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / Шейнов Виктор Павлович ; НАН Беларуси, Ин-т социологии. — Минск, 2000. — 32 с.
4. Шейнов, В. П. Управление конфликтами / В. П. Шейнов. — 3-е изд. — СПб. : Питер, 2019. — 576 с.
5. Шейнов, В. П. Управление конфликтами / В. П. Шейнов. — 4-е изд. — М. : АСТ, 2024. — 640 с.
6. Шейнов, В. П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение / В. П. Шейнов. — Минск : Амалфея, 1996. — 288 с.
7. Шейнов, В. Поссорься со мной, если сможешь. Психология бесконфликтного общения / В. Шейнов. — СПб. : Питер, 2016. — 224 с.
8. Шейнов, В. Как утрясти любой конфликт и обратить его себе на пользу / В. Шейнов. — СПб. : Питер, 2024. — 256 с.
9. Шейнов, В. Ссоры. Секреты успешного разрешения конфликтов / В. Шейнов. — СПб. : Питер, 2024. — 256 с.
10. Шейнов, В. Как управлять собой / В. Шейнов. — СПб. : Питер, 2024. — 384 с.
11. Шейнов, В. П. Психологическое влияние / В. П. Шейнов. — 6-е изд. — М. : АСТ, 2013. — 800 с.
12. Шейнов, В. П. Скрытое управление человеком / В. П. Шейнов. — 27-е изд. — М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2011. — 816 с.
13. Шейнов, В. Неотразимый комплимент. Безотказные приемы влияния / В. Шейнов. — СПб. : Питер, 2016. — 240 с.
14. Шейнов, В. Тайны поведения человека. Транзактный анализ — просто, понятно, интересно / В. Шейнов. — М. : АСТ, 2017. — 264 с.
15. Шейнов, В. Сила влияния: воздействия явные и скрытые / В. Шейнов. — СПб. : Питер, 2018. — 272 с.
16. Шейнов, В. Юмор как способ влияния / В. Шейнов. — СПб. : Питер, 2016. — 208 с.
17. Шейнов, В. П. Психотехнологии влияния / В. П. Шейнов. — М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. — 448 с.
18. Шейнов, В. П. Психология манипулирования / В. П. Шейнов. — 4-е изд. — М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2011. — 704 с.
19. Шейнов, В. П. Манипулирование сознанием / В. П. Шейнов. — Минск : Харвест, 2010. — 768 с.
20. Шейнов, В. П. Манипулирование и защита от манипуляций / В. П. Шейнов. — 17-е изд. — СПб. : Питер, 2014. — 304 с.
21. Шейнов, В. П. Разработка опросника для оценки степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий / В. П. Шейнов // Вопросы психологии. — 2012. — № 4. — С. 147—153.
22. Шейнов, В. Где найти недостающее время и нестандартные решения. Всё успеть и преуспеть / В. Шейнов. — СПб. : Питер, 2017. — 288 с.
23. Шейнов, В. Как убедить, когда вас не слышат / В. Шейнов. — СПб. : Питер, 2019. — 352 с.
24. Шейнов, В. Говорить «нет», не испытывая чувства вины / В. Шейнов. — СПб. : Питер, 2019. — 256 с.
25. Шейнов, В. П. Разработка теста ассертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности / В. П. Шейнов // Вопросы психологии. — 2014. — № 2. — С. 107—116.
26. Шейнов, В. П. Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона» / В. П. Шейнов // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. — 2021. — № 6 (1). — С. 97—115.
27. Шейнов, В. П. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей / В. П. Шейнов, А. С. Девицын // Системная психология и социология. — 2021. — № 2. — С. 41—55.

Сылу Чжао¹, И. А. Фурманов², доктор психологических наук, профессор
Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4, 220030 Минск, Республика Беларусь,
¹+375 (33) 615 59 26, siluzhao417@gmail.com, ²+375 (17) 259 70 49, fourmigor@gmail.com

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ТАКТИКАХ РАЗРЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОГО КОНФЛИКТА В КИТАЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СЕМЬЯХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА РОДИТЕЛЯ

Целью исследования было определение национальных особенностей и кросс-культурных различий в использовании тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях. В статье обсуждаются половозрастные различия в представлениях студентов о тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в зависимости от пола родителя. По сравнению с белорусскими отцами белорусские матери прибегают к более разнообразным тактикам разрешения родительско-детского конфликта, в частности, насильственным тактикам разрешения родительско-детского конфликта с детьми, находящимися в возрастном периоде ранней взрослости. Независимо от пола и возраста ребенка, китайские отцы прибегают к насильственным тактикам, а белорусские отцы — к более мягким. В белорусских семьях изменение тактик разрешения родительско-детского конфликта происходит более гуманно, чем в китайских.

Ключевые слова: представления о тактиках разрешения родительско-детского конфликта; дисциплинирование; психологическая агрессия; телесные наказания; физическая жестокость; проявление жестокости; половозрастные различия.

Рис. 8. Библиогр.: 29 назв.

Silu Zhao¹, I. A. Fourmanov², Doctor of Psychological Sciences, Professor
Belarus State University, 4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, the Republic of Belarus,
¹+375 (33) 615 59 26, siluzhao417@gmail.com, ²+375 (17) 259 70 49, fourmigor@gmail.com

GENDER AND AGE DIFFERENCES IN PERCEPTIONS OF PARENT-CHILD CONFLICT RESOLUTION TACTICS IN CHINESE AND BELARUSIAN FAMILIES DEPENDING ON THE GENDER OF THE PARENT

The aim of the study was to determine national characteristics and cross-cultural differences in the use of parent-child conflict resolution tactics in Chinese and Belarusian families. The article discusses age and gender differences in students' ideas about parent-child conflict resolution tactics in Chinese and Belarusian families depending on the parent's gender. Compared to Belarusian fathers, Belarusian mothers resort to more diverse tactics for resolving parent-child conflict. Belarusian mothers choose to use violent tactics for resolving parent-child conflict with children in the early adulthood period. Regardless of the child's gender and age, Chinese fathers resort to violent tactics, and Belarusian fathers — to softer ones. In Belarusian families, the change in tactics for resolving parent-child conflict occurs more humanely than in Chinese families.

Key words: parent-child conflict resolution tactics; disciplining; psychological aggression; corporal punishment; physical abuse; display of cruelty; gender and age differences.

Fig. 8. Ref.: 29 titles.

Введение. В семье индивид развивается физически и психологически с опорой на социальные и экономические ресурсы, предоставляемые в первую очередь родителями. С помощью поддержки родителей ребенок получает образование, приобретает опыт, расширяет увлечения и интересы. С ростом социальной активности ребенка семейное окружение становится недостаточным для взросления и развития. Закономерно, что у него происходят множественные изменения, в частности в социальном взаимодействии. Трансформируются и взаимоотношения с родителями: от подчинения родительскому авторитету и восхищения родителями в детстве до постепенной независимости и критичности восприятия детско-родительских отношений в подростковом возрасте. Отношения между родителями и детьми переживают переход от односторонней власти, в которой родитель занимает доминирующее положение,

к двусторонней власти, в которой родитель и ребенок находятся на относительно равных позициях [1]. К моменту ранней взрослости ребенок созревает физически, но не всегда психологически, часто не живет отдельно от семьи, и его связь с семьей остается сильной [2]. Эти изменения приводят к возникновению различных конфликтов и противоречий в семье, в результате чего возможно агрессивное поведение или некоторые психологические проблемы у ребенка, которые становятся объектом профессиональной помощи психологов. В связи с этим изучение родительско-детского конфликта и тактик его разрешения продолжает оставаться актуальным.

В. Susan [3] отмечает, что по мере взросления детей родители и их дети должны перестраивать свое взаимодействие по принципу партнерства. Однако неспособность обоих родителей или ребенка адаптироваться к такому изменению отношений может привести к конфликту. Эти конфликты могут также выступать способом согласования изменений в отношениях. Краткосрочные дихотомические процессы, происходящие во время конфликтных взаимодействий, важны для развития отношений между родителем и ребенком. Родительско-детский конфликт рассматривается как одно из наиболее распространенных явлений в семьях. В. Хэ [1] в своей концепции родительско-детского конфликта опирается на идею о том, что родительско-детский конфликт в основном определяется несоответствием личных позиций и поведения родителей и детей из-за причин трех типов: 1) психологические (концептуальное или эмоциональное противостояние); 2) вербальные (ссоры); 3) поведенческие (физическая агрессия, уход в себя или бегство). Родительско-детский конфликт имеет не только негативный оттенок, но и чаще всего рассматривается как способ изменить сложившиеся отношения между родителями и детьми.

Исследования родительско-детского конфликта американскими и европейскими психологами [4—6] побудили китайских психологов к проведению собственных исследований в данном направлении. Китайские психологи обнаружили, что существуют значительные культурные различия между американскими, европейскими и китайскими стилями воспитания [7—9]. Они отмечают, что под влиянием той или иной социокультурной системы, ее воспитательных идей и ценностей воспитания в семье взаимоотношения «отцов и детей» отличаются культурным контекстом и передаются из поколения в поколение. В частности, в Китае, который до сих пор придерживается конфуцианского принципа уважения к авторитетам, стиль семейного воспитания в значительной степени характеризуется конфуцианской традицией:

1. С точки зрения семейных ролей ребенок играет подчиненную роль. В конфуцианской традиции считается, что дети должны отплачивать родителям за их благосклонность, принимать сыновнюю почтительность и подчиняться родителям. Это значит, что чем больше ребенок демонстрирует сыновнюю почтительность, тем меньше вероятность возникновения конфликта. В отличие от других культур, в Китае семья основана на конфуцианском принципе почтения к авторитету и следования иерархии [10].

2. В ролевой структуре семьи родители занимают авторитетное и доминирующее положение. В китайском культурном контексте родители играют важную роль в определении того, возникнет ли родительско-детский конфликт, поскольку они превосходят ребенка как физически, так и психологически. Такая ситуация сохраняется до тех пор, пока ребенок не достигнет взрослого возраста [10]. Поэтому считается, что ребенок обязан избегать конфликта, независимо от поведения родителя. Даже если поведение родителя неуместно или аморально, ребенок не должен идти против его желания. Единственная приемлемая реакция ребенка — это терпение. В. Хэ и Г. Сон [11] отмечают, что выбор тактики разрешения конфликта меняется с течением времени. В подростковом возрасте выбор тактики разрешения конфликта с подростками у отцов и матерей различен: отцы оказывают давление на своих детей, заставляя их демонстрировать компромиссное поведение, в то время как у детей больше возможностей договориться с матерями.

3. В отличие от западных семейных ценностей, конфуцианство ставит коллективный интерес выше индивидуального и делает акцент на коллективизме. По этой причине китайские родители часто дают запретительные приказы своим детям, а также с детства приучают их

к самодисциплине и подчинению нуждам и требованиям коллективного интереса для достижения гармоничных взаимоотношений [12].

В разных культурных контекстах причины родительско-детского конфликта, его уровень и частота значительно отличаются, поэтому и тактики разрешения родительско-детского конфликта также различны.

Л. Линь [13] отмечает, что уровень конфликта между матерями и их детьми был выше, чем у отцов. Предпочитали прибегать к стратегическим переговорам, т. е. решать проблемы бесконфликтно, 51,4 % отцов и 46,7 % матерей. Кроме того, при выборе стратегий отцы чаще предпочитали стратегическое избегание, а также стратегическое вмешательство третьей стороны. Матери же в свою очередь склоняются к тактическому компромиссу, независимо от пола ребенка.

Аналогичные результаты получены в работе Е. Лян [14], где матери более гибкие в выборе стратегий разрешения конфликтов с детьми, чем отцы. Однако результаты были несколько иными: 89,6 % отцов и 88,8 % матерей применяли телесные наказания к детям в возрасте 3—6 лет. Относительно использования агрессивных форм дисциплинирования (психологическая агрессия, телесные наказания и физическое насилие) было установлено, что к ним прибегают 67,7 % отцов и 40,2 % матерей. В отличие от китайских матерей, китайские отцы чаще используют жестокие и грубые методы для наказания детей, нарушающих нормы поведения. Возможно, это объясняется тем, что в традиционной китайской культуре отцу необходимо обладать авторитетом. Поэтому жесткая дисциплина является наиболее эффективным способом удержать детей от нарушений дисциплины. В то же время в традиционной китайской культуре мать воспринимается как уступающая и прощающая персона. Чтобы соответствовать социальным и культурным ролевым ожиданиям, многие матери предпочитают использовать ненасильственные методы в конфликтах. Х. Цзя [15] не обнаруживает гендерных различий в ответах студентов мужского и женского полов о частоте применения телесных наказаний со стороны их матерей.

В настоящее время большинство китайских исследований, посвященных зависимости тактики разрешения родительско-детского конфликта от пола родителей, ограничиваются периодом детства, в то время как большинство исследований, посвященных подростковому возрасту и возрастному периоду ранней взрослости, склоняются к зависимости тактики разрешения родительско-детского конфликта от пола ребенка.

Многочисленные западные исследования приводят противоречивые результаты.

И. А. Фурманов [16] утверждает, что стили воспитания различаются в зависимости от пола ребенка, но в целом существует два типа воспитательных тактик матерей: 1) тактика мягкого решения, основанная на дисциплинировании и психологической агрессии; 2) тактика насильственного решения, основанная на использовании наказаний, например телесных. Однако эти две тактики являются взаимоисключающими. Чем больше ребенок меняет свое поведение в соответствии с первой тактикой, тем меньше вероятность применения второй тактики. В отличие от матери, отец выбирает более разнообразные и агрессивные тактики решения родительско-детского конфликта.

С другой стороны, М. А. Straus [17] приходит к выводу, что матери больше склонны к использованию телесных наказаний, чем отцы. R. D. Day с коллегами [18] также считают, что матери в целом чаще прибегают к телесным наказаниям, чем отцы.

Однако в этой области исследований существуют разночтения, например, К. А. Magnuson и J. Waldfogel [19] утверждают, что не существует статистически значимых различий в частоте и тяжести телесных наказаний, применяемых родителями, и что статистическая разница часто объясняется игнорированием фактора количества времени, которое родители проводят со своими детьми. Поскольку большинство матерей проводят со своими детьми значительно больше времени, чем отцы, то вполне закономерно, что они и применяют чаще телесные наказания к своим детям, чем отцы.

В литературе существуют лишь единичные данные о кросс-культурных различиях в тактике разрешения родительско-детского конфликта, особенно между китайскими и белорусскими семьями. В частности, в исследованиях было отмечено, что китайские родители были

более агрессивными, в отличие от белорусских родителей. В белорусских семьях отмечается более позитивный баланс ненасильственных и насильственных методов дисциплинирования детей [20—22].

В проведенном исследовании были получены более подробные данные о различиях в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в зависимости от пола родителей.

Материалы и методы исследования. В исследовании использована методика «Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте» (СТСПС), разработанная М. А. Строссом [23], адаптированная И. А. Фурмановым для русскоязычной выборки [24] и К. Л. Чан [25] для китайскоязычной выборки. Это методика состоит из 22 утверждений, каждое из которых оценивалось по шкале Ликерта (1 — никогда, 2 — почти никогда, 3 — иногда, 4 — почти всегда, 5 — всегда). Методика позволяет классифицировать тактики разрешения конфликта родителей с детьми (как матерью, так и отцом) по следующим подшкалам: 1. Дисциплинирование (Д). 2. Психологическая агрессия (ПА). 3. Физическая агрессия (телесные наказания (ТН), проявление жестокости (ПЖ) и физическая жестокость (ФЖ)).

С помощью данной методики оценивались два возрастных периода — детство и ранняя взрослость.

В связи с этим для опроса каждого респондента использовались две формы опросника. Форма А (ретроспективная) имела следующую инструкцию: «Дети часто делают вещи, которые раздражают и злят родителей: не слушаются, дерутся, что-то ломают и портят, сквернословят и пр. Ниже приведены те или иные действия родителей в этой ситуации. Ответьте, пожалуйста, что делали Ваши родители, как они реагировали, когда в детстве Вы так вели себя».

В форме Б использовалась другая инструкция: «Дети часто делают вещи, которые раздражают и злят родителей: не слушаются, дерутся, что-то ломают и портят, сквернословят и пр. Ниже приведены те или иные действия родителей в этой ситуации. Ответьте, пожалуйста, что делали Ваши родители, как они реагировали, когда Вы так вели себя в последний год».

Таким образом, возрастная динамика использования тактик разрешения родительско-детского конфликта фиксировалась в результате сравнения мер дисциплинирования ребенка в детстве и в период ранней взрослости как со стороны отца, так и со стороны матери.

Выборку составили 307 китайских и белорусских студентов в возрасте 19—29 лет (китайские студенты: 80 мужчин и 75 женщин; белорусские студенты: 72 мужчины и 80 женщин).

Статистическая обработка данных была проведена с помощью пакета прикладных данных SPSS (версия 13.0).

Результаты исследования и их обсуждение. Общий анализ результатов исследования показывает, что существуют половые и возрастные различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в зависимости от пола родителя. Рассмотрим национальные особенности тактик разрешения родительско-детского конфликта.

Китайские семьи. Детство. Было обнаружено, что китайские матери, в отличие от китайских отцов, чаще прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -4,28$; $p < 0,001$), тактике психологической агрессии ($t = -2,26$; $p = 0,026$) и тактике телесных наказаний ($t = -3,60$; $p < 0,001$) (рисунок 1). В других тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях в этот период различий не обнаружено. Полученные данные означают, что китайские матери более склонны к вариативному использованию как ненасильственных, так и насильственных тактик воспитания своих детей, вероятно, в зависимости от ситуации.

Ранняя взрослость. Было обнаружено, что китайские матери чаще прибегают к тактике дисциплинирования при разрешении родительско-детского конфликта по сравнению с китайскими отцами ($t = -2,06$; $p = 0,042$) (рисунок 2).

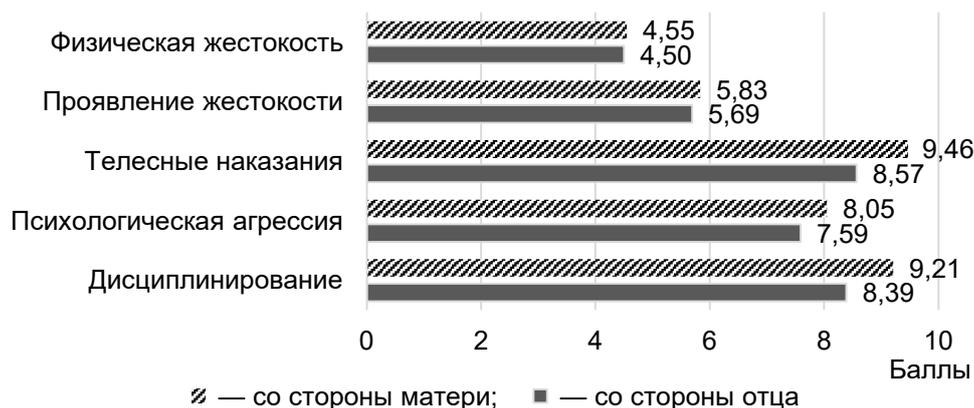

Рисунок 1. — Тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях с детьми в период детства

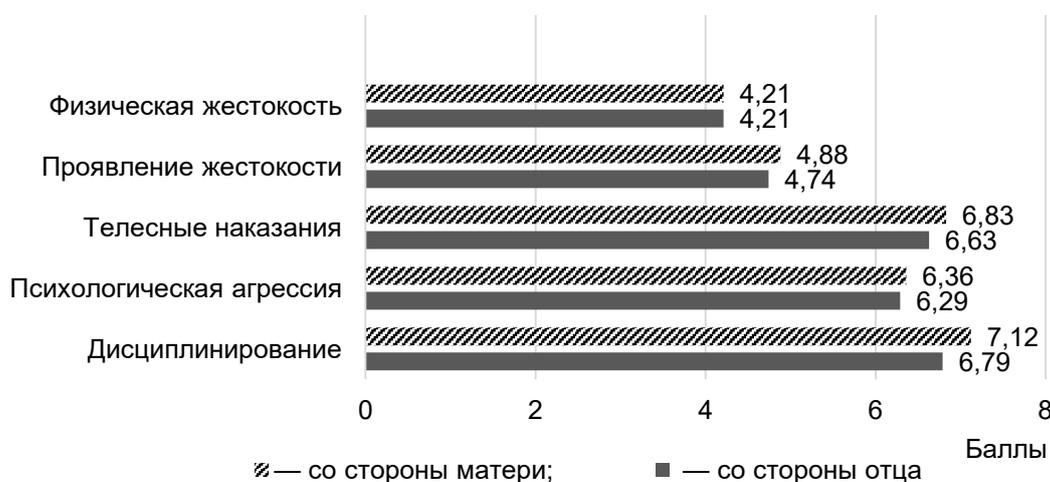

Рисунок 2. — Тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях с детьми, находящимися в периоде ранней взрослости

Таким образом, независимо от возраста ребенка, китайские матери чаще, чем китайские отцы, используют ненасильственную тактику дисциплинирования для разрешения родительско-детского конфликта. Возможные причины этого заключаются в том, что матери вкладывают много ресурсов и заботы в процесс развития детей и, следуя китайским традициям воспитания детей, стремятся к тому, чтобы их дети соответствовали стандартам успеха, лучше адаптировались к жизни в обществе, имели в будущем хорошее образование или заработную плату [26]. С возрастом их взаимодействие с ребенком становится более ненасильственным ввиду того, что взрослеющий ребенок, возможно, меньше нарушает дисциплину в результате семейной социализации и чаще отвечает ожиданиям матери. В период ранней взрослости детей китайские матери сохраняют тактику дисциплинирования. Это может быть связано с тем, что дети становятся более отделенными от своих семей и проводят меньше времени с матерями, поэтому конфликты происходят реже. У матерей появляется больше возможностей для обсуждения тактики разрешения конфликта с детьми [27].

Результаты исследования согласуются с выводами В. Хэ и Г. Сон [11], которые отмечают, что в китайских семьях у детей больше возможностей договориться с матерью, чем отцом. Как в детстве, так и в период ранней взрослости ребенка матери более склонны прибегать к мягким, комплексным тактикам разрешения конфликта.

Белорусские семьи. Детство. Было обнаружено, что белорусские матери, в отличие от белорусских отцов, чаще прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -8,72$; $p < 0,001$), психологической агрессии ($t = -3,41$; $p = 0,001$) и тактике физической жестокости ($t = -2,18$; $p = 0,036$) (рисунок 3).

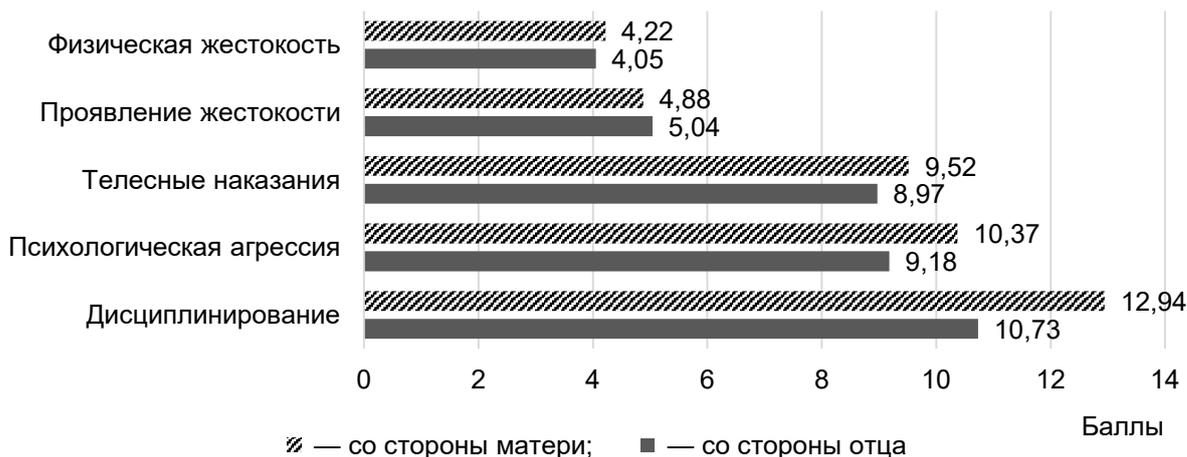

Рисунок 3. — Тактики разрешения родительско-детского конфликта в белорусских семьях в период детства

Ранняя взрослость. Было установлено, что белорусские матери по сравнению с белорусскими отцами чаще прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -5,45$; $p < 0,001$), психологической агрессии ($t = -3,55$; $p = 0,001$), телесных наказаний ($t = -4,20$; $p < 0,001$), проявления жестокости ($t = -3,26$; $p < 0,001$) и тактике физической жестокости ($t = -2,48$; $p = 0,014$) (рисунок 4).

Традиционные белорусские семейные ценности предполагают следование патриархальному образу жизни, при котором одной из основных обязанностей матери в семье считается воспитание детей [28]. Предполагается, что под влиянием традиционных семейных ценностей белорусские матери больше времени проводят с детьми, что вызывает большую частоту и степень конфликтности. Белорусские матери прибегают к более разнообразным тактикам в разрешении родительско-детского конфликта. Однако по результатам исследования И. А. Фурманова [16] ясно, что белорусские матери чаще используют агрессивные тактики разрешения конфликта с детьми, находящимися в возрастном периоде ранней взрослости. Вероятной причиной этого является увеличение отрыва ребенка от семьи, что вызывает большую тревогу и обеспокоенность матерей, а также необходимость как матери, так и ребенка адаптироваться к изменениям в родительско-детских отношениях.

Рассмотрим кросс-культурные различия тактик разрешения детско-родительского конфликта.

Отец. Детство. Установлено, что китайские отцы при разрешении родительско-детского конфликта чаще, чем белорусские отцы, прибегают к тактике проявления жестокости ($t = 2,44$; $p = 0,015$) и тактике физической жестокости ($t = 3,28$; $p = 0,001$), в то время как белорусские отцы чаще прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -6,56$; $p < 0,001$) и тактике психологической агрессии ($t = -4,14$; $p < 0,001$) (рисунок 5).

Ранняя взрослость. Доказано, что китайские отцы при разрешении родительско-детского конфликта чаще прибегают к тактике телесных наказаний ($t = 6,26$; $p < 0,001$), проявления жестокости ($t = 6,18$; $p < 0,001$) и тактике физической жестокости ($t = 3,66$; $p < 0,001$), чем белорусские отцы. При этом белорусские отцы прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -3,96$; $p < 0,001$) (рисунок 6).

Таким образом, вне зависимости от возраста ребенка китайские отцы отдают предпочтение жестким насильственным тактикам разрешения родительско-детского конфликта, а белорусские отцы — более мягким тактикам без использования физического принуждения.

Полученные данные согласуются с мнением Е. Лян [14]. Автор отмечает, что в контексте конфуцианской культуры насильственные тактики родительско-детского конфликта являются наиболее эффективным методом, направленным не только на то, чтобы дети не могли ослушаться приказа, но прежде всего на установление семейной иерархии и внедрение в сознание ребенка того, что отец занимает авторитетное положение.

Рисунок 4. — Тактики разрешения родительско-детского конфликта в белорусских семьях с детьми, находящимися в периоде ранней взрослости

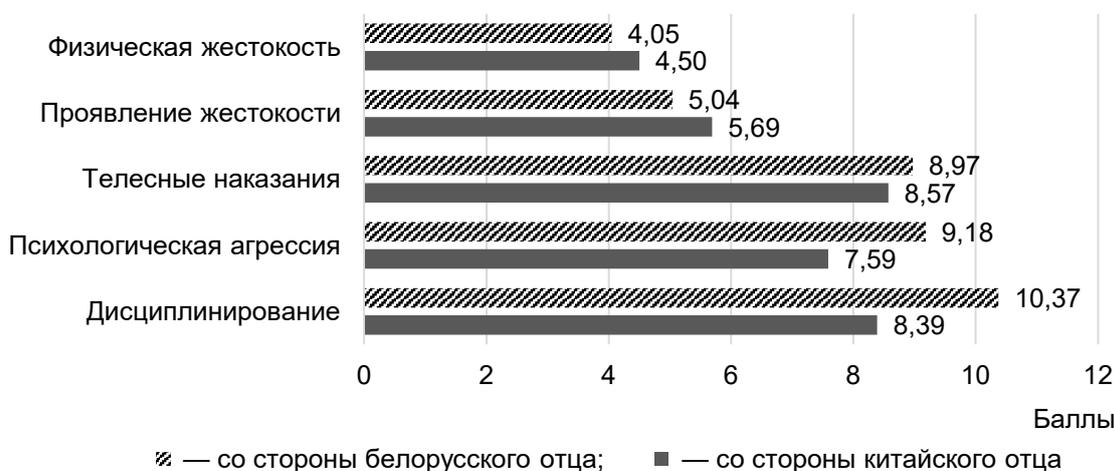

Рисунок 5. — Тактики разрешения отцом родительско-детского конфликта с детьми

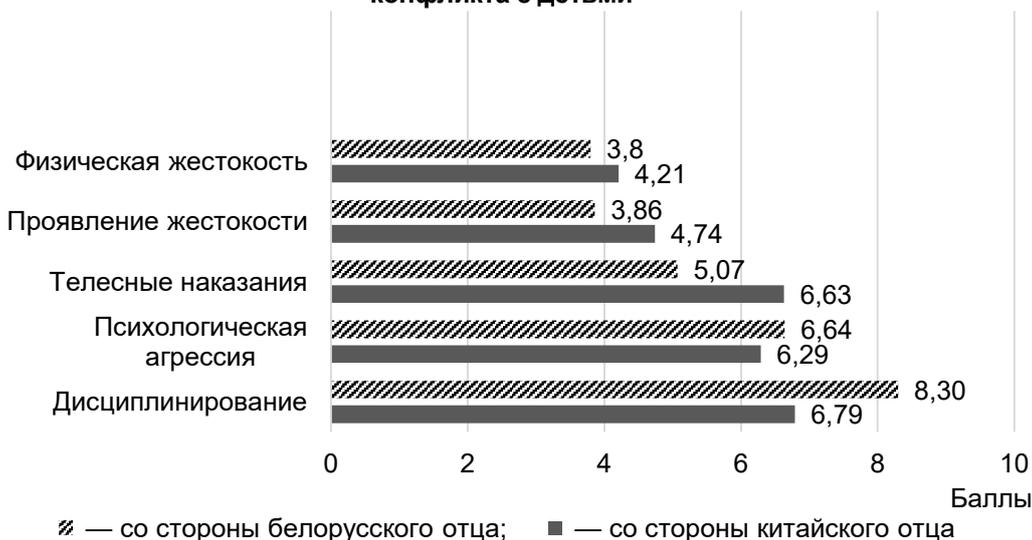

Рисунок 6. — Тактики разрешения отцом родительско-детского конфликта с детьми, находящимися в периоде ранней взрослости

Уклад же белорусской семьи, несмотря на свою патриархальность, представляет демократическую ее форму, которая предполагает меньшее вмешательство родителей в дела детей и допускает больше возможностей для уступок интересам и потребностям ребенка [21]. Вопреки мнению Л. Линь [13], китайские отцы более склонны к компромиссу со своими детьми, не используют насильственные тактики в условиях конфликта.

Мать. Детство. Обнаружено, что китайские матери чаще, чем белорусские, прибегают к тактике проявления жестокости ($t = 3,97; p < 0,001$) и тактике физической жестокости ($t = 2,68; p = 0,008$) при разрешении родительско-детского конфликта, в то время как белорусские матери чаще используют тактику дисциплинирования ($t = -11,46; p < 0,001$) и тактику психологической агрессии ($t = -4,14; p < 0,001$) (рисунок 7).

Ранняя взрослость. Установлено, что китайские матери чаще, чем белорусские, прибегают к тактике телесных наказаний ($t = 4,37; p < 0,001$), проявления жестокости ($t = 4,80; p < 0,001$) и тактике физической жестокости ($t = 2,63; p = 0,009$) при разрешении родительско-детского конфликта. При этом белорусские матери прибегают к тактике дисциплинирования ($t = -7,00; p < 0,001$) и тактике психологической агрессии ($t = -4,05; p < 0,001$) (рисунок 8).

Таким образом, вне зависимости от возраста ребенка китайские матери, как и отцы, отдадут предпочтение жестким насильственным тактикам разрешения родительско-детского конфликта, а белорусские матери — более мягким тактикам без использования физического принуждения и физического насилия.

Под влиянием коллективистской культуры [12] в Китае большинство матерей воспитывают своих детей более строго и ожидают от них определенных успехов, в то время как в белорусских семьях матери воспитывают детей более мягко [29]. В результате китайские матери прибегают к насильственным методам воспитания, а белорусские — к более щадящим.

По мере взросления детей как у китайских, так и у белорусских матерей сохраняется тенденция некоторого постоянства подходов к использованию тактик разрешения родительско-детского конфликта: китайские матери сохраняют выбор насильственных тактик, а белорусские матери — ненасильственных.

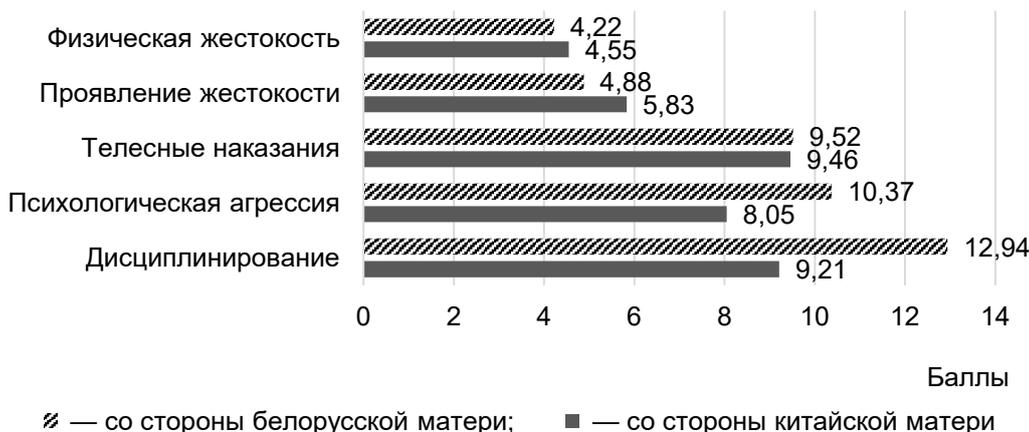

Рисунок 7. — Тактики разрешения матерью родительско-детского конфликта с детьми

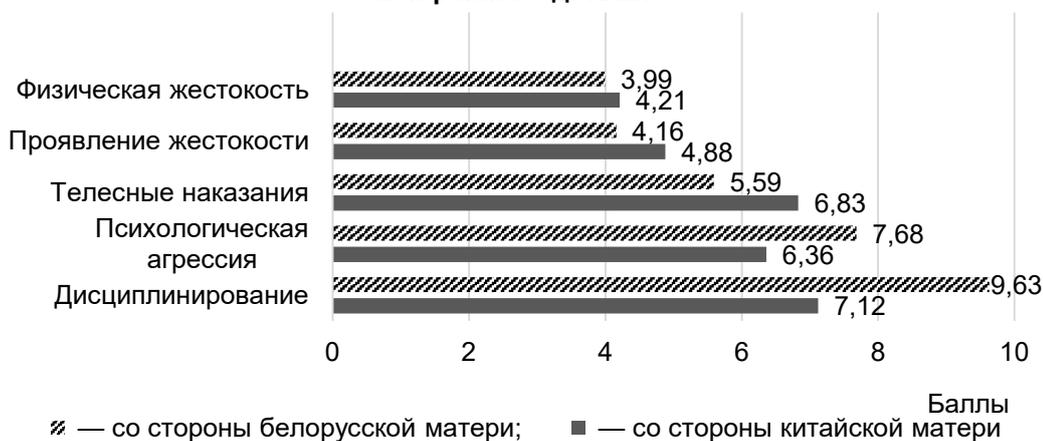

Рисунок 8. — Тактики разрешения матерью родительско-детского конфликта с детьми, находящимися в периоде ранней взрослости

Полученные данные отчасти подтверждаются целым рядом исследований. Так, согласно мнению И. А. Фурманова [16] и Ч. Ван [20—22], в белорусских семьях, независимо от пола ребенка, наиболее распространенными способами разрешения родительско-детских конфликтов являются дисциплинирование и психологическая агрессия со стороны матерей, которые чаще всего предоставляют детям возможности для самоисправления. В белорусских семьях, как и в китайских, мать доминирует.

Заключение. Проведенное исследование позволило сделать определенные выводы:

1. Независимо от возраста ребенка, китайские матери чаще, чем китайские отцы, используют для разрешения родительско-детского конфликта ненасильственную тактику дисциплинирования. По мере взросления детей склонность к использованию насильственных тактик разрешения родительско-детского конфликта снижается.

2. Независимо от возраста ребенка, белорусские матери чаще, чем белорусские отцы, используют для разрешения родительско-детского конфликта как ненасильственную тактику дисциплинирования, так и насильственные тактики психологической агрессии и физической жестокости.

3. Вне зависимости от возраста ребенка китайские отцы отдают предпочтение жестким насильственным тактикам разрешения родительско-детского конфликта, а белорусские отцы — более мягким тактикам без использования физического принуждения.

4. Вне зависимости от возраста ребенка китайские матери отдают предпочтение жестким насильственным тактикам разрешения родительско-детского конфликта, а белорусские матери — более мягким тактикам без использования физического принуждения и физического насилия.

Список цитируемых источников

1. 何文广. 青少年亲子冲突处理策略与其社会适应关系的研究: 硕士论文. 发展与教育心理学 / 何文广; 曲阜师范大学. — 曲阜, 2005. — P. 1—2. = Хэ Вэньгуан. Исследование взаимосвязи между стратегиями управления конфликтами между родителями и детьми подростков и их социальной адаптацией: магист. дис. Психология развития и образования / Хэ Вэньгуан; Цюйфус. пед. ун-т. — Цюйфу, 2005. — С. 1—2.
2. 陆蓉慧. 应用型本科高校大学生亲子冲突的特点及解决策略研究 / 陆蓉慧 // 大学教育. — 2020. — No. 10. — P. 151—154. = Лу Ронхуэй. Исследование характеристик и тактик разрешения родительско-детского конфликта среди студентов прикладного бакалавриата / Лу Ронхуэй // Университетское образование. — 2020. — No. 10. — С. 151—154.
3. Susan, B. Development of Parent—Adolescent Relationships: Conflict Interactions as a Mechanism of Change / B. Susan // Child Development Perspectives. — 2018. — Vol. 12, no. 3. — P. 171—176.
4. Osborne, L. N. Marital Conflict, Parent-Child Relationships, and Child Adjustment: Does Gender Matter? / L. N. Osborne, F. D. Fincham // Merrill-Palmer Quarterly. — 1996. — Vol. 42, no. 1. — P. 48—75.
5. Massimo, B. A survey on parent-child conflict resolution: intrafamily violence in Italy / B. Massimo, M. B. Silvana // Child Abuse and Neglect. — 2001. — Vol. 25, no. 6. — P. 839—853.
6. Barber, J. G. Predictors of Adolescent Adjustment: Parent-Peer Relationships and Parent-Child Conflict / J. G. Barber, P. Delfabbro // Child and Adolescent Social Work. — 2000. — Vol. 17. — P. 275—288.
7. Zhang, Q. Family Communication Patterns and Conflict Styles in Chinese Parent-Child Relationships / Q. Zhang // Communication Quarterly. — 2007. — Vol. 55, no. 1. — P. 113—128.
8. Guan, X. A Cross-Cultural Examination of Family Communication Patterns, Parent-Child Closeness, and Conflict Styles in the United States, China, and Saudi Arabia / X. Guan, X. Li // Journal of Family Communication. — 2017. — Vol. 17, no. 3. — P. 223—237.
9. Leung, JT-Y. Overparenting, Parent-Child Conflict and Anxiety among Chinese Adolescents: A Cross-Lagged Panel Study / JT-Y. Leung // International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2021. — Vol. 18, no. 22. — URL: https://www.researchgate.net/publication/356182088_Overparenting_Parent-Child_Conflict_and_Anxiety_among_Chinese_Adolescents_A_Cross-Lagged_Panel_Study (date of access: 19.02.2025).
10. Yeh, K. H. Filial belief and parent-child conflict / K. H. Yeh, B. Olwen // International Journal of Psychology. — 2004. — Vol. 39, no. 2. — P. 132—144.
11. 何文广. 青少年亲子冲突研究的现状与展望 / 何文广, 宋广闻 // 南京师范大学学报(社会科学版). — 2011. — No. 4. — P. 105—110. = Хэ Вэньгуан. Современное состояние и перспективы исследования конфликтов между родителями и подростками / Хэ Вэньгуан, Сон Гуанвэнь // Журнал Нанкинского педагогического университета (издание по общественным наукам). — 2011. — No. 4. — С. 105—110.

12. 李一季. 浅析中美文化差异的根源 / 李一季 // 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版). — 2007. — No. 6. — P. 116—117. = *Ли Йили*. Анализ истории культурных различий между Китаем и США / Ли Йили // Журнал Цицикарского университета (издание по философии и социальным наукам). — 2007. — № 6. — С. 116—117.
13. 林岚. 3—6岁幼儿家庭亲子冲突的现状及其处理策略 / 林岚 // 学前教育研究. — 2011. — No. 10. — P. 48—54. = *Линь Лань*. Современная ситуация родительско-детского конфликта в семьях детей 3—6 лет и тактика управления им / Линь Лань // Исследования в области дошкольного образования. — 2011. — № 10. — С. 48—54.
14. 梁业梅. 学前儿童父母体罚的特点及影响因素分析 / 梁业梅 // 大庆师范学院学报. — 2018. — Vol. 38, no. 1. — P. 152—157. = *Лян Емэй*. Характеристики и факторы влияния родительских телесных наказаний на детей дошкольного возраста / Лян Емэй // Исследование Дацинского педагогического колледжа. — 2018. — Т. 38, № 1. — С. 152—157.
15. 贾慧. 初中生父母体罚与亲子关系质量的关系: 对父母体罚合理性及常规性感知的调节作用: 硕士论文. - 发展与教育心理学 / 贾慧; 山东师范大学. — 济南, 2010. — P. 20—23. = *Цзя Хуэй*. Взаимосвязь между родительскими телесными наказаниями и качеством родительско-детских отношений у младших школьников: моделирующее влияние на восприятие рациональности и обыденности родительских телесных наказаний: магист. дис. Психология развития и образования / Цзя Хуэй; Шаньдун. пед. ун-т. — Цзинань, 2010. — С. 20—23.
16. ฟูрманов, И. А. Структура дисциплинарных воздействий при разрешении родительско-детского конфликта / И. А. ฟูрманов // Психология. — 2008. — № 3. — С. 9—12.
17. Straus, M. A. Corporal punishment of adolescents by American Parents / M. A. Straus, D. A. Donnelly // Reports-Research. — 1993. — No 2. — P. 1—15.
18. Day, R. D. Predicting spanking of younger and older children by mothers and fathers / R. D. Day, G. W. Peterson, C. McCracken // Journal of Marriage and the Family. — 1998. — No. 60. — P. 79—94.
19. Magnuson, K. A. Preschool child care and parents' use of physical discipline / K. A. Magnuson, J. Waldfogel // Infant and Child Development. — 2005. — Vol. 14, no. 2. — P. 177—198.
20. Ван Чжэлань. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях в периоды детства и ранней взрослости / Ван Чжэлань // Человек. Культура. Общество: материалы IX Науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов фак. филос. и соц. наук БГУ. — Минск, 2014. — С. 7—8.
21. ฟูрманов, И. А. Кросс-культуральные различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях / И. А. ฟูрманов, Ван Чжэлань // Ребенок в трудной жизненной ситуации: пособие для педагогов-психологов, соц. и пед. Работников / Акад. последиплом. образования. — 2014. — С. 25—40.
22. Ван Чжэлань. Взаимосвязь тактик разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях в периоды детства и ранней взрослости / Ван Чжэлань // Психология глазами студентов: материалы X Ежегод. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов фак. философии и социологии. — 2013. — С. 4—6.
23. Straus, M. A. Identification of child maltreatment with the parent—child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents / M. A. Strauss // Child Abuse and Neglect. — 1998. — Vol. 22, no. 4. — P. 249—270.
24. ฟูрманов, И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И. А. ฟูрманов. — СПб.: Речь, 2007. — 480 с.
25. Study on Child Abuse and Spouse: Battering Report on findings of Household Survey / Chan Ko Ling, Yip Hak Kwong, Paul Lau Tat Chi, Ruby Lo Tsz Fung [et al.]. — Hong Kong: The University of Hong Kong, 2005. — 132 p.
26. ฟูрманов, И. А. Тенденции в возрастной динамике применения тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях / И. А. ฟูрманов, Сылу Чжао // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. — 2022. — № 2. — С. 66—75.
27. 唐文辉. 大学生亲子冲突及其建设性转化的研究: 硕士论文. 教育学 / 唐文辉; 南京师范大学. — 南京, 2018. — P. 1—2. = *Тан Вэньхуэй*. Исследование родительско-детского конфликта и его конструктивной трансформации у студентов: магист. дис. Педагогика / Тан Вэньхуэй; Нанк. пед. ун-т. — Наньцзин, 2018. — С. 1—2.
28. БЕЛАРУСЬ: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение / М. Ю. Акулова [и др.]; ред. Т. Кучера. — Минск, 2018. — URL: https://belarus.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/%28%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%20%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80%29%20%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8C_%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%20%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B8_%D0%A2%D0%BE%D0%BC%20%D0%0.pdf (дата обращения: 29.12.2024).
29. Чжао Сылу. Сравнительный анализ роли матерей в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях / Чжао Сылу // Человек. Культура. Общество: сб. науч. ст. 19-й Ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. филос. и соц. наук БГУ, 28 апр. 2022 г., г. Минск / БГУ, редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2022. — С. 389—391.

Поступила в редакцию 03.07.2025.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

PHILOLOGY

LITERARY STUDIES

УДК 821.161.3

І. С. Крыштоп, кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», вул. Войкава, 21,
225404 Баранавічы, Рэспубліка Беларусь, inessa_top@mail.ru

ДЫЯЛЕКТЫКА ФАКТЫЧНАГА І ІЛЮЗОРНАГА Ё РАМАНЕ ВІКТАРА КАЗЬКО «БУНТ НЕЗАПАТРАБАВАНАГА ПРАХУ»

Мэта дадзенага артыкула — на матэрыяле рамана В. Казько «Бунт незапатрабаванага праху» вызначыць падыходы пісьменніка да мастацкага ўвасаблення дыялектыкі фактычнага і ілюзорнага як асновы матыву пошуку чалавекам сябе сапраўднага, свайго імя і месца ў свеце. Выяўлена, што твор змяшчае глыбокія філасофскія разважанні і складаную этычную канцэпцыю аўтара, якія разгортваюцца на фоне рэалістычных апісанняў штодзённага жыцця. Разам з тым імкненне да праўдзівага адлюстравання жыцця сумяшчаецца ў рамане з аўтарскім роздумам над перспектывамі чалавечага існавання, пры гэтым мінулае, сучаснасць і будучыня перасякаюцца, фарміруючы адметную надчасавую прастору. Акрамя таго, твор насычаны арыгінальнымі параўнаннямі, глыбокім сімвалізмам, містычнымі і фантазмагарыйнымі вобразамі, якія спрыяюць пераходу ад канкрэтна-гістарычных, а часам нават прыватна-асабовых часу і прасторы да касмічных і ў зваротным напрамку. Такім чынам, ілюзія ў рамане разгортваецца на цалкам рацыянальнай аснове.

Ключавыя словы: В. Казько; проза; анталогічны статус чалавека; экалагічная праблематыка; матывы пошуку; апакаліптычныя матывы; фантазмагорыя.

Бібліягр.: 10 назваў.

I. S. KryshTOP, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Institution of Education “Baranavichy State University”, 21 Voykova Str.,
225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, inessa_top@mail.ru

THE DIALECTICS OF THE FACTUAL AND THE ILLUSIVE IN VIKTOR KAZKO'S NOVEL “THE REVOLT OF UNCLAIMED ASHES”

The purpose of this article is to identify V. Kazko's approaches to the artistic reflection of the dialectics of the factual and the illusive as the basis of the motif of human quest for true self, name and place in the world on the material of the novel “The Revolt of Unclaimed Ashes”. It is proved that the work represents author's deep philosophical reflections and complex ethical concept which are accompanied by detailed descriptions of everyday life. As well, the Belarusian writer combines the aspiration to a truthful portrayal of life with the reflections of human civilization perspectives. At the same time, past, present and future are closely interconnected creating a unique supratemporal space. Moreover, the text is saturated with deep symbolism, unexpected comparisons, mystical and phantasmagoric images which facilitate the transition from concrete historical and even biographical time and space to the outer space and vice versa. Thus, illusion in the novel unfolds on a quite rational basis.

Key words: V. Kazko; prose; human ontological status; ecological problems; motif of quest; apocalyptic motifs; phantasmagoria.

Ref.: 10 titles.

Уводзіны. Віктар Казько — адзін з сучасных пісьменнікаў, проза якога вызначаецца «ўскладнёнасцю канцэптualaнага пошуку» [1, с. 729]. З самага пачатку свайго творчага шляху Віктар Апанасавіч імкнуўся асэнсаваць лёс не толькі беларусаў, але і чалавецтва ў цэлым. Пры гэтым апазданні, аповесці і раманы мастака слова цесна пераплецены з абставінамі асабістага

жыцця: аўтабіяграфічнасць яскрава праяўляецца ў творах «Цвіце на Палессі груша», «Суд у Слабадзе», «Неруш», «Хроніка дзетдомаўскага саду», «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел». Не стаў выключэннем і раман «Бунт незапатрабаванага праху».

У гэтым творы аўтар спалучыў багаты ўласны досвед і пісьменніцкае майстэрства, глыбокі псіхалагізм і філасофскі роздум пры даследаванні актуальных праблем сучаснасці, сярод якіх цэнтральнае месца занялі пытанні аб стасунках чалавека з навакольным светам. Экалагічную праблематыку В. Казько дапаўняе біблейскімі матывамі, элементамі сусветна вядомых міфаў і нацыянальных легенд, тым самым сцвярджаючы неабходнасць уключэння гістарычнага вопыту ў сучаснае быццё. Значнымі для мастацкага свету пісьменніка з'яўляюцца «пэўная абстрагаванасць сітуацыі, сюжэтна-вобразная абагульненасць, што сведчыць пра наяўнасць іншасказальнай і сімвалічнай плыняў» [2, с. 233].

У дадзеным артыкуле вырашаецца задача вызначыць падыходы В. Казько да мастацкага ўвасаблення дыялектыкі фактычнага і ілюзорнага як асновы матыву пошуку чалавекам сябе сапраўднага, свайго імя і месца ў свеце.

Матэрыялы і метады даследавання. Матэрыялам даследавання выступіў раман В. Казько «Бунт незапатрабаванага праху» (2000), у якім на прыкладзе жыцця галоўнага героя і яго сям'і аўтар асэнсоўвае сутнасныя рысы чалавека і ўмовы яго існавання на мяжы XX—XXI стагоддзяў. Метадалогія даследавання заснавана на прынцыпах кантэкстнага і псіхалагічнага падыходаў, апісальнага, біяграфічнага і герменеўтычнага метадаў.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Нельга не пагадзіцца з думкай Ц. Мортана, што «пісаць пра экалогію — значыць пісаць пра грамадства. <...> Гістарычныя ўмовы знішчылі пазасацыяльную прыроду» [3, с. 44]. Гэтая ідэя выразна прадстаўлена ў рамане В. Казько «Бунт незапатрабаванага праху»: у ім тэхнагенная аварыя, што перакроіла лёсы многіх беларусаў напрыканцы XX стагоддзя, становіцца фонам для мастацкага даследавання цывілізацыйнай катастрофы.

Спроба беларускага пісьменніка разабрацца ў прычынах экалагічнай трагедыі выяўляе перш за ўсё складаныя экзістэнцыяльныя праблемы, якія чалавек не ў сілах вырашыць, так як знаходзіцца перад вечным выбарам — асабістае ці грамадскае, магчымае або неабходнае, рэальнае ці выдуманнае. Г. М. Кісліцына ўдакладняе: «Сучасны чалавек асуджаны на хістанні паміж разнастайнымі варыянтамі выбару і нарматыўнасцю, што вядзе да разарванасці чалавечай свядомасці. Пераадолець гэты разрыў можна альбо пошукам сябе па-за нарматыўнай сацыяльнай рэальнасцю, або зрастаннем, прымірэннем з ёй» [4, с. 57].

Вобраз сучасніка становіцца цэнтральным у рамане «Бунт незапатрабаванага праху». Аўтар пачынае з рэфлексіі над анталагічным статусам чалавека, таму першая глава, акрамя апісанняў побытавых падрабязнасцей жыцця галоўнага героя Германна Говара, уключае рытарычныя пытанні і разважанні: «*Ён узяў падушку і замёр на імгненне, прыслухоўваючыся, як шамаціць у смеццераводзе за сцяною выкінутае кімсьці з суседзяў смецце. <...> Каму і навошта ўсё гэта трэба? І ці сапраўды на гэтым свеце нешта і некаму трэба*» [5, с. 6, 17]. Відавочна, што адпраўным пунктам мастацкага даследавання асобы сучасніка з'яўляецца сфакусаванасць на праявах адзіноты, разгубленасці і маральнай спустошанасці, падставамі якіх выступіла ў тым ліку і тэхнагенная аварыя, што здарылася на тэрыторыі Беларусі ў 1986 годзе «*якраз у вербную нядзелю перад Вялікаднем*» [5, с. 10].

На працягу рамана імёны і мянушкі Германна Гаўрылавіча Гомана змяняюцца, акцэнтуючы яго трансфармацыю, у тым ліку і на глыбока асабовым узроўні, пад уплывам прынцыпова рэальна-штодзённых жыццёвых абставін. Так, галоўны герой робіць шлях ад Георгія (па пашпарце) праз Жору—Юру—Герку—Германа—Макрыяна да Германна, аднак не заўсёды можна дакладна вызначыць напрамак пераўтварэнняў. Як тлумачыць Т. М. Тарасава, «у творы беларускага мастака шлях да першакрыніцы, да каранёў як першай прыступкі самапазнання пачынаецца з імёнаў герояў. Менавіта ў імені выяўляецца экзістэнцыяльная сутнасць чалавека, яго духоўныя крыніцы. Праз імя асоба паказвае свету сваю самасць, індывідуальнасць» [6].

Больш таго, хрышчэнне героя новымі імёнамі адлюстроўвае тэндэнцыю, звязаную з выяўленнем у рамана рубежнасці эпохі, калі, па словах А. І. Белай, «ламаюцца сацыяльныя, палітычныя асновы, а чалавек шукае духоўнага апірышча» [7, с. 14], мае месца «сутыкненне сэнсаў, супрацьстаянне каштоўнасцей, трансфармацыя пазнавальнага ў непазнавальнае» [8, с. 276]. Увогуле перыяд часу на мяжы XX—XXI стагоддзяў абраны пісьменнікам не выпадкова: дзеянне рамана адбываецца ў той самы момант, калі ўсё вакол пачынае мяняцца. Адпаведна, узмацняецца імкненне чалавека да новага разумення сябе і свету нават па-за межамі рэчаіснасці.

На працягу даволі доўгага перыяду — больш за 30 гадоў — Германн спазнаваў сябе з розных бакоў: ён сталёў, працаваў, ажаніўся, святкаваў, падарожнічаў, пакідаў Радзіму і вяртаўся да яе. Аднак раптам да яго прыходзіць «адчуваненне сэнсу імгнення», што вымушае «адкрыцца, расплюшчыць вочы» [5, с. 10]. Выкліканае аварыяй на ЧАЭС эмацыянальнае ўзрушэнне прыводзіць да трансфармацыі свядомасці Говара, з'яўленню абвостранага ўспрымання свету і асаблівага бачання глыбінных асноў быцця, пільнага разгляду ўнутранага свету чалавека. Больш таго, з дапамогай трапных характарыстык грамадства, якія спалучаюцца з апісаннямі штодзённых побытавых з'яў, аўтар надзвычай таленавіта апісвае распач і адчай ў душы галоўнага героя: «Недзе ў душы ён ўсведамляў, што гэта — вар'яцкая скруха ці скруха вар'ята, яе бясконцасць і адначасова хуткаплыннасць» [5, с. 9].

У якасці першапрычыны асабовага крызісу, сацыяльных адхіленняў і экалагічнай катастрофы В. Казько называе нясталасць чалавецтва, прадстаўнікі якога нават вызначаюцца як «людзі-імгненні»: ім не стае памяці роду і маральнай трываласці, спагадлівасці і чалавечай цеплыні. Пісьменнік удакладняе: «...патрэбна зусім інакшае, новае мысленне, да якога чалавек дваццатага стагоддзя яшчэ не падрыхтаваны. І сам чалавек у сваім стагоддзі наўрад ці з'яўляецца чалавекам» [5, с. 237]. Асобна трэба адзначыць, што роздумам пра жыццё падчас катастрофы твор пачынаецца («І плата была празмернай для яго. Не прывык ён сплочваць па такіх рахунках. І зусім не яго — чужыя гэтыя былі рахункі і грахі. Хаця, хто ведае, хто ведае...» [5, с. 9]) і завяршаецца («...чалавеку варта забараніць рабіць хоць што-небудзь дзеля чалавецтва» [5, с. 262]). Такім чынам, аўтар нібы знітоўвае свае разважанні ў адзінае кола.

Для рамана «Бунт незапатрабаванага праху» характэрна высокая ступень асацыятыўнасці, што дасягаецца праз фрагментацыю. З аднаго боку, аўтар як быццам забываецца на падзеі, якія апісваліся ў папярэднім абзацы, і ўжо ў іншым стане свядомасці галоўны герой працягвае разважаць пра тое, што яго хвалюе. З другога боку, «плынь свядомасці» ў творы фарміруецца вакол сукупнасці важных для існавання асобнага чалавека, якія «рассыпаны» ў розных фрагментах тэксту ісцін. Напрыклад, для галоўнага героя ў адзін сэнсава-асацыятыўны рад паўстаюць камячкі ў маннай кашы, жаночыя грудзі, лета, мяцеліца, чырвоныя рукавічкі каханай жанчыны або зязюліны слёзкі, асфальт, дзень, рыбіна, радасць, душ, кашуля, сэрца. Гэтая мастацкая стратэгія сведчыць пра майстэрства пісьменніка «з выверанай сэнсавай дакладнасцю рабіць канцэптуальна-змястоўныя пераходы з аднаго плана на другі» [2, с. 287]. Акрамя таго, яна цалкам спрыяе намеру адлюстраваць дысгармонію свету, акцэнтаваць прыкметы хаосу, стварыць атмасферу няпэўнасці і няўстойлівасці, разгубленасці і прадчування катастрофы.

З дапамогай шматлікіх сімвалаў, разгорнутых параўнанняў і трапных метафар В. Казько сцвярджае непарыўную сувязь паміж чалавекам і навакольным асяроддзем, таму значнымі для разумення спецыфікі рамана «Бунт незапатрабаванага праху» з'яўляюцца характарыстыкі часу. Адзначым, што аўтар дакладна не вызначае храналогію падзей. З аднаго боку, раманны час паглыбляецца за кошт рэтраспектыўнага плана: на старонках згадваюцца Турава-Пінскае княства і нават часы Адама і Евы. З другога — з дапамогай шэрагу значных рэалій XX стагоддзя (перабудова, карткі, чарга, «Крысціян Дыёр», Разанскі цуд, Сталін, Гагарын, Сібір, Дзень Перамогі, БАМ, Чубайс і г. д.) В. Казько акцэнтуюе матэрыяльнасць і надзённасць як свайго героя, так і падзей, што здараюцца вакол яго: «Пажарамі, наводкамі, стыхійнымі бедствамі і войнамі брала пачатак трэцяе тысячагоддзе, заканчвалася дваццатае стагоддзе» [5, с. 262]. Больш таго, пласт матэрыяльна-цялеснага жыцця ў сукупнасці з усімі сваімі сэнсамі і светаразуменнем падкрэслівае як адзінства двух светаў — прыроды і чалавека («...плоць іх — чалавека, монстра і Зямлі — была адзіная» [5, с. 10]), — так і іх адвечны антаганізм: прырода стварае, а чалавек

знішчае («*Вар'яцтва спрадвечнае, старое, калі Зямля ўпершыню спарадзіла жыццё, і сённяшняе, калі жыццё імкнулася забіць таго, хто стварыў яго, зямлю*» [5, с. 10]). Таксама трэба адзначыць і дакладнасць В. Казько ў абмалёўцы ўсіх дробязей, што выяўляюць характар мясцовасці: аўтар звяртае ўвагу і на кволую травінку, і на векавечную ліпу, і на пах аеру, і на сіняе неба. У сукупнасці прыродныя і гарадскія ландшафты не толькі дапамагаюць пісьменніку «падсвяціць» інтымныя і экзістэнцыяльныя перажыванні героя, але і робяцца фонам для выяўлення вострых сацыяльных праблем, бязлітаснага ўплыву навукова-тэхнічнага прагрэсу.

Будучыню ў творы фарміруюць матывы папярэджання і прароцтва аб наступствах «цывілізаванай» дзейнасці чалавека: «*Прыйдзе, прыснее яшчэ дзень і час, калі некаму і недзе будзе хаваць нябожчыкаў сваіх. Перакуліца, перавернеца неба, упадзе на зямлю зорка. І будзе чалавек сцерагчыся чалавека*» [5, с. 80—81]. Цікавым варыянтам рэалізацыі матыву папярэджання з'яўляецца крык, які Германн спачатку чуе ад жонкі, потым ад іншых, а пасля разумее, што так «застагнала сама зямля. І скуголіла, енчыла...» [5, с. 26]. Як слушна адзначае М. Тычына, «раман В. Казько “Бунт незапатрабаванага праху” нагадвае знакамітую карціну Эдварда Мунка “Крык”... На фоне абстрактнай урбаністычнай прасторы намалёваная ў профіль галава мужчыны, які крычыць аб тым, што ўбачыў наперадзе і аб чым хоча папярэдзіць усіх, хто яшчэ не заўважае небяспекі» [9, с. 336]. Відавочна, што В. Казько мае на мэце не толькі супрацьпаставіць бясконцасць і штодзённасць, але і прымусіць людзей задумацца над жыццём, якое, на думку пісьменніка, рызыкуе канчаткова пераўтварыцца ў «*няспынны бег на месцы на ўласным паскудстве і брыдоце*» [5, с. 12].

Варта адзначыць, што раману В. Казько «Бунт незапатрабаванага праху» ўласціва асаблівае ўзаемапранікненне прасторы і часу: апавяданне лёгка перамяшчаецца з аднаго часава-прасторавага кола ў іншае, таму нават герой не заўсёды ўсведамляе сваё становішча: «*Германн не ведаў, няздольны быў адказаць, куды ён трапіў — у мінулае ці будучае, чаго стаў сведкам*» [5, с. 81]. Акрамя таго, спецыфіку рамана вызначае створаная свядомасцю і падсвядомасцю галоўнага героя “анірычная прастора” ‘онирическое пространство’ (тэрмін Г. Башляра [10, с. 251]), якая фарміруецца на аснове фантазмагорый, элементаў перакуленай рэальнасці, сноў, зрокавых і гукавых галоўнацэнных, што ў сваю чаргу разбіваюць «*застаялую ачмуранасць нашага быцця*» [5, с. 10]. Таксама супрацьпастаўленне штодзённага і «тагасветнага» спрыяе пераўтварэнню галоўнага героя амаль кожную ноч у монстра, пачвару, чорны цень, сапраўднага зверга, драпежніка, валацужнага сабаку, якога «*немагчыма ні адстрэліць, ні ўлагодзіць, бо ён сам быў народжаны ў яго жахлівых снах... з яго памяці, з пакутліва салодкіх, пачутых яшчэ ў дзяцінстве казак ды паданняў*» [5, с. 8]. У якасці прычыны метамарфоз называюцца «*народжаная ўласнымі фантазмагорыямі*» [5, с. 13] адзінота і супярэчнасці, што складаюць самую сутнасць чалавека на працягу ўсяго яго існавання. Як адзначае аўтар, «*фантазмагорыя і ява сыходзяцца і састыкоўваюцца, і на іх стыку нараджаецца такое, што ў вар'яцкім сне не сасніш: монстры — людзі і зьяры са мностам рук, ног, галоў і вачэй, ці зусім невідучыя, нешта накшталт студзеню, як гэта было на зямлі на пачатку яе існавання*» [5, с. 81]. Такім чынам, у творы мае месца расшчапленне галоўнага героя на рэальнага чалавека з досыць канкрэтнымі біяграфічнымі дадзенымі і жыццёвымі абставінамі і істоту, здольную выйсці праз падсвядомасць, памяць і пачуцці за межы рэчаіснасці і паглядзець на стан рэчаў аб'ектыўна.

Таксама з дапамогай ілюзорнага ў рамане актуалізуюцца і апакаліптычныя матывы. Напрыклад, галоўнаму герою бачылася алавяна-мёртвае вока сажалкавай вады, чуліся плач і стогны зямлі. Акрамя таго, парушэнне лагічных сувязяў у мастацкім тэксе толькі паглыбляе адчуванне неведомасці і пагрозы, выкліканых не заўсёды разумнай дзейнасцю чалавека.

Заклучэнне. Дыялектыка фактычнага і ілюзорнага ў рамане «Бунт незапатрабаванага праху» выкрывае страшны факт «меліярацыі» чалавечай душы. В. Казько, як і многія яго сучаснікі, напрыклад, В. Быкаў, І. Шамякін, В. Карамзаў, зазначае, што разбуральныя ўчынкі чалавека, узаемная нецярымасць і ці варожасць адзін да аднаго могуць прывесці не толькі да знішчэння чалавечага роду, але і наогул да знікнення жыцця на планеце Зямля.

Малюючы партрэт сучаснасці, беларускі пісьменнік стварае шматгранны мастацкі свет, які і спрыяе сузіранню, і стымулюе да разважання: твор утрымлівае прыкметы прыроднай, сацыяльнай, маральна-этычнай рэчаіснасці мяжы ХХ—ХХІ стагоддзяў, аднак В. Казько пашырае мастацкую прастору праз зварот да філасофскіх меркаванняў і культуралагічных ацэнак. Такім чынам, ад канкрэтных рэалій аўтар уздымаецца да агульначалавечых праблем, не пакідаючы ўбакі нацыянальны ўзровень. Больш таго, факты гістарычнага мінулага далучаюцца да аналізу сацыяльных працэсаў і ўнутранага свету чалавека. Аднак, ілюзія ў рамане разгортваецца на цалкам рацыянальнай аснове, якая прадстаўлена трыма складнікамі: нацыянальна-культурным (сукупнасць геаграфічных, нацыянальных, культурных, гістарычных фактаў), сацыяльна-бытавым (грамадства), індывідуальным (штодзённая дзейнасць і свядомасць асобнага чалавека).

Спіс цытаваных крыніц

1. Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Адз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; навук. рэд. У. В. Гніламёдаў, С. С. Лаўшук. — Мінск : Беларус. навука, 2002. — Т. 4, кн. 1 : 1966—1985 / У. В. Гніламёдаў, В. П. Жураўлёў, В. В. Зуёнак [і інш.]. — 2002. — 928 с.
2. *Дубашынскі, Р. Ю.* Праблема характару ў творах Віктара Казько : спецыфіка мастацкага інструментарыю / Р. Ю. Дубашынскі // Беларуская літаратурная класіка і сучаснасць : праблемы характаралогіі / В. П. Жураўлёў [і інш.] ; навук. рэд. В. П. Жураўлёў ; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. — Мінск : Беларус. навука, 2013. — С. 232—307.
3. *Мортон, Т.* Экокрытыка / Т. Мортон // VERSUS. — 2022. — Т. 2, № 4. — С. 34—61.
4. *Кісліцына, Г. М.* Сучаснік у люстэрку літаратуразнаўства / Г. М. Кісліцына // Адлюстраванне сучаснай Беларусі ў мастацкай літаратуры : зб. навук. арт. / уклад. Н. В. Якавенка ; навук. рэд. І. В. Саверчанка ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2020. — С. 52—58.
5. *Казько, В.* Бунт незапатрабаванага праху : раман / В. Казько. — Мінск : Маст. літ., 2013. — 287 с.
6. *Тарасава, Т.* Дыялектыка чалавечага «я» ў творах В. Казько («Выратуй і памілуй нас, чорны бусел») і М. Уэльбека («Элементарныя часціцы») / Т. Тарасава // Репозиторий БГПУ. — URL: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/2030/1/Дыялектыка%20чалавечага.pdf> (дата звароту: 12.05.2025).
7. *Белая, А. І.* Абрывы роднага. Нацыянальныя локусы культуры ў беларускай прозе «эпохі рубяжа» : манаграфія / А. І. Белая. — Баранавічы : БарДУ, 2015. — 206 с.
8. *Кривцун, О. А.* Эстетика / О. А. Кривцун. — М. : Аспект Пресс, 2003. — 447 с.
9. *Тычына, М.* Скарга непачутага крыку / М. Тычына // Бунт незапатрабаванага праху / В. Казько. — Мінск : І. П. Логвінаў, 2009. — С. 327—336.
10. *Визгин, В. П.* Эпистемология Гастона Башляра и история науки / В. П. Визгин. — М., 1996. — 263 с.

Паступіў у рэдакцыю 25.06.2025.

А. П. СамаукинаУчреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 791 64 73, alice.books@mail.ru**МОТИВ БЕССМЕРТИЯ В ГОРОДСКОЙ ПРОЗЕ А. КОЗЛОВА И К. АТКИНСОН**

В литературном процессе неизбежно отражаются социальные и культурные изменения, происходящие в обществе. Повышенный интерес к роли городов и городской культуре формирует потребность к изучению психологии горожанина. В данной статье на примере повести белорусского прозаика Анатолия Козлова и рассказа английской писательницы Кейт Аткинсон рассматривается проблема обретения бессмертия городскими жителями в современном мире. Установлено, что в творчестве обоих авторов отражены напряженные духовные поиски их героев, которые стремятся найти ответы на вечные вопросы человечества. Для персонажей конструируются два разных варианта реальности, в которых моральный выбор, совершаемый героями, определяет их путь в вечную жизнь: 1) соблюдай законы предков и обрети бессмертие в памяти рода; 2) нарушь библейские заповеди и получи бесконечное физическое существование.

Ключевые слова: бессмертие; город; урбанистика; А. Козлов; К. Аткинсон; белорусская литература; английская литература.

Библиогр.: 10 назв.

A. P. SamaukinaInstitution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy, the Republic of
Belarus, +375 (29) 791 64 73, alice.books@mail.ru**THE MOTIF OF IMMORTALITY IN THE URBAN PROSE
OF A. KOZLOV AND K. ATKINSON**

The literary process inevitably reflects social and cultural changes occurring in society. Increased interest in the role of cities and urban culture creates a need to study the psychology of a city dweller. This article examines the problem of finding immortality by city dwellers in the modern world using the example of the story by Belarusian writer Anatoly Kozlov and the story by English writer Kate Atkinson. It has been established that the works of both authors reflect the intense spiritual quests of their heroes, who seek to find answers to the eternal questions of humanity. Two different versions of reality are constructed for the characters, in which the moral choice made by the heroes determines their path to eternal life: 1) observe the laws of the ancestors and find immortality in the memory of the family; 2) break the biblical commandments and receive endless physical existence.

Key words: immortality; city; urban studies; A. Kozlov; K. Atkinson; Belarusian literature; English literature.

Ref.: 10 titles.

Введение. Согласно меткому замечанию Джеймса Говарда Кунстлера, в мире существует великое множество книг, написанных о городах, тема уходит корнями вглубь человеческой цивилизации [1], ну а «начиная самое позднее с XVIII века современный роман в основе своей — городской» [2, с. 161]. Итальянский философ Томмазо Кампанелла представлял Город Солнца расположенным в идеальных климатических условиях и окруженным семью стенами. Английский философ и государственный деятель сэр Фрэнсис Бэкон в «Новой Атлантиде» описывал остров, на котором проживали люди исключительно высоких моральных качеств и честности, превозносившие науку и добродетель и презиравшие коррупцию. В «Путешествиях Гулливера» Джонатан Свифт изображает левитирующий при помощи магнитного поля город-остров Лапута. Его жители — музыканты, математики, астрономы и прочие учёные.

В славянском фольклоре также в изобилии представлены заповедные города и земли. Беловодье — легендарная земля, свободная от гнёта государства и тлетворного влияния современной по тем временам церкви; остров Буян, собравший в себе все возможные артефакты для исполнения любых желаний, главный из которых — камень алатырь; легендарный Китеж-

град, так и оставшийся непокоренным монголо-татарами; потустороннее и таинственное тридевятое царство, где растут молодильные яблоки, летают жар-птицы, исполняющие желания, богатыри побеждают Кощея, а лягушки превращаются в прекрасных царевен.

В одной из своих фундаментальных работ советский градовед Николай Павлович Анциферов заявлял о том, что «пробуждение в обществе интереса к городам — хороший симптом. Он свидетельствует о нарастании сознательного отношения к этим очагам культуры, от разумной организации которых зависит общественное благо» [3, с. 8]. Представляется возможным утверждать, что этот интерес человека разумного, направленный на поиск идеального места проживания, проистекает не в последнюю очередь из желания обрести бессмертие. Тем или иным образом человек всегда стремится достигнуть «вечной жизни», которая может воплощаться разными путями: будь то бесконечная непосредственно его жизнь в одном теле либо вечная жизнь, которая достигается через продолжение рода, т. е. связь с собственными предками и потомством.

Чаще всего города в литературных произведениях воплощают собой несбыточные человеческие желания: равенство всех живущих, небывалый научный и технический прогресс, беззаботное и безопасное каждодневное существование, обретение семьи и рода, причём навечно. Такие представители белорусской литературы, как Владимир Короткевич, Елена Браво, Артур Клинов, Иван Шамякин, Андрей Федоренко, Людмила Рублевская, внесли вклад в осмысление этой темы. В английской литературе можно отметить произведения Питера Акройда, Джулиана Барнса, Иэна Макьюэна, Айрис Мёрдок, Майкла Муркока.

Материалы и методы исследования. В данной работе при помощи описательного, герменевтического и сравнительно-сопоставительного методов рассматриваются особенности функционирования мотива бессмертия в повести белорусского прозаика Анатолия Козлова «Город в небесах (вчера, сегодня и завтра)» (2009) и рассказе английской писательницы Кейт Аткинсон «Прозрачная фантазия» (“Transparent Fiction”, 2002).

Результаты исследования и их обсуждение. Уже в самом древнейшем из сохранившихся произведений художественной литературы — «Эпосе о Гильгамеше» — присутствуют размышления о бессмертии, так что с полным правом можно заявить, что этот концепт для литературы является вечным. Традиционно добиться бессмертия можно несколькими путями: применив некий «волшебный эликсир», за счёт смерти других людей, благодаря достижениям науки и техники. Но, пожалуй, одним из самых популярных путей достижения вечной жизни является магия. При этом если подойти к этому вопросу с духовно-нравственной точки зрения, то концепт бессмертия несколько изменит своё значение, преобразуясь в бессмертие духа (или души). В этом случае для достижения цели, как правило, применяются различные духовные практики, большинство адептов которых настаивает на выполнении такого неперемного условия, как связь с предыдущими и последующими поколениями, т. е. родом.

С героем повести Анатолия Козлова «Город в небесах (вчера, сегодня и завтра)» тридцатидвухлетним Антаком Перуновичем мы знакомимся в подземном переходе минского метро, где-то в районе станции «Площадь Победы». На первый взгляд Антак кажется довольно-таки маргинальной личностью. Однако вскоре читатель узнает, что подземный переход по какой-то неведомой причине является единственным для Антака местом, в котором он может отдохнуть от своей «двойной жизни»: *«Адзінае месца, у якім можна яму адпачыць ад надакучлівых бесцялесных істот, што запаланілі ўвесь горад. Дзіўна ўсведамляць, што ніхто, акрамя Антака, не бачыць над горадам яшчэ аднаго горада. Такого ж вялікага, але нашмат цішэйшага, утульнага, ды лагоднага»* [4, с. 8].

У Антака есть одна удивительная и не приносящая ему счастья особенность: в небе над Минском он видит ещё один город — город-призрак, город-химеру, в котором нет электричества, трамваев и метро, зато ездят конные повозки. Там девушки не носят мини-юбки, никто никуда не спешит и каждый сам себе хозяин.

В своей способности видеть другую реальность Антак никогда никому не признавался, поскольку боялся, что даже самые близкие люди посчитают его сумасшедшим, ведь современная жизнь большого города диктует свои законы: будь как все, не выделяйся ничем, думай как все, слепо следуй моде, даже если не понимаешь причин: *«Так было ці не ад стварэння свету і наўрад ці скончыцца з другім прышэсцем Хрыста. Бо ў нас выхавана пачуццё масавасці, статку, мы баімся (і я ў тым ліку) непаўторнай індыўдуальнасці, самасці, выключнасці...»* [4, с. 13].

История обретения Антаком «двойного гражданства» весьма трагична. Случилось это в тот год, когда главному герою исполнилось пятнадцать лет. Из так называемой черной зоны его семью переселили в город — царство асфальта, многоэтажек и вечно спешащих куда-то людей. И едва только подросток успел адаптироваться к непредвиденным изменениям (*«Ды слушна людзі кажучь: чалавек — не сабака... Прыцёрся за нейкія паўгода Антак да ўсяго новага. Нават не вядомы раней смак адчуў у трубнай вадзе і кураж — у агляданні панарамы з балконнай вышыні»* [4, с. 20]), как случилось непоправимое: внезапно умерла его любимая бабушка, так что приехавшей бригаде скорой помощи оставалось только констатировать смерть. И это событие стало тем, что поделило жизнь Антака на до и после. В полном замешательстве юноша вышел из дома и сам не понял, как очутился за городом в окружении гор строительного мусора. Напоровшись на торчащий из разломанной бетонной плиты прут арматуры, он упал: *«...распластаны на буграстай зямлі, з раскінутымі рукамі, як на раскрыжы, ён упершыню ўбачыў той, верхні горад, горад у нябёсах. Горад па-над горадам»* [4, с. 20].

Город «плыл» в вышине, похожий на мираж. Поначалу Антак подумал, что сошёл с ума, но потом на удивление легко принял существование другого измерения, поскольку был ещё в том возрасте, когда человек скорее поверит собственным глазам, чем стройным логическим рассуждениям, которые обязательно предоставит мозг для объяснения совершенно незнакомого явления. Особо отметим, что выстраиваемая автором для своего героя художественная действительность, с одной стороны, гармонична и уравновешена, с другой — хрупка и непостоянна: любая встреча, любое событие могут стать решающими в жизни человека [5, с. 173].

Впервые оказавшись в верхнем городе, юноша был поражён его видом и обитателями: *«Яны праслізгвалі міма без аніводнага гуку. Жыхары ж верхняга горада не ішлі, а плылі. Праўда, ногі перастаўлялі і мужчыны, і жанчыны, але не дакраналіся імі да лютэркава-гладкай паверхні вузкіх брукаваных сцежкак. <...> І яшчэ Антака здзівілі ўсмешкі на тварах гараджан. Усе добрачыліва ўсміхаліся ці то яму, прыхадню, а мо і адно аднаму. Кожны для ўсіх і ўсе для кожнага»* [4, с. 22—23]. Бродя по улицам призрачного города, юноша не понимал, ни где он находится, ни что за люди его окружают, ни как они общаются между собой. Пока, наконец, возле мастерской часовщика он не встретил девушку по имени Анеля, которая и рассказала ему, что на самом деле верхний город — это не сон и не игра больного воображения, а огромный мир Предков. И что она, Анеля, — его несостоявшаяся невеста из одной из предыдущих жизней: они были безжалостно разлучены временем и болезнью. Теперь девушка живет в верхнем городе и каждый день наблюдает за Антаком в нижнем мире, оберегая его: *«Зразумей: паняццяў учарашняга, сённяшняга ды заўтрашняга для насельнікаў краіны Продакаў нямашака. Каля кожнага з вас, зямных, нас, з краіны Продакаў, жыве па некалькі. Побач з сім-тым існуюць азлобленыя стварэнні, якія адно што помсцяць сваім абраннікам, даводзяць да знішчэння: па прынце, калі не мне, то і нікому. Другія — надзяляюць энергіяй і сілай волі, трэція — дапамагаюць пакахаць, чацвёртыя — паказваюць тую сцяжыну, што выводзіць да ўлады»* [4, с. 25]. Девушка уточняет: человек находится в нижнем мире для того, чтобы через него его предки реализовали предначертанное, но неисполненное в силу каких-либо обстоятельств. При этом задача волшебного пространства — научить людей понимать ценность времени, которого в верхнем городе в принципе не существует.

Жители мира Предков умеют читать Книгу Судеб и видят, в какой момент в жизни каждого человека будет поставлена точка. Во власти всемогущих прародителей наказывать людей, которые забыли законы совести и не могут поступить правильно вопреки своей гордыне. Таким

образом, Анатолий Козлов поднимает самые острые и драматические вопросы нашего времени, указывая на то, что источник проблем — нарушения связи между людьми [6, с. 97—98].

Собственная уникальность очень тяготит Антака — ему невыносимо быть носителем сакрального, волшебного знания, недоступного больше никому. До последнего он сопротивляется, пытаясь представить верхний город то ли психическим заболеванием, то ли миражом, то ли игрой собственного сознания. Юноша отчаянно стремится понять, для чего и за что ему выпала такая судьба. Оказывается, что таким образом проявляет заботу его бабушка. При этом Анеля уточняет, что бессмертие заложено в нас от рождения: *«Калі маеш магутную, не збачэнскую генетычную памяць, то нікуды не падзенешся, а будзеш жыць у цесенькай сувязі з краінай Продкаў»* [4, с. 44].

С героиней рассказа «Прозрачная фантазия» английской писательницы Кейт Аткинсон читатель знакомится в Лондоне, куда двадцатипятилетнюю американку Мередит Зейн приводит большое путешествие по Европе. В противовес герою предыдущего повествования, Мередит — воплощение классической девочки-отличницы:

“Meredith was a goal-oriented sort of girl who thrived on purposes and objectives. <...> Her hair was pulled neatly back in a ponytail and she had traveled through her life so far in sensible flats and sneakers. She had been using both contraception and recreational drugs since she was sixteen but had never let either sex or mind-altering substances interfere with her progress. Untroubled by death or history or love, Meredith was, in short, an all-American girl” [7, с. 43].

«Меридит была целеустремленной девушкой, которая всегда следовала своим целям. <...> Ее волосы всегда были аккуратно собраны в конский хвост, и по жизни она до сих пор шла в удобных балетках и кроссовках. Уже с шестнадцати лет она начала использовать и контрацепцию, и психоактивные вещества, но никогда не позволяла ни сексу, ни веществам, изменяющим сознание, мешать ее прогрессу. Меридит была настоящей американской девушкой, не обращавшей внимания ни на смерть, ни на историю, ни на любовь» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи — А. С.).

Меридит — девушка со странной судьбой и ещё более странным характером. Будучи представителем большой семьи и не желая слишком глубоко исследовать свой внутренний мир, она как платя в разных жизненных ситуациях примеряет на себя личности своих многочисленных родственниц. Например, трудные семинары проводит в образе уравновешенной и спокойной матери, в магазине при общении с окружающими уподобляется вечно недовольной кузине, а на работе безмятежно улыбается, притворяясь искусшённой в житейских делах тётушкой Дженной.

Предки Меридит — выходцы из Польши, и любовь к кочевничеству (или туризму в современном понимании) была у них в крови. Но переехав в Америку, семья так и не смогла освободиться от призрачных уз, связывающих их с прежним местом проживания, и по своей воле или по стечению обстоятельств родственники Меридит периодически возвращались в Старый Свет, ведь «связь человека с местом его обитания — загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна» [8, с. 9].

Меридит Зейн приезжает в Европу для того, чтобы почтить память предков, умерших на континенте. Её задача — посетить все их могилы. Но этим планам не суждено сбыться, поскольку по какой-то таинственной причине воздух английской столицы обрушивается на Меридит недопомогание. Его можно описать с помощью фразы «агульная млявасць і абыякавасць да жыцця»:

“From almost the moment her American Airlines plane had touched down on English tarmac, Meredith had succumbed to an odd malaise, a mysterious kind of inertia that lay on her like a fog. She suspected she was suffering from an overabundance of history, something she’d never had to deal with in California. Or perhaps it was just the stale and sickly air that circulated and recirculated above the streets of London, leaving her lungs feeling like wrung-out cloths so that sometimes at night she would be woken by the sensation that a heavy weight, like a very large cat, had made itself comfortable on her chest while she was asleep” [7, с. 48].

«Почти с того самого момента, как самолет “Американ эйрлайнз” коснулся английской взлетно-посадочной полосы, Мередит почувствовала странное недомогание, некую таинственную инертность, которая окутывала ее, как туман. Она подозревала, что страдает от переизбытка истории, чего с ней никогда не случалось в Калифорнии. Или, возможно, это был просто тяжёлый и нездоровый воздух, циркулирующий над улицами Лондона, который как будто превращал её лёгкие в выжатую тряпку, поэтому иногда по ночам она просыпалась от ощущения чего-то тяжелого, похожего на большую кошку, устроившегося на груди, пока она спала».

Будучи практически дипломированным биологом, Мередит устраивается на должность продавца в огромный универмаг. Она живёт вместе с молодым человеком, который даже не заслуживает того, чтобы быть включенным в её жизненные планы, — она относится к нему скорее как к домашнему питомцу. В целом существование девушки такое же ничем не примечательное, как и у героя повести Анатолия Козлова. Однако главная героиня отчаянно боится собственной смерти — она не хочет погибнуть на земле предков, как это уже случилось с несколькими женщинами из её рода:

“Meredith wondered what would happen to her if she remained in London. Would the low level of oxygen affect her longevity? Stop her heart forever, before she’d had time to live her life, like poor Nanci and Adelaide before her? What if she too was a mere side shoot of the Zane family tree?” [7, с. 51].

«Мередит задумалась о том, что с ней случилось бы, останься она в Лондоне. Повлиял бы низкий уровень кислорода на ее продолжительность жизни? Остановилось бы её сердце навсегда, не дав ей возможность до конца прожить свою жизнь, как бедным Нэнси и Аделаиде до нее? А вдруг она тоже была всего лишь побочной ветвью семейного древа Зейнов?».

Соответственно, Мередит ищет источники бессмертия. Её диссертация называется «Сохранение длины теломер в миокарде человека: роль обратной транскриптазы теломеразы». Теломеры — своеобразные «защитные колпачки», которые находятся на кончиках хромосом, защищая их от повреждений и срастаний с другими хромосомами [9]. Героиня изучала конечные участки человеческих хромосом и их роль в продолжительности жизни и пришла к выводу, что чем они длиннее — тем дольше живет человек. Парадоксально, но «хромосома» её семьи уже в какой-то мере обеспечила ей бессмертие: по признанию девушки, её родные раскинули свои «теломеры» практически по всему миру. Но Мередит, в отличие от Антака Перуновича, не устраивает такой вид бессмертия, как связь с собственным родом. Она слишком остро на физическом уровне ощущает смертность своего собственного тела и панически боится этого.

Ключ к вечной жизни Мередит получает внезапно. На совершенно бесполезной вечеринке девушка встречает удивительную женщину, похожую на китайскую вдовствующую императрицу. В её внешности внимание героини привлекает необычный плащ, от которого сложно оторвать взгляд:

“It was not so much a cloak as a cape and was made from some weird material. From a distance it looked like feathers, iridescent green, plucked from hundreds of small birds or butterflies, yet, closer to, the feathers seemed more like scales — an exotic lizard or an Amazonian snake. The odd thing was that the more Meredith looked at them the more difficult they were to see” [7, с. 57].

«Это был скорее не плащ, а накидка, и сделана она была из какого-то странного материала. Издалека она выглядела как переливающиеся зеленые перья, ощипанные с сотен маленьких птичек или бабочек, но при ближайшем рассмотрении перья больше походили на чешую экзотической ящерицы или амазонской змеи. Странно, но чем больше Мередиит смотрела на них, тем труднее становилось их разглядеть».

Как оказалось, этот плащ и являлся тем самым магическим артефактом, который гарантировал его владелице бессмертие, но лишь до тех пор, пока она его носила. Не задумываясь и не испытывая каких-либо угрызений совести, Мередиит срывает плащ с владелицы, тем самым обрекая ее на смерть, но обеспечивая себе «вечное» будущее:

“Meredith threw the cape over her shoulders. It felt impossibly beautiful. Meredith laughed as she ran, neatly sidestepping the golden apples lying in her path. She carried on running and running. Meredith Zane ran into the future forever” [7, с. 60].

«Мередиит набросила накидку на плечи. Она была невыразимо прекрасна. Мередиит смеялась и бежала, стараясь не наступать на золотые яблоки, лежащие у неё на пути. Она всё бежала и бежала. Мередиит Зейн бежала в вечное будущее».

В рассказе «Прозрачная фантазия» городское пространство становится полноправным участником происходящих событий, обретая как отрицательные, так и положительные черты [10, с. 6]. В первую очередь Лондон — это воплощение Старого Света, откуда родом предки главной героини и куда её семью так или иначе тянет. Но возвращение к истокам для некоторых родственников завершается трагически: в столице Англии от рук хирурга-стоматолога погибает сестра Мередиит. Впоследствии это становится причиной самоубийства её отца. Из самой девушки город как будто высасывает жизненную энергию, что, по её ощущениям, укорачивает жизнь. Но когда Мередиит наконец решается покинуть враждебное пространство, Лондон предоставляет ей возможность получить артефакт, обещающий вечную жизнь.

Заключение. В художественном мире белорусского и английского писателей городское пространство мистическим образом притягивает к себе ищущих бессмертия людей из других регионов или даже государств. Однако в повести Анатолия Козлова доступ к вечной жизни обретается путём конструирования новой — альтернативной — реальности, в которой герой имеет возможность обратиться к своим корням и, соблюдая законы предков, слиться в вечности со своим родом. В рассказе Кейт Аткинсон реальность дополняется при помощи магического артефакта, тем самым обеспечивая нарушившей библейские заповеди героине бесконечное телесно-физическое существование.

Список цитируемых источников

1. *Kunstler, J. H.* The City in Mind: Notes on the Urban Condition / J. H. Kunstler. — New York : Free Press, 2003. — 295 p.
2. *Бюттор, М.* Роман как исследование / М. Бюттор. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 191 с.
3. *Анциферов, Н. П.* Современные города / Н. П. Анциферов, Т. Н. Анциферова. — Л. : Брокгауз-Ефрон, 1926. — 228 с.
4. *Казлоў, А. С.* Горад у нябёсах : апавесці, апавяданні / А. Казлоў ; маст. М. Лось. — Мінск : Лит. і Искусство, 2009. — 224 с.
5. *Маісеева, Д. В.* Праблема ўзаемаабумоўленасці ўсяго існага ў мастацкай сістэме А. Казлова / Д. В. Маісеева // Хрысціянскі гуманізм і яго традыцыі в славянскай культуры : сб. науч. ст., посвящ. 200-летию

со дня рождения Н. В. Гоголя / Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Т. Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. — Вып 1. — С. 173—175.

6. *Марозава, I. I.* Ірэальнае і рэальнае Анатоля Казлова / I. I. Марозава // *Польша*. — 2022. — № 8. — С. 96—103.

7. *Atkinson, K.* Not the End of the World / K. Atkinson. — New York : Little, Brown and Company, 2004. — 288 p.

8. *Вайль, П. Л.* Гений места / П. Л. Вайль. — М : АСТ : CORPUS, 2022. — 448 с.

9. *Токарева, Ю.* Теломеры: как замедлить старение и победить рак / Ю. Токарева. — РБК Тренды, 2022. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/6329e2fd9a79475173cb3b96> (дата обращения: 13.06.2025).

10. *Потанина, Н. Л.* Париж в художественном сознании Эмиля Золя: проблема городского текста : монография / Н. Л. Потанина, М. А. Гололобов. — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2011. — 155 с.

Поступила в редакцию 25.06.2025.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Научная концепция журнала предполагает публикацию современных достижений в области общей биологии и агрономии; представление результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также результатов, полученных в производственных условиях областей, включая результаты национальных и международных исследований. Статьи аспирантов, докторантов и соискателей последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Публикация статей в журнале бесплатная.

Статьи принимаются на русском, белорусском и английском языках.

*Подробные правила для авторов представлены на официальном сайте БарГУ по URL:
<https://publish.barsu.by/index.php/vestnik-sn>*

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The scientific strategy of the journal suggests publishing modern achievements in the field of general biology and agronomical science; presentation of the results of fundamental and applied research, as well as the results obtained under production conditions, both at the domestic and international level. Articles by postgraduate and doctoral students in their final year of traineeship are published out of turn if they are written in strict conformity with the specified requirements.

Publication of articles is free..

Articles can be written in the Russian, Belarusian or English languages.

*More detailed instructions for authors can be found on the official website of BarSU:
<https://publish.barsu.by/index.php/vestnik-sn>*